

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Мировая экономика на пути к регионализации

Читайте в номере:

Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам

Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки

Трансконтинентальные партнерства на перепутье: факторы, риски, последствия

Регионализация миграционных процессов

Интеграция в Латинской Америке: центро-стремительные и центробежные тренды

Влияние макроэкономических факторов на структуру капитала иностранной дочерней компании

Бразилия: от успехов – к системному кризису

Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС

Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах

Экономическая трансформация теневой экономики арабских стран в современном мире

Индия в мире регионализации

ТОМ 10 • НОМЕР 4 • 2017

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 10 • NUMBER 4 • 2017

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право

Том 10 • Номер 4 • 2017

Цели и задачи

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Главный редактор

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Заместители главного редактора

ИСАКОВ Владимир Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ЛЕКСИН Владимир Николаевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович — доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВЕРШИНИН Александр Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВИЛИСОВ Максим Владимирович — кандидат политических наук, генеральный директор Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ЖЕБИТ Александр — профессор, Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

КАЧИНСЭндрю – директор программы по России и Евразии, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

КРИВОПАЛОВ Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ЛУКИН Александр Владимирович – доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич – доктор политических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

МИГРАНЯН Аза Ашотовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

МИРОНЮК Михаил Григорьевич – кандидат политических наук, доцент, первый заместитель декана факультета социальных наук, Москва, Российская Федерация

ОРЛОВ Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ПАБСТ Адриан – Ph.D (философия религии), лектор факультета политологии и международных отношений, Кентский университет, Кент, Великобритания

СИЛЬВЕСТРОВ Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, проректор по инновационному развитию Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

ТЕЛИН Кирилл Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

УННИКРИШНАН Нандан – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», вице-президент индийского исследовательского центра Observer Research Foundation, Нью-Дели, Индия

ЭПШТЕЙН Алек Д. – доктор социологических наук (Иерусалимский университет), эксперт Института Ближнего Востока (Москва), Иерусалим, Израиль

Председатель редакционного совета

ЯКУНИН Владимир Иванович – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционный совет

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ Андрей Геннадьевич – академик Российской академии наук, доктор юридических наук, директор Института государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

МАКАРОВ Валерий Леонидович – академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич – академик Российской академии наук, доктор экономических наук, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович – академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич – академик Российской академии наук, доктор политических наук, ректор Московского государственного института международных отношений (Университет) России, Москва, Российская Федерация

ШУТОВ Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Секретарь

МОЛЧАКОВ Никита Юрьевич – магистр юриспруденции, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

Журнал «**Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право**» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации 05.10.2016, регистрационное свидетельство: ПИ №ФС77-67382

ISSN: 2542-0240 (Print); 2587-9324 (Online)

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 80247

Периодичность: 6 раз в год

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», г. Москва, Российская Федерация

Сайт: <http://centero.elpub.ru>

Адрес: 107078, Российская Федерация, Москва, Докучаев переулок, дом 4, 2-й этаж

E-mail: molchakov@centero.ru

Тел.: +79035563419

Подписка и распространение: Журнал распространяется бесплатно

Тираж: 1000 экземпляров

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law

Volume 10 • Number 4 • 2017

About OGT

The *Outlines of Global Transformations* Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editor-in-chief

Alexey V. Kuznetsov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Deputy editors-in-chief

Vladimir B. Isakov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vladimir N. Leksin – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Scientist at the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander I. Solov'yev – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Political Analysis at the School of Public Administrations of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial board

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of History, Professor of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alek D. Epstein – Ph.D. (Department of Sociology, The Hebrew University of Jerusalem), Expert, Institute of Middle Eastern Studies (Moscow), Jerusalem, Israel

Andrew C. Kuchins – Senior Associate of the CSIS Russia and Eurasia Program, Washington, USA

Aleksey A. Krivopalov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

Alexander V. Lukin – Doctor of History, Director of the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Aza A. Migranyan – Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrei Y. Melville – Doctor of Politics, Professor, Dean of Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Michail G. Mironyuk – Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Adrian Pabst – Ph.D. (philosophy of religion), Lecturer, School of Politics and International, University of Kent, Kent, United Kingdom

Sergey N. Silvestrov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Kirill O. Telin – Cand. Sci. (Pol.), Research Assistant, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nandan Unnikrishnan – Vice-president of the Observer Research Foundation, New Delhi, India

Alexander A. Vershinin – Cand. Sci. (History), Lecturer, Department of History of Russia XX-XXI centuries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Maksim V. Vilisov – Cand. Sci. (Pol.), General Director of the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

Sergey V. Volodenkov – Doctor of Politics, Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexander Zhebit – Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Irina D. Zvyagel'skaya – Doctor of History, Professor, Department of East Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Editorial Council

Oksana V. Gaman-Golutvina – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Ruslan S. Grinberg – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor of the Institute for International Economic and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Valeriy L. Makarov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Director of the Central Economics and Mathematics Institute at the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Boris N. Porfiryev – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Associate Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Viktor A. Sadovnichiy – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Rector of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Anatoly V. Torkunov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Politics, Rector of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Andrei Y. Shutov – Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Head of the Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Doctor of Politics, Head of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Executive Secretary

Nikita Y. Molchakov – Master of Jurisprudence, Research Assistant at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

The Journal “**Outlines of Global Transformations: politics, economics, law**” was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 5th of October, 2016. Registration certificate: ПИ №ФС77-673821

ISSN: 2542-0240 (Print); 2587-9324 (Online)

The Journal is included into the Higher Attestation Commission (HAC) list of periodicals (the list of leading peer-reviewed scientific journals recommended of publishing the basic research results of doctor and candidate theses).

Publication Frequency: Bi-monthly

Founder: Association for independent experts “Center for Crisis Society Studies”, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://centero.elpub.ru>

Postal address: 4 Dockuchaev per., Moscow, 107078, Russian Federation

E-mail: molchakov@centero.ru

Tel.: +79035563419

Subscription: The journal content is free distributed

Circulation: 1000 copies

Содержание

Представляя номер 9

С точки зрения экономики

Андрей Николаевич СПАРТАК. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам 13

Политические процессы в меняющемся мире

Андрей Анатольевич БАЙКОВ. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки 38

США: новые реалии

Людмила Федоровна ЛЕБЕДЕВА. Трансконтинентальные партнерства на перепутье: факторы, риски, последствия 54

Точка зрения

Ирина Павловна ЦАПЕНКО. Регионализация миграционных процессов 70

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ. Интеграция в Латинской Америке: центристские и центробежные тренды 86

В рамках дискуссии

Жоа Пауло Мартинс ЛИНАРЕС, СЯ ХУА ШЕНГ, Даниэла Верзола ВАЗ, Нилтон Деодора Морейра КАРДОЗО ЖУНИОР. Влияние макроэкономических факторов на структуру капитала иностранной дочерней компании 102

В национальном разрезе

Виктор Александрович КРАСИЛЬЩИКОВ. Бразилия: от успехов – к системному кризису 114

Проблемы Старого Света

Анна Сергеевна ЧЕТВЕРИКОВА. Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС 130

Азия: вызовы и перспективы

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ. Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах 144

Светлана Юрьевна БАБЕНКОВА. Экономическая трансформация теневой экономики арабских стран в современном мире 158

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН. Индия в мире регионализации 178

Contents

Introduction	11
--------------------	----

From the Point of Economics

Andrey N. SPARTAK. Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects	15
--	----

Political Processes in the Changing World

Andrey A. BAYKOV. Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory And Methodology of Comparison	39
--	----

USA: New Realities

Liudmila F. LEBEDEVA. Transcontinental Partnerships at the Crossroads: Factors, Risks, Consequences	55
---	----

Point of View

Irina Pavlovna TSAPENKO. Regionalization of Migration	71
Petr P. YAKOVLEV. Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends	87

Under Discussion

João Paulo Martins LINHARES, HSIA HUA SHENG, Daniela Verzola VAZ, Nilton Deodoro Moreira CARDOSO JUNIOR. Influence of Macroeconomic Factors in the Capital Structure of Foreign Subsidiarie	101
---	-----

National Peculiarities

Victor A. KRASILSHCHIKOV. Brazil: From Successes to the Systemic Crisis	115
--	-----

Problems of the Old World

Anna S. CHETVERIKOVA. Position of the Countries of the Visegrad Group in Conditions of the Worsening European Migration Crisis	131
--	-----

Asia: Challenges and Perspectives

Aleksandr Nikolaevich FEDOROVSKII. Priorities of the Republic of Korea in Integration Projects	145
Svetlana Y. BABENKOVA. Economical Transformation of Shadow Economy of Arab Countries in the Modern World	159
Andrei G. VOLODIN. India in the World of Regionalization	179

Представляя номер

Представляемый вниманию читателей новый номер журнала *«Контуры глобальных трансформаций»* посвящен проблеме, которая на протяжении нескольких лет находится в центре академической и общественной дискуссии. Еще 20 лет назад в мейнстриме была идея о том, что экономика идет по пути глобализации, которая раньше или позже приведет к ее унификации в мировом масштабе. В 1990-е гг. ее обосновывали на страницах сотен книг и статей. Кризис 2008–2009 гг. полностью поменял эту картину. Выяснилось, что глобальная экономика, которая казалась непоколебимой, не имеет иммунитета к тем болезням, которыми мировое хозяйство страдало исторически. Более того, ряд ученых и экспертов высказывали мнение о том, что последний кризис был во многом спровоцирован именно ее специфической природой. Обобщая эти мысли, Г. Киссинджер вывел своего рода формулу того вызова, с которым мир столкнулся на исходе 2000-х гг.: степень глобализации экономики намного превосходит наши возможности ею управлять.

В этой связи неудивительно, что на повестке дня оказался вопрос реструктуризации мирового хозяйства. Глобализация дала очевидный сбой, однако это отнюдь не означает, что человечеству необходимо вновь разойтись по «квартирам» национальных экономик, вернувшись в XIX в. Очевидно, что перед нами открывается перспектива формирования экономических макроблоков. Потенциал этого процесса мы и пытались оценить в рамках представляемого номера.

А.Н. Спартак рассматривает историю и современное содержание такого эконо-

мического и торгово-политического явления, как регионализм. Выделены три этапа развития процесса регионализации. Автор приходит к выводу о том, что тенденция к регионализации развивается в направлении формирования мегарегионализма – высшей стадии процесса регионализации. По его мнению, при определенных условиях мегарегиональные соглашения могут стать основой для появления новой, в существенной степени универсальной системы глобального управления в сфере международного торгово-экономического сотрудничества.

А.А. Байков в своей статье предлагает теоретико-методологическую схему сравнительного изучения и оценки казусов региональной экономической интеграции как политического явления, то есть имеющего последствия для распределения силы и влияния в межгосударственных взаимодействиях. Автор прослеживает особенности и эволюцию подходов в теории интеграции: от трактовки «федерализма» применительно к идеологическому обрамлению интеграции, как её понимали сторонники движения «Панъевропа», до современных научных взглядов в науке о международных отношениях и в рамках формирующейся субдисциплины «Сравнительная интеграция». Применительно к конкретной экономической проблематике тенденции к регионализации исследуют Ж.П.М. Линарес, Ся Хуа Шенг, Д.В. Ваз и Н.Д.М.К. Жуниор, статья которых могла бы обратить на себя особое внимание экономистов.

В статье Л.Ф. Лебедевой рассматривается формирование трансконтинентальных партнерств – Транстихоокеанского

партнерства (ТТП), Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП), – которые становятся элементом нового мирового порядка; возможные их перспективы в условиях пересмотра администрацией Д. Трампа подходов к решению глобальных вопросов, выстраиванию отношений с другими странами, к выбору формата международных соглашений, создания экономических союзов.

Важный аспект региональной экономической интеграции поднимает в своей статье П.П. Яковлев. Автор отмечает, что в последние годы процесс интеграции в Латинской Америке приобретает новые черты и характеристики, возрастает его значение для социально-экономического будущего региона. При этом латиноамериканская интеграция предстает сложным и противоречивым явлением, ее история знала как периоды повышенной активности, так и длительные «паузы», движение вспять, попытки отдельных государств пересмотреть уже принятые правила игры, получить односторонние выгоды.

А.Г. Володин рассматривает политику Индии в процессах регионализации в Азии. Автор отмечает, что в ходе региональной экономической интеграции Индия пытается ускорить экономическое развитие своих северо-восточных штатов, географически отъединенных от основной («материковой») части страны. На пути региональной интеграции Индией достигнуты определенные успехи. Однако индийской экономике пока не удается действенно интегрироваться в производственные «цепочки» в странах Азии. Схожую проблематику на примере Южной Кореи исследует А.Н. Федоровский. В его статье анализируются цели, возможности и риски участия Республики Корея в интеграционных проектах, приводится характеристика базовых принципов южнокорейской внешнеэкономической стратегии, включая преемственность подходов правящих администраций к решению задачи обеспечения внешнеэкономической экспансии.

В том же русле следует и статья В.А. Красильщикова, специально посвященная пер-

спективам современной бразильской экономики. В ней анализируется социально-экономическое развитие Бразилии с середины 1990-х гг. до наших дней. Особое внимание уделено процессу деиндустриализации, которая выражается в уменьшении доли обрабатывающей промышленности в ВВП, занятости и товарном экспорте страны, тогда как роль первичного, аграрно-сырьевого сектора в экономике и внешней торговле Бразилии возрастает. Особый интерес представляет статья С.А. Бабенковой, посвященная экономической трансформации теневой экономики арабских стран на современном этапе. Автор констатирует, что трансформация теневой экономики в арабском регионе достаточно интенсивно проходила именно в последние 10–15 лет, в том числе не без вмешательства великих держав. Анализ причин и последствий этого процесса лежит в основе ее статьи.

Отдельный блок проблем в своих статьях рассматривают И.П. Цапенко и А.С. Четверикова. В центре их внимания стоит проблема миграции, которая является ключевым компонентом экономических процессов как на глобальном, так и на региональном уровне.

Процессы трансформации мировой экономики лишь набирают обороты. Мы пока можем лишь догадываться о том, к чему они приведут. Несколько неоправданный оптимизм 1990-х гг., когда казалось, что глобализация решит все проблемы человечества, ушел. Однако это не повод становиться пессимистами. Принципиально знать, в каком направлении движется мир, чтобы не оказаться в хвосте. Надеемся, что новый номер нашего журнала прольет свет на эту пока не до конца понятую нами реальность.

Председатель редакционного совета
журнала, доктор политических наук
ЯКУНИН В.И.

Главный редактор журнала,
член-корреспондент РАН
КУЗНЕЦОВ А.В.

Introduction

This issue of the *Outlines of Global Transformations Journal* is devoted to a problem that has for a number of years been at the forefront of academic and public discussion. Just two decades ago, mainstream debate was guided by the idea that the global economy was firmly on the path towards globalization, and that it would ultimately lead to a unification of the world economy. Throughout the 1990s, hundreds of books and articles were written to make a case for globalization. However, the 2008-2009 financial crisis has turned the tide. We found out that the global economic system that had seemed so unshakable was not immune to the same maladies that have historically plagued the world economy. Moreover, a number of researchers and experts suggested that the crisis was, in many ways, caused by the specific nature of the global economic system. Summing up these thoughts, Henry Kissinger formulated the challenge that the world was facing in the late 2000s: the degree of economic globalization far exceeds our ability to manage it.

In this regard, it is unsurprising that the issue of restructuring the world economy took center stage. Globalization has obviously gone wrong, but it does not mean that humanity will have to return to the safe houses of their national economies and revert to world of the 19th century. What we see today are the prospects for the creation of economic macro-blocs. In this issue, we attempt to assess the potential of this process. A. Spartak looks at the history and the modern understanding of regionalism as an economic and political phenomenon. Having examined the dynamics of regionalization, he identified three distinct stages of the process.

The author concludes that the trend towards regionalization is shifting towards mega-regionalism – the highest level of the regionalization process. According to Spartak, under certain circumstances, mega-regional agreements can form the basis for a new, markedly universal system of global governance in the sphere of international trade and economic cooperation.

In his article, A. Baykov proposes the theory and the methodology for comparative study and assessment of the cases of regional economic integration as a political phenomenon, capable of affecting the distribution of power and influence in interstate interactions. The author looks at the characteristics and the evolution of approaches to integration theory: from the interpretation of federalism as applied to the ideological outline of integration through the lens of the Pan-European movement to modern scientific views on integration as expressed by international relations experts and advocates of the emerging sub-discipline known as “comparative integration”. Regionalization patterns as applied specifically to economic issues are explored by João Paulo Martins Linhares, Hsia Hua Sheng, Daniela Verzola Vaz and Nilton Deodoro Moreira Cardoso Junior in their article which may be of particular interest to economists.

In her article, L. Lebedeva examines the formation of transcontinental partnerships – the Trans-Pacific Partnership (TPP) and the Trans Atlantic Trade and Investment Partnership (TATIP) – that are becoming part of the new world order. The author also looks at the future of these partnerships in the context of possible revision by the Trump ad-

ministration of the approaches to solving global problems, building relations with other countries, making international agreements and creating economic unions. P. Yakovlev's article looks at an important aspect of regional economic integration. The author notes that, over recent years, the integration process in Latin America has taken on a number of new features, becoming increasingly important for the social and economic future of the region. That said, Latin American integration is a complex and controversial phenomenon: over its history, there were periods of increased activity, long pauses, setbacks, as well as attempts by individual states to revise the agreed upon rules or to act unilaterally for their own benefit.

In his article, A. Volodin examines India's policy as part of the regionalization processes in Asia. The author notes that, as part of its regional economic integration, India is trying to accelerate the economic development of its northeastern states which are geographically separated from the "mainland" of the country. India has made some progress on its way to regional integration. However, as of yet the Indian economy has been unable to effectively integrate into production chains of the Asian countries. A. Fedorovsky explores a similar issue by looking at the case of South Korea. His article analyzes the goals Korea is pursuing by participating in integration projects, as well as looks at the related risks and opportunities. The author describes the basic principles of South Korea's foreign economic strategy, including the continuity in the ruling administrations' approach to foreign economic expansion.

V. Krasilshchikov's article follows in the same vein and examines Brazil's prospects for economic growth. The author analyzes the socio-economic development of Bra-

zil from the mid-1990s to present day. Special attention is given to the process of de-industrialization, which manifests in a declining share of manufacturing in the country's GDP, employment and exports, and a growing role of the primary sector (agricultural products and commodities) in Brazil's economy and foreign trade. Of particular interest is the article by S. Babenkova, who looks at the evolution of the shadow economies of the Arab states in the modern era. The author concludes that the transformation of the Arab world shadow economy has occurred very quickly over the last 10-15 years, partly because of the interference by great powers. The article focuses on the causes and consequences of this process. In their articles, I. Tsapenko and A. Chetverikov examine a separate set of problems. They focus on the issue of migration, which is a key component of economic processes both at the global and at the regional levels.

The pace of change in the global economy is continuing to accelerate. At this point, we can only guess what this change will bring about. There is no longer any unwarranted optimism, like in the 1990s, when it seemed that globalization would solve all of the world's problems. However, this does not mean we should be pessimistic. It is imperative to know the direction the world is moving in, if we don't want to find ourselves lagging behind. We hope that the new issue of our journal will shed some light on this new, not yet fully understood reality.

Head of Editorial Council,
Doctor of Political Sciences
YAKUNIN V.I.

Editor-in-Chief,
Corresponding Member of RAS
KUZNETSOV A.V.

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Андрей Николаевич СПАРТАК

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

Пудовкина ул., 4а, Москва, 119285, Российская Федерация

spartak@vniki.msk.ru

Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются история и современное содержание такого экономического и торгово-политического явления, как регионализм. Выделены три этапа развития процесса регионализации. Первый этап – предистория регионализма – охватывает период с середины XIX века до 1940-х гг. и связан в основном с формированием двусторонних таможенных союзов в Европе с сильной политической мотивацией. Второй этап – классический регионализм – охватывает всю вторую половину XX века и определяется прежде всего интеграционными процессами в Европейском регионе, созданием ЕЭС, а затем Европейского Союза, формированием большого числа объединений развивающихся стран, по примеру ЕС преимущественно в форме таможенных союзов, и отдельных торговых блоков в развитом мире за пределами ЕС (в т.ч. НАФТА). В этот период в рамках ГАТТ/ВТО были разработаны правила для региональных торговых соглашений. Третий этап – глоболизирующийся сетевой регионализм – стартовал в начале 2000-х годов и продолжается, с определенными оговорками, по настоящее время. Современный регионализм качественно отличается от регионализ-

ма прошлого века. Помимо быстрого и всеместного, охватывающего все регионы и субрегионы мира роста числа региональных торговых соглашений (РТС) происходит значительное расширение и углубление их повестки за рамки обязательств и мандата ВТО, увеличение частотности межрегиональных и трансконтинентальных РТС, РТС с участием торговых блоков, включая межблоковые РТС. В 2010-х появилось значительное число РТС с вовлечением крупных и крупнейших экономик, чего не было раньше, и, главное, началось формирование мегарегиональных торговых соглашений с амбициозной, проинтеграционной повесткой. В РТС нового поколения, содержащих обширную повестку регуляторной гармонизации и предполагающих повышение институциональной однородности экономик стран-участниц, фактически реализуется альтернативная классической модель построения общего экономического пространства, но без наднациональных элементов. Регионализм сегодня отчетливо движется в направлении мегарегионализма – высшей стадии процесса регионализации. Политика новой американской администрации и Brexit, стимулировавшие деглобализационные, изо-

ляционистские тенденции в части западного мира, на практике привели лишь к некоторой перегруппировке и торможению отдельных мегарегиональных проектов, а также усилению позиций Китая на треке мегарегионализма (ВРЭП, мегапроект «Пояс и путь» с сопровождающими его РТС, недавняя инициатива БРИКС+ и БРИКС++). Мегарегионализм при любых сценариях окажет глубокое влияние на международную торговую систему и ВТО. При определенных условиях мегарегиональные соглашения могут стать основой для появления новой, в существенной степени универсальной системы глобального управления в сфере международного торгово-экономического сотрудничества в виде ВТО+ или каком-либо ином формате. Но это потребует длительного пред-

варительного сближения и поиска общих знаменателей между достаточно сильно различающимися по охвату и глубине мегапроектами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионализация, регионализм, интеграция, региональные торговые соглашения (РТС), зона свободной торговли (ЗСТ), мегарегионализм, мегарегиональные проекты, международная торговая система

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Спартак А.Н. (2017). Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 13-37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Andrey N. SPARTAK

Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

4a, ul. Pugovkina, Moscow, Russian Federation, 119285

spartak@vniki.msk.ru

Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects

ABSTRACT. *The article reviews history and contemporary state of such an economic and trade policy phenomenon as regionalism. Three consecutive stages of regionalization are identified. First stage – prehistory of regionalism – lasted from the middle of the XIX century till 1940-s and was characterized by the formation of bilateral customs unions in Europe with strong political motivation. Second stage – classic regionalism – covers the second part of the XX century and is mostly determined by integration processes in the European region, creation of the EEC and then the EU, organization of a big number of alliances among developing countries mainly in the form of customs union following the EU example and some trade blocs between developed economies beyond the EU (i.a. NAFTA). In this period special disciplines for RTAs were elaborated under the framework of GATT/WTO. Third stage – globalizing networking regionalism – gained momentum at the start of 2000-s and continues, with certain reservations, till nowadays. Contemporary regionalism has qualitative distinctions from regionalism of the past century. Besides fast and universal, covering all regions and subregions of the world, growth of RTAs number, their agenda is widening and deepening significantly going far beyond WTO. We could also witness*

increasing frequency of interregional and trans-continental RTAs, as well as RTAs with participation of trade blocks, including interbloc RTAs. Peculiarity of the current decade is the appearance of a considerable number of RTAs parties to which represent large and largest world economies, and that was not the case before. But the principal shift is related to the formation of megaregional trade agreements with ambitious, prointegration agenda. New generation RTAs, containing wide regulatory harmonization agenda and suggesting increasing institutional homogeneity of participating economies, de facto promote alternative vis-à-vis classic approach model for the creation of common economic space, though without supranational elements. Nowadays regionalism is definitely drifting towards megaregionalism – the higher stage of regionalization process. Politics of the new American administration and Brexit, which stimulated deglobalization and isolationist tendencies in part of Western world, in practice have only led to some regrouping and deceleration of certain megaregional projects followed by enhancing China's position on the track of megaregionalism (RCEP, Belt and Road, megaproject with accompanying RTAs, latest BRICS+ and BRICS++ initiative). Megaregionalism, under any scenario, will ex-

ert deep influence on the world trading system and the WTO. In certain conditions megaregional agreements could serve as the foundation for the emergence of new and by large universal system of global management in the sphere of international trade and economic co-operation either as a WTO plus arrangement or in some other form. But this needs long-lasting preparatory interaction for the convergence and finding common denominators between quite different megaprojects as regards their scope and depth.

KEYWORDS: *regionalization, regionalism, integration, regional trade agreements (RTAs), free trade area (FTA), megaregionalism, megaregional projects, world trading system*

FOR CITATION: Spartak A.N. (2017). Metamorphosis of regionalization: from regional trade agreements to megaregional projects. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 13-37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Регионализация как экономическое и торгово-политическое явление, предполагающее установление особых отношений между государствами для облегчения и расширения взаимной торговли и других форм хозяйственного сотрудничества, а также во многих случаях получения политических и геоэкономических выгод, имеет более чем полуторавековую историю. С учетом количественных и качественных характеристик процесса регионализации можно выделить три основных этапа в его развитии, а также определить контуры намечившегося четвертого этапа.

Эволюция регионализма

Первый этап – это предыстория регионализации, период создания первых таможенных союзов в Европе, практически всегда двусторонних, с сильной политической мотивацией в их образовании. Инициаторами таких союзов выступали эко-

номически более сильные государства, становившиеся ядром объединения. Это также период появления примеров двусторонних торговых соглашений, содержащих оговорки о возможностях взаимного предоставления преференций. Хронологически данный этап охватывает почти столетний временной отрезок – с середины 1800-х годов практически до середины прошлого века, в течение которого активно происходило становление региональных, а затем и мирового хозяйства.

В числе первых региональных экономических объединений – Австро-венгерский таможенный союз (создан в 1851 г.), Франко-монакский таможенный союз (1865 г.), Германский таможенный союз (сформировавшийся в период 1834–1867 гг. и положивший начало единому германскому государству), Шведско-норвежский таможенный союз (1874 г., вскоре после образования распался вследствие межстрановых противоречий) (Долгов, Спартак, 2011, с. 191). В начале 1920-х годов появились Польско-данцигский и Швейцарско-лихтенштейнский таможенные союзы. Особое место в предыстории регионализма занимает Бельгийско-люксембургский экономический союз 1921 г. – наиболее зрелый по своему содержанию, в 1932 г. ставший фактически тройственным союзом Бельгии, Люксембурга и Нидерландов. Во второй половине 1940-х гг. завершилось становление Бенилюкса как полноценного таможенного союза и началась работа по созданию экономического союза.

В рассматриваемый период предпринимались попытки использовать формат таможенного союза в конкурентной борьбе между США и Европой для защиты друг от друга своих традиционных рынков сбыта. Еще в 1910 г. США попытались образовать под своей эгидой Панамериканский таможенный союз с латиноамериканскими странами, но те воспротивились экспансии североамериканских компаний, и союз не состоялся. В 1929 г., в самом начале Великой депрессии, Франция

выдвинула инициативу создания Панъевропейского таможенного союза с участием более двух десятков государств, имевшего явную антиамериканскую направленность. Однако проект не получил поддержки многих стран из-за усилившихся противоречий на фоне кризиса и боязни жестких ответных мер со стороны Соединенных Штатов.

Отправные точки второго, «классического» этапа регионализации – неудавшееся создание в 1946–1948 гг. Международной организации по торговле и занятости в качестве специализированного учреждения ООН, но удавшееся подписание в 1947 г. 23 странами Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), ознаменовавшее начало формирования многосторонней торговой системы в ответ на политические и экономические вызовы времени с особыми правилами для преференциальных торговых соглашений (ст. XXIV ГАТТ «Территориальное применение – приграничная торговля – таможенные союзы и зоны свободной торговли»), а также образование экономических объединений нового типа в Европе – Европейского объединения угля и стали (1951 г.), Европейского экономического сообщества (1957 г.), Экономического союза Бенилюкса (1958 г.), Европейской ассоциации свободной торговли (1959 г.). ЕЭС стало примером наднациональной, многостадийной интеграции «классического» типа, представленной в трудах известного американского экономиста венгерского происхождения Б. Балаши (Balassa, 1961, p. 1–2).

На протяжении последующих десятилетий именно фактор функционирования ЕЭС и углубления европейской интеграции, вплоть до формирования единого рынка и Европейского Союза, оказывал решающее влияние на развитие процес-

са регионализации и модальности торговых соглашений. Происходило расширение Евросоюза и при его лидерстве – преформатирование торгово-политической конфигурации в Европе и в близлежащих регионах (соглашения между ЕС и странами ЕАСТ, включая образование Европейского экономического пространства в 1994 г., создание таможенных союзов ЕС с Андоррой, Турцией, Сан-Марино, соглашения об ассоциации ЕС со средиземноморскими странами). На других континентах, по примеру ЕС, но с учетом местной специфики и условий, создавались (хотя в основном только декларировались) таможенные союзы со значительным числом стран-участниц: Центральноамериканский общий рынок (1961 г.), Карибское сообщество и общий рынок (1973 г.), Андское сообщество (1998 г.), Южноамериканский общий рынок (1991 г.), Экономическое сообщество западноафриканских государств (1993 г.), Общий рынок для Восточной и Южной Африки (1994 г.), Таможенный союз России – Беларуси – Казахстана (1997 г.), Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (1999 г.), Западноафриканский экономический и валютный союз (2000 г.).

Рассматриваемый период хронологически охватывает всю вторую половину прошлого века и самое начало 2000-х годов. Почему мы не связываем его окончание с созданием ВТО в 1995 г., закрепившим формирование универсальной многосторонней торговой системы и современный свод правил в отношении региональных торговых соглашений – РТС¹, включая действующие в сфере услуг (ст. V ГАТС «Экономическая интеграция» и ст. V-бис «Соглашение об интеграции рынков рабочей силы»)? Во-первых, потому, что в первые годы после создания ВТО

1 Региональные торговые соглашения в понимании ВТО включают соглашения о частичной либерализации торговли, о свободной торговле товарами, услугами, о таможенном союзе. Соглашения о торговле услугами в последнее время именуются ВТО как «соглашения об экономической интеграции» с учетом того, что они предполагают значительную либерализацию взаимного доступа на рынки, движения факторов производства, сближение систем регулирования.

либерализация торговли де-факто продолжалась в рамках «встроенной» повестки по услугам и на ряде других направлений, то есть еще не возникли стойкие недовольство и неудовлетворенность участников результатами многосторонних торговых переговоров, что впоследствии послужило одним из главных «спусковых» механизмов для взрывного усиления регионализма. Во-вторых, в первый период после учреждения ВТО действовали переходные положения о специальном и дифференцированном режиме для развивающихся стран, сохранявшие за ними значительный объем преференций, в том числе по доступу на рынки, использованию субсидий и др. Это отчасти демотивировало их в плане создания РТС. В-третьих, произошедшее в преддверии и вскоре после образования ВТО увеличение числа РТС, помимо внутриевропейской и средиземноморской активности ЕС, в значительной степени связано с заключением двусторонних ЗСТ между постсоветскими государствами, остро нуждавшимися в сохранении свободной торговли для нормального функционирования изначально тесно связанных национальных экономик. В-четвертых, учреждение ВТО не повлияло сколько-нибудь существенно на содержание РТС, которые до начала 2000-х гг. концентрировались на товарах и таможенных тарифах.

Рассматриваемый период можно охарактеризовать как регионализацию классического образца, когда регионализм выступал органической частью глобализации, обеспечивая подготовку региональных экономических пространств, в том числе через использование инструментов коллективного протекционизма, к последующей более глубокой интеграции в мировое хозяйство. Важной составляющей данного этапа стало создание благоприятных условий для формирования региональных цепочек стоимости с последующим их выходом на глобальный уровень. Содержание регионализации в этот период буквально соответствовало назва-

нию явления – создавались объединения и заключались торговые соглашения почти исключительно регионального характера, причем степень институционализации таких объединений (образования различных межгосударственных структур и органов) была достаточно высока. Конкуренция на поле регионализации оставалась невысокой, за исключением, пожалуй, Европейского региона, где на протяжении почти четырех послевоенных десятилетий соперничали ЕС и ЕАСТ (до практически полного поглощения Евросоюзом стран ЕАСТ).

Основные достижения анализируемого этапа регионализации заключаются в следующем:

- было завершено формирование единого рынка, экономического и валютного союза ЕС (то есть достигнута высшая стадия интеграции в терминологии Б. Балаши);
- вокруг ЕС сформировалась широкая зона преференциального торгово-экономического сотрудничества;
- появились первые примеры соглашений ЗСТ плюс, охватывающих не только товары, но также торговлю услугами, инвестиции, вопросы конкуренции, защиты объектов интеллектуальной собственности и др. (помимо соглашений с участием ЕС это прежде всего соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли 1994 г. – НАФТА, а также отдельные соглашения с участием Мексики, Чили, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии);
- сформировались многочисленные зоны преференциального взаимодействия по линии Юг – Юг, что стимулировало экономический рост развивающихся государств и повышало привлекательность региональных рынков для производительных инвестиций из развитых стран (помимо вышеперечисленных таможенных союзов с участием развивающихся стран, Торговое соглашение для Ти-

хоокеанской Азии, Латиноамериканская ассоциация интеграции, Организация экономического сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии – АСЕАН, СНГ, Препаративное торговое соглашение для Южной Азии, Сообщество развития Южной Африки, др.). Соглашения между развивающимися странами носили преимущественно плюрилатеральный характер и ограничивались в основном частичным охватом товарных позиций в ходе либерализации, сохраняли существенные изъяты из режима ЗСТ;

- после развала СССР до определенной степени была восстановлена экономическая целостность постсоветского пространства через заключение двусторонних соглашений о свободной торговле (всего таких соглашений в базе ВТО за рассматриваемый период более 20).

Наступление третьего этапа регионализации – глобализирующегося сетевого регионализма – датируется началом 2000-х гг. и продолжается, с некоторыми существенными оговорками, вплоть до настоящего времени. Ключевые события и предпосылки, определившие начало нового этапа, включают открытие в 2001 г. Доха-раунда ВТО и быстрое разочарование стран-участниц в связи с отсутствием скольконибудь значимых его результатов; переход США к политике конкурентной либерализации, что сильно повысило градус межгосударственного соперничества в борьбе за доступ на рынки; значительное увеличение доли торгуемой добавленной стоимости в международной торговле, отражающее экспансию международных производственных систем и ставящее задачи по широкому открытию рынков; завершение

становления Китая как одной из крупнейших и агрессивных торговых держав, вытесняющей конкурентов с традиционных рынков, что побуждало другие страны к более активному использованию торгово-политических инструментов; присоединение к ЕС в 2004 г. десяти стран Центральной и Восточной Европы, достаточно быстро приведшее к снижению эффективности функционирования Евросоюза и падению привлекательности наднационального формата интеграции в силу его негибкости (тем более большинство так называемых таможенных союзов развивающихся стран откровенно пробуксовывали, а, например, АСЕАН – в формате ЗСТ плюс успешно развивалась).

Для рассматриваемого периода характерен быстрый, а в отдельные годы – взрывной рост числа РТС, которое за истекший период 2000-х гг. увеличилось четырехкратно². На треке РТС значительно повысилась активность развивающихся государств, появились страны, суперинтегрированные в преференциальные торговые форматы, реализующие в их рамках очень значимую и даже основную часть своей внешней торговли. Сегодня около 2/3 международного обмена товарами осуществляется в рамках РТС, в том числе в экспорте Канады данный показатель достигал в 2015 г. 80%, Республики Корея – 73,5%, Германии – 70,5%, Китая – почти 40% (Спартак, 2016, с. 31–40). Доля взаимного экспорта в общем экспорте региональных объединений в случае ЕС составляет 63%, НАФТА – 50%, АСЕАН – 25%, Сообщества развития Южной Африки – 18%³.

Помимо роста числа и влияния РТС усложнилась и стала более насыщенной их повестка. Обсуждение тарифных вопросов перестало быть главным акцентом на переговорах, в центр которых вы-

2 WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org> (Accessed: 17.09.2017)

3 World trade statistical review 2017. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/wts17_toc_e.htm (Accessed: 17.09.2017)

двинулись вопросы регуляторной гармонизации, доступа на рынки услуг, либерализации движения капиталов, технологий, информационных потоков и др. По сути, сформировалась альтернативная классической, без наднациональных элементов, более гибкая и зачастую не менее эффективная модель формирования общего экономического пространства стран-участниц с широкими возможностями для углубления взаимного сотрудничества.

Среди РТС последних полутора десятилетий все больше межрегиональных, а не чисто региональных соглашений, в заключении РТС стали активно участвовать торговые блоки (кроме ЕС и ЕАСТ, – АСЕАН, Южноафриканский таможенный союз – ЮАТС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива – тоже таможенный союз, Евразийский экономический союз, МЕРКОСУР). Возникли первые межблоковые РТС (между ЕС и Сообществом развития Южной Африки, МЕРКОСУР и ЮАТС, ЕАСТ и ЮАТС).

Говоря о том, что третий этап регионализации продолжается и в настоящее время, с сохранением высокой динамики, содержательного и географического разнообразия создаваемых РТС, нельзя не отметить, что в его недрах все более очевидно вызревают предпосылки для качественных изменений в процессе регионализации, сдвига от регионализма, пусть и расширительно трактуемого, к мегарегионализму.

Мегарегионализм в нашем понимании – это комплексная категория, прежде всего определяющая высокий потенциал влияния данного явления на мировую экономику и международную торговую систему, развитие процесса глобализации. Мегарегионализм – это и про число, и про качество участников новых

межгосударственных проектов, и про их беспрецедентно глубокую повестку с высокой институционально-регуляторной составляющей, и про «фабрику» лучших практик, которые впоследствии могли бы быть имплементированы в правовую систему ВТО.

Современный регионализм

За весь период существования ГАТТ (1948–1994 гг.) эта организация получила от стран-членов заявления о 124 РТС (относящихся к торговле товарами), тогда как еще более 540 нотификаций о заключении РТС (в растущем числе случаев выходящих далеко за рамки регулирования торговли товарами) поступило уже после старта работы ВТО в 1995 г.⁴ Общее число нотифицированных в ГАТТ/ВТО РТС к концу сентября 2017 г. приблизилось к 670, из которых 453 представляли собой действующие РТС (в конце 2007 г. число действующих РТС составляло около 250, то есть в кризисный и посткризисный период добавилось свыше 200 РТС – почти половина всех действующих). Несколько десятков РТС в рамках процедуры раннего уведомления ВТО находятся в стадии переговоров или подписаны, но не вступили в силу. И еще около сотни РТС, по оценкам секретариата ВТО, фактически действуют, но не были нотифицированы в ВТО⁵.

Общее число физически существующих РТС к концу сентября 2017 г. достигло 284, из которых 266 – это соглашения о свободной торговле различного охвата и глубины и 18 – таможенные союзы, в том числе 4 образованы ЕС⁶. Количество «физических» РТС отличается от общей величины нотифицированных в ВТО РТС, где соглашения о свободной торговле товара-

4 Regional Trade Agreements: Facts and Figures. URL: <http://www.wto.org> (Accessed: 23.09.2017)

5 WTO OMC. Regional trade agreements and the multilateral trading system. Discussion paper for the G20. September 21 2015. P. 5.

6 WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (Accessed: 23.09.2017). Таможенный союз в действительности 17, поскольку помимо Евразийского экономического союза в ВТО ранее был нотифицирован Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, который так и остался в базе РТС ВТО.

ми (или о таможенном союзе) и соглашения об экономической интеграции, включающие торговлю услугами, инвестиции и др., считаются раздельно, хотя на практике они представляют единое РТС. Кроме того, разница обусловлена нотификацией соглашений о расширении уже действующих РТС, хотя их и не много (24 за весь период ГАТТ/ВТО, в основном в связи с расширением ЕС). Около сотни РТС можно отнести к категории плюрилатеральных (с вовлечением более двух стран и торговых блоков в качестве стороны РТС; без соглашений с участием ЕС и ЕАСТ останется порядка 30 плюрилатеральных РТС). В Таблице 1 приведены количественные данные по структуре действующих РТС.

Примерно 35% всех «физических» РТС, нотифицированных в ВТО и вступивших в силу, заключено при участии ведущих развитых стран и их объединений –

ЕС, ЕАСТ, США и Японии (причем США и Япония только в 2000-х годах стали заметными игроками на поле регионализма). Среди других стран безусловными лидерами на поле регионализма являются Чили и Сингапур, последовательно проводящие политику открытой экономики и ориентирующиеся на соглашения интеграционного типа. Высокую активность по заключению РТС проявляют Турция, Республика Корея, Перу, Панама, Мексика, Индия – у всех перечисленных стран более 15 «физических» РТС (Таблица 2).

Помимо всплеска активности РТС в 2000-х гг. следует отметить универсализацию регионализма как процесса, в котором активно участвуют все континенты и категории стран, а также окончательное формирование проинтеграционного характера современного регионализма, не ограничивающегося созданием зон сво-

Таблица 1. Структура региональных торговых соглашений, нотифицированных в ВТО и вступивших в силу, по видам соглашений¹ (на конец сентября 2017 г.)

Виды РТС	Включая двойной счет		Исключая двойной счет	
	всего	в % к итогу	всего	в % к итогу
Соглашения с частичным охватом	22	4,8	22	7,8
Соглашения о свободной торговле	246	54,3	106	37,3
Таможенные союзы	18	4,0	18	6,3
Соглашения об экономической интеграции²	143	31,6	138	48,6
Соглашения о присоединении к существующим ННС (в основном расширение ЕС)	24	5,3	-	-
ВСЕ СОГЛАШЕНИЯ	453	100,0	284	100,0

1 ВТО раздельно учитывает РТС в торговле товарами и РТС в торговле услугами, охватывающие широкий комплекс вопросов, хотя на практике это одно и то же РТС. Исключение двойного счета осуществляется путем вычитания из числа соглашений о свободной торговле товарами тех случаев, когда между странами заключены также соглашения об экономической интеграции. По пяти таможенным союзам – ЕС, Евразийский экономический союз, МЕРКОСУР, Карибское сообщество и общий рынок, Восточноафриканское сообщество, где есть соглашения об экономической интеграции, последние учитывались в числе соглашений о таможенном союзе.

2 При исключении двойного счета даны единые соглашения о свободной торговле и об экономической интеграции. Одно соглашение – о Европейском экономическом пространстве между ЕС и ЕАСТ – является только соглашением об экономической интеграции.

Источник: WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org> (Accessed: 23.09.2017)

бодной торговли товарами, а охватывающего широкий круг вопросов торговли услугами, взаимодействия в сферах инвестиций, ИКТ, интеллектуальной собственности, экологии, конкуренции, трудовых стандартов и др.

В 2015–2017 гг. происходило интенсивное достраивание системы регионализма. С заключением в июне 2016 г. торгового соглашения между Японией и Монголией в составе ВТО не осталось стран, не имеющих РТС.

Более масштабным стало вовлечение в процесс регионализации африканских государств. В июне 2015 г. на саммите 26 стран – участниц Восточноафриканского сообщества, Сообщества развития Юга Африки и Общего рынка для Восточной и Южной Африки было парафировано Трехстороннее соглашение о свободной торговле. Предполагалось, что оно вступит в силу через 12 месяцев при условии его ратификации 14 из 26 государств. Окончательный текст соглашения на середину 2017 г. был подписан 20 странами, но ратифицировал его только Египет, принимавший саммит. Одновременно по поручению лидеров Африканского союза ведется работа на треке Общеконтинентальной ЗСТ (хотя поставленный срок ее завершения – 2017 г., по-видимому, будет продлен). Страны Африки к югу от Сахары шире вовлекаются в межрегиональные ЗСТ, что свидетельствует об их возросшей готовности к такой деятельности (в течение 2016 г. вступили в силу РТС ЕС – Сообщество развития Юга Африки, ЕС – Гана, ЕС – Кот-д’Ивуар, МЕРКОСУР – Южноафриканский таможенный союз).

Происходит консолидация латиноамериканского регионализма. В мае 2016 г. вступило в силу соглашение о Тихоокеанском альянсе (Колумбия, Мексика, Перу, Чили), а уже вскоре после этого были заключены РТС между МЕРКОСУР и двумя лидерами Тихоокеанского альянса – Мексикой и Чили. Шесть тихоокеанских государств Латинской Америки – Чили, Перу, Панама, Мексика, Колумбия, Коста-

Таблица 2. Страны и объединения государств, участвующие в наибольшем числе «физических» РТС, нотифицированных в ВТО и вступивших в силу (ранжировано по числу «физических» РТС) (на конец сентября 2017 г.)

	Страны и объединения	Всего РТС / в том числе глубокие РТС
1	ЕС	40/16
2	Чили	29/21
3	ЕАСТ	28/11
4	Сингапур	22/19
5	Турция	22/–
6	Республика Корея	18/14
7	Украина	18/4
8	Перу	17/12
9	Панама	16/14
10	Индия	16/5
11	Мексика	16/11
12	Япония	15/14
13	США	14/13
14	Китай	14/13
15	Малайзия	14/9
16	Таиланд	13/8
17	Колумбия	13/10
18	Коста-Рика	13/11
19	Канада	12/7
20	Австралия	12/10

Источник: WTO Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org> (Accessed: 24.09.2017)

Рика – сегодня входят в двадцатку стран и объединений с наибольшим числом РТС (столько же стран представлено от Восточной и Юго-Восточной Азии).

Возросла активность на треке РТС между крупными и крупнейшими экономиками. Среди последних примеров – РТС между ЕС и Канадой, Китаем и Республикой Корея, Китаем и Австралией, Японией и Австралией, Канадой и Республикой Корея, Австралией и Республикой Корея. Ведутся переговоры ЕС с Индией, Японией и МЕРКОСУР, Японией с Республикой Корея, Республики Корея с Мексикой. В конце лета 2017 г. появилась информация о возможности «грандиозной торговой сделки» между США и Великобританией после завершения процедуры ее выхода из ЕС.

В последние годы стабильно более половины всех заключенных РТС это межрегиональные, преимущественно трансконтинентальные. Такой подход диктуется развитием глобальных производственных систем и подкрепляется снижением транспортных расходов, улучшением всей системы коммуникаций, уходом значительной части деловой активности в цифровую сферу.

Проинтеграционная сущность современного регионализма выражается в том, что к началу 2000-х годов было лишь порядка 10 «физических» РТС с продвинутой повесткой, а сейчас – 143 (на конец сентября 2017 г.). В 2016 г. число глубоких РТС впервые превысило количество соглашений, ограничивающихся установлением режима свободной торговли товарами. Около 70% всех РТС, заключенных в текущем десятилетии, содержат в той или иной степени элементы интеграционной повестки.

Этот тип соглашений, именуемых также ЗСТ плюс, оказывает наибольшее стимулирующее влияние на торговые потоки и экономики стран-участниц. В исследовании ВТО «Региональные торговые согла-

шения и многосторонняя торговая система» (2015)⁸ представлены результаты анализа ключевых положений РТС, заключенных в 2000–2014 гг., свидетельствующие об усилении их амбициозности как инструмента поддержки экономического развития (процент РТС от общей выборки, которые затрагивают следующие вопросы): правила конкуренции (59%), торговля услугами (56%), взаимные инвестиции (54%), государственные закупки (47%), права интеллектуальной собственности (47%), охрана окружающей среды (31%), электронная торговля (23%), трудовые отношения (22%).

В современных РТС принято выделять повестку ВТО плюс (то есть вопросы, регулируемые ВТО, по которым стороны берут повышенные обязательства) и за рамками ВТО, когда в соглашения включаются сферы и направления взаимодействия, пока не охватываемые ВТО, но необходимые для наиболее эффективного сопряжения экономик стран-участниц. На сегодняшний день, наверное, самый показательный пример всеобъемлющего соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве это РТС между ЕС и Канадой, отменившее около 99% тарифов во взаимной торговле, открывшее доступ на рынки услуг и обеспечившее широкую регуляторную гармонизацию. Ниже, в Таблице 3, в иллюстративном порядке приведены вопросы РТС, включающие обязательства сторон вне ВТО.

Мегарегионализм и новые вызовы

Новейший этап в развитии регионализации связан с возникновением феномена МРТС. Уже значительное число работ, в том числе автора данной статьи, посвящено мегарегиональным торговым соглашениям нового поколения, оценке потенциала их влияния на мировую экономику и международную торговлю, многосто-

8 WTO OMC. Regional trade agreements and the multilateral trading system. Discussion paper for the G20. September 21 2015. P. 7–8.

Таблица 3. Иллюстративный перечень вопросов глубоких РТС, выходящих за рамки текущей повестки и мандата ВТО (составлено автором)

Регулирование рынка объектов интеллектуальной собственности	Сближение законодательства и стандартов	Регулирование рынка труда, трудовой миграции
Конкурентная политика	Сельское хозяйство	Региональное сотрудничество
Защита прав потребителей	Защита информации	Финансовая помощь
Вопросы выдачи виз	Промышленная кооперация	Статистика
Социальные вопросы	Борьба с коррупцией	Госуправление
Экология	Отмывание денег	Политический диалог
НИОКР, инновационная политика	Незаконный оборот наркотиков	Образование
Информационное общество	Экономическая политика	Здравоохранение
Добыча полезных ископаемых	Налогообложение	МСП
Движение капитала, инвестиции	Энергетика	

ронную торговую систему (Спартак, 2016, с. 3–20; Саламатов, Спартак, 2016, с. 50–60; Спартак 2013, с. 33–45). Для национальных экономик стран-участниц такие мега-соглашения предоставляют дополнительные возможности для развития, роста торговли и инвестиций, включенности в международные производственные системы.

МРТС изначально появились в АТР как следствие быстроразвивающихся интеграционных процессов и конкуренции между крупнейшими игроками – США и Китаем – за лидерство в формировании экономической повестки сотрудничества и правил торговли в этом мегарегионе. Вместе с тем уже скоро стало понятно, что МРТС служат и инструментом глобальной конкуренции.

Отправная точка мегарегионализма – начало текущего десятилетия, когда стартовали реальные переговоры по трем мегарегиональным проектам: Транстихоокеанское партнерство – ТТП с участием США и в итоге еще 11 стран (переговоры запущены в марте 2010 г.), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство – ВРЭП с участием АСЕАН, Китая, Индии, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зе-

ландии (май 2013 г.), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство – ТТИП, США – ЕС (июнь 2013 г.). В 2010–2012 гг. четвертая по размеру азиатская экономика – Республика Корея – подписала соглашения о ЗСТ с США, ЕС, Индией, то есть появились по-настоящему крупные двусторонние межрегиональные РТС.

В Таблице 4 приведено сравнение основных параметров трёх вышеупомянутых МРТС.

В терминах диалектики мегарегионализм означает своеобразное отрицание отрицания. Всплеск регионализации в 2000-х гг. в значительной степени был реакцией на слабость и низкую эффективность ВТО как инструмента формирования наиболее благоприятных условий для интернационализации и транснационализации национальных экономик, экспансии международных производственных систем. В свою очередь, мегарегиональные торгово-экономические проекты стали ответом ведущих держав на невысокую результативность разрозненных двусторонних РТС с второстепенными партнерами в получении значимых преимуществ на глобальном рынке, возросшие издерж-

Таблица 4. Сравнение основных параметров мегарегиональных торговых соглашений (составлено автором на основе официальных материалов и исследований по проблематике МРТС) (по состоянию на сентябрь 2017 г.)

	ТПП	ТТИП	ВРЭП
Впервые объявлено	Декабрь 2009 г.	Февраль 2013 г.	Ноябрь 2011 г.
Начало переговоров	Март 2010 г.	Июнь 2013 г.	Май 2013 г.
Текущий статус	Соглашение подписано 5 февраля 2016 г.; в январе 2017 г. США заявили о выходе из ТПП	Состоялось 15 раундов переговоров, в настоящее время переговоры заморожены из-за Brexit	Состоялось 19 раундов переговоров
Основная цель	Заключение РТС «нового поколения» с глубоким охватом традиционной и новой повестки («золотой стандарт» для РТС XXI века)	Заключение РТС «нового поколения» с глубоким охватом традиционной и новой повестки («золотой стандарт» для РТС XXI века)	Гармонизация соглашений «АСЕАН+1», в том числе правил происхождения, при одновременном согласованном расширении и углублении их повестки
Модель членства	Соглашение открыто для новых членов из АТР, но на практике присоединение после подписания ТПП сильно затруднено необходимостью принятия в полном объеме имеющейся договорно-правовой базы	Соглашение является продолжением Трансатлантической интеграционной повестки (с 1995 г.); в силу беспрецедентной глубины соглашения расширение, по-видимому, возможно только за счёт принятия в ЕС новых членов	Участвуют страны, заключившие с АСЕАН соглашения в формате «АСЕАН+1», правила и критерии расширения пока отсутствуют, но в принципе возможно присоединение новых членов после завершения переговоров по ВРЭП
Глубина и охват	Формат «ВТО плюс» – акцент на вопросах повестки «нового поколения» (гармонизация внутренних систем и правил регулирования) и расширении охвата традиционной повестки	Формат «ВТО плюс» – акцент на вопросах повестки «нового поколения» (гармонизация внутренних систем и правил регулирования) и расширении охвата традиционной повестки	В основном совместимый и согласующийся с ВТО формат, акцент на вопросах тарифной либерализации при возможности различных уровней либерализации для отдельных стран
Главный драйвер мегапартнерства	Изначально США, после выхода США из ТПП – Япония при поддержке Австралии и Новой Зеландии	США, при активной позиции ЕС на многих направлениях; после победы Д. Трампа и Brexit явных драйверов нет	Изначально – АСЕАН при поддержке инициативы Китаем и Японией; в настоящее время значительно усилилось влияние Китая
Страны-участницы	Изначально 12 (с США), сейчас 11: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония	Всего 29: США, ЕС – 28	Всего 16: 10 стран АСЕАН, Китай, Япония, Респ. Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия
Страны, входящие одновременно в два мегапартнерства	Всего 7: Австралия, Бруней, Вьетнам, Малайзия, Новая Зеландия, Япония, Сингапур (все – ТПП и ВРЭП)		
Страны, входящие только в одно мегапартнерство	Канада, Мексика, Перу, Чили	ЕС – 28, США	Китай, Респ. Корея, 6 стран АСЕАН (Индонезия, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Филиппины)
Уровень обязательств	Высокий уровень торговой либерализации (охват максимального числа сфер нетарифного регулирования, широкий объем обязательств в области регуляторной гармонизации)	Высокий уровень торговой либерализации (97% тарифных линий), охват максимального числа сфер нетарифного регулирования, широкий объем обязательств в области регуляторной гармонизации, расширенная повестка по взаимосвязи торговли и устойчивого развития	Средний уровень торговой либерализации (охват ограниченного числа тарифных линий и сфер нетарифного регулирования), пока достаточно низкий уровень обязательств по доступу на рынки услуг и в области регуляторной гармонизации
Специальный режим для развивающихся стран	Отсутствует (могут быть оговорены особые графики имплементации положений Соглашения для менее развитых стран)	–	Предоставляется, возможны более низкие уровни обязательств в соответствии с практикой РТС в формате «АСЕАН+1»
Формат соглашения	Единый переговорный процесс, все договоренности включены в одно пакетное соглашение	Единый переговорный процесс, все договоренности включены в одно пакетное соглашение	Постепенный, последовательный и фактически фрагментированный переговорный процесс; различные пункты обсуждаются и имплементируются согласно разным временным графикам

ки администрирования и ведения бизнеса в рамках «клубков спагетти» из РТС с сильно различающимися регуляторными режимами.

Побудительные мотивы мегарегионализма обусловлены возможностью качественного улучшения доступа на емкие и динамичные зарубежные рынки; борьбой крупнейших мировых держав за лидерство и влияние на формирование региональной и глобальной повестки развития; снижением интенсивности торговли в рамках глобальных цепочек стоимости и сосредоточением более существенной части производственного цикла в странах базирования материнских компаний с вытекающей из этого необходимостью укрупнения доступных на особо благоприятных условиях рынков сбыта; развертыванием четвертой промышленной революции, предъявляющей повышенные требования к взаимодействию в цифровой сфере, открытости информации и обмену данными, защите прав интеллектуальной собственности и др., что больше тяготеет к плюрилатеральным и многосторонним форматам сотрудничества в силу трансграничной сетевой сущности этих проблем (по сути, речь идет о создании максимально комфортного интерфейса для делового взаимодействия).

В чем качественные отличия МРТС от прежних РТС?

Во-первых, экономический и торговый потенциал МРТС позволяет им оказывать влияние за пределами своего прямого применения, в том числе воздействовать на глобальные экономические процессы и влиять на выработку правил международной торговли. В первой половине 2010-х гг. в три вышеуказанных МРТС – ТТП, ВРЭП и ТТИП – были вовлечены все члены «большой семерки», почти все страны ОЭСР, Китай, Индия и др. – всего 49 государств, контролирующих свыше 70% глобального ВВП и более 75% международной торговли. По нашей оценке, торговый обмен внутри схожих по наполнению и весьма продвинутых по отношению к ВТО МРТС с

участием США – ТТП и ТТИП – мог охватить более 40% международной торговли товарами и услугами, считая торговлю внутри ЕС (при расширительном подходе американско-европейские правила и стандарты торговли через экономическое взаимодействие двух партнерств, а также «семьи» региональных торговых соглашений с участием США и ЕС распространялись бы почти на 50% международной торговли).

Во-вторых, МРТС принципиально отличались от традиционных региональных торговых соглашений тем, что в них одновременно участвовали не менее двух крупнейших экономик мира – в разных вариациях США, страны ЕС, Япония, Китай, Индия. Это важно для получения синергии наиболее емких рынков, создания эффективных взаимозависимостей внутри МРТС и благоприятных условий для динамичного развития трансграничных цепочек стоимости.

В-третьих, МРТС содержательно, как правило, были глубже прежних РТС по очень многим позициям они шли дальше ВТО (это главным образом касалось МРТС с участием США – ТТП и ТТИП). В их повестке помимо тарифной и нетарифной либерализации – вопросы гармонизации внутренних систем регулирования для повышения институциональной однородности экономик, широкие взаимные обязательства по доступу на рынки услуг, выравнивание стандартов в сфере инвестиций и охраны прав интеллектуальной собственности, продвинутые механизмы защиты инвесторов и правообладателей, меры по содействию электронной коммерции, обеспечению свободного функционирования цифровой среды и перемещения потоков информации, др.

В-четвертых, создание МРТС, в отличие от предыдущих РТС, несло в себе значимую политико-экономическую и геополитическую составляющие. Например, для США в ТТП – это продвижение неолиберальной экономической модели и собственной геополитической повестки в АТР.

По мнению Р. Мелендез-Ортиза, руководителя швейцарского Международного центра по торговле и устойчивому развитию, «МРТС представляют глубокие интеграционные партнерства между странами или регионами, обладающие большим весом в международной торговле и прямых иностранных инвестициях, в которых два или более участников находятся в преимущественной лидерской позиции (paramount driver position) или выступают в качестве хабов в глобальных цепочках стоимости. Помимо доступа на рынки акцент в такой интеграции сделан на достижении регуляторной совместимости и своде правил, нацеленных на сглаживание различий в инвестиционном и предпринимательском климате»⁹. В январском, 2016 г. докладе Всемирного банка о перспективах глобальной экономики МРТС определяются как «региональные соглашения, имеющие системные, глобальные последствия», которые «достаточно велики и амбициозны, чтобы влиять на правила торговли и торговые потоки за пределами сферы своего прямого применения»¹⁰.

Соответствующим образом формировалась повестка этих соглашений. Судьба вышеупомянутых трех МРТС сегодня неоднозначна и малоопределенна. Итоговый текст Соглашения о ТТП был подписан в феврале 2016 г., и оно перешло в ста-

дию ратификации. Однако новый президент США Д. Трамп назвал это соглашение «чудовищной сделкой», «убийцей рабочих мест» и под влиянием предвыборных обещаний и своих консультантов в январе 2017 г. инициировал выход Соединенных Штатов из соглашения. Главный аргумент – потеря американских рабочих мест из-за огромного наплыва импорта, в том числе из стран ТТП, гигантский торговый дефицит США¹¹.

Вместе с тем оставшиеся 11 участников ТТП настроены реализовать соглашение и без США: в конце августа 2017 г. в Сиднее состоялись переговоры на уровне национальных координаторов 11 стран по ТТП с целью придать новый импульс соглашению и выйти на ноябрьский, 2017 г. саммит АТЭС во Вьетнаме с принципиальными решениями по его формату и содержанию. В поддержку такого шага активно выступают Япония, Австралия и Новая Зеландия¹². При любых вариантах дальнейшего развития событий эксперты сходятся во мнении, что Соглашение о ТТП является на сегодня наиболее продвинутым из всех РТС, фактически содержит свод лучших практик регулирования, нарабатанных за последнее десятилетие. Так, председатель рабочей группы по ТТП Американской торговой палаты в Сингапуре (одной из крупнейших в Азии) считает, что «ТТП

9 Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014. P. 6.

10 Global Economic Prospects: Spillovers amid Weak Growth. Potential Macroeconomic Implications of the Trans-Pacific Partnership. World Bank Group. January 2016.

11 Д. Трамп в значительной степени связывает проблемы в реальной экономике США с беспрецедентным экономическим подъемом в Китае, прежде всего, в его промышленном и экспортном секторах (по его словам, за период после вступления Китая в ВТО в 2001 г. США «потеряли 70 тысяч заводов и фабрик»). Отчасти такая увязка обусловлена тем, что главным советником по внешнеэкономическим и торговым вопросам Д. Трампа (с начала избирательной кампании) является Питер Наварро, представитель американских академических кругов и автор опубликованной в 2011 г. книги «Смерть от Китая» (Death by China), в которой он дает резко критическую оценку действий Китая в международных экономических делах. П. Наварро, ныне помощник президента и глава созданного Д. Трампом Национального совета по торговле, – ярый сторонник протекционизма как ключевого принципа новой внешнеэкономической политики США. Его позиция состоит в том, что основными причинами растущего дисбаланса во внешней торговле и деиндустриализации в США являются, во-первых, широкое распространение несправедливых торговых практик – unfair trade practices – и, во-вторых, негативное влияние на экономику США невыгодных для них торговых соглашений – bad trade deals. См.: Navarro P. A "Bricklayer" Of Trump's Protectionist Wall. May 3 2017. URL: <http://www.npr.org/2017/05/03/526621048/peter-navarro-a-bricklayer-of-trumps-protectionist-wall> (Accessed: 08.08.2017)

12 TPP negotiators kick off talks in Sydney aimed at breathing new life into trade pact. The Japan Times. August 28, 2017. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/08/28/business/tpp-negotiators-kick-off-talks-sydney-aimed-breathing-new-life-trade-pact/#.WcuPYbj2bGg> (Accessed: 04.09.2017)

с большим отрывом предоставляет лучшие и наиболее стратегически ориентированные рамочные условия для ведения бизнеса»¹³. В случае реализации у данного соглашения есть хорошие шансы стать основой для проектируемой под эгидой АТЭС Азиатско-Тихоокеанской ЗСТ.

После решения о выходе Великобритании из ЕС в июне 2017 г. и провозглашения Д. Трампом приоритета двусторонних подходов к РТС и так называемых честных торговых сделок приостановились переговоры по ТТИП. Проект фактически заморожен, и перспективы его не ясны. Хотя представители американской администрации, включая министра торговли У. Росса, говорят о некоторых положительных переменах в позиции Д. Трампа относительно ТТИП со второй половины 2017 г.¹⁴. В то же время незавершенность процесса выхода Великобритании из ЕС (окончательно ожидаемого в марте 2019 г.) в любом случае будет сильно тормозить ТТИП.

Вышеизложенное и некоторые другие факторы побудили ряд экспертов констатировать наступление интеграционной паузы, угасание импульсов к интеграции в развитии мире (Лисоволик, 2017, с. 12). По мнению Еврокомиссии, Brexit можно рассматривать «как индикатор возросших политических рисков, обусловленных усилением протекционистских, деглобализационных, националистических и изоляционистских тенденций в Европе и в глобальном масштабе»¹⁵.

Переговоры по ВРЭП продолжаются, но и здесь ситуация непростая. По данным независимой исследовательской организации Madhyam (Нью-Дели), по состоянию на середину июля 2017 г. завершены

переговоры лишь по двум главам Соглашения о ВРЭП из 15 (экономическое и техническое сотрудничество, малый и средний бизнес), тогда как по другим важным главам – торговля услугами, права интеллектуальной собственности, иностранные инвестиции, участие в госзакупках – ведутся трудные переговоры с неясной перспективой их окончания¹⁶.

В принципе выход США из ТТП подстегнул переговорный процесс в рамках ВРЭП. В начале года стороны поставили перед собой цель завершить согласование проекта соглашения до конца 2017 г. и на министерской встрече 10 сентября 2017 г. еще раз подтвердили свое намерение договориться по «ключевым элементам соглашения для получения существенных результатов». Большинство, однако, считает, что при наличии значительного числа противоречий и расхождений в позициях стран-участниц выйти на заключение соглашения в ближайшее время не удастся. Основным источником возможных препятствий и коллизий, вероятно, останутся Япония и Индия как главные азиатские экономические и геополитические конкуренты КНР.

Япония, являясь сторонником ТТП, а теперь его главным драйвером, может не поддержать скорейшее завершение переговоров по ВРЭП из-за стратегических антикитайских соображений и, вероятнее всего, будет и дальше маневрировать в продвижении региональной экономической интеграции.

Индийские представители на переговорах по ВРЭП добиваются от своих партнеров уступок в сфере торговли услугами и трансграничного движения рабочей си-

13 AmCham Singapore Voices Support for TPP-11, August 25 2017. URL: <http://markets.businessinsider.com/news/stocks/AmCham-Singapore-Voices-Support-for-TPP-11-1002284658> (Accessed: 04.09.2017)

14 Angela Merkel welcomes US offer to resume TTIP talks. DW. June 27 2017. URL: <http://www.dw.com/en/angela-merkel-welcomes-us-offer-to-resume-ttip-talks/a-39446579> (Accessed: 05.09.2017)

15 European Economic Forecast: Autumn 2016. European Commission, Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Institutional Paper 038. November 9, 2016. P. 52.

16 Why India should rethink its approach to RCEP negotiations. 20 July, 2017. URL: <http://www.bilaterals.org/?why-india-should-rethink-its&lang=en> (Accessed: 14.08.2017)

лы (в том числе IT-специалистов) в обмен на более либеральный режим торговли товарами. Но пока результатов нет, а Индия, в свою очередь, не идет на компромиссы по другим вопросам повестки ВРЭП.

В ходе 19-го раунда переговоров по ВРЭП в Хайдарабаде, завершившегося 28 июля 2017 г., одним из самых сложных пунктов повестки стало обсуждение вопроса доступа компаний стран-участниц к системе госзакупок в Индии, годовой объем которых оценивается в 300 млрд долл. Индийские власти категорически отвергают требования стран-партнеров взять на себя твердые обязательства по этому вопросу (исходящие особенно от КНР, Японии, Республики Корея, Австралии и Новой Зеландии). В итоге многие эксперты считают, что именно Индия станет основной причиной затягивания переговорного процесса в рамках ВРЭП.

Сейчас сложно сказать, насколько радикально и как именно повлияют политика нового президента США и Brexit, продолжающееся «брожение» суверенитетов в Европе на экономические расклады в мире и международную торговую систему. Однако упомянутое влияние, по-видимому, будет достаточным, чтобы откорректировать будущую повестку развития процессов глобализации и регионализации. Именно повестку, а не объективный характер появления и утверждения мегарегионализма как основы формирующейся новой глобальной торгово-экономической конфигурации. При этом за политикой Д. Трампа надо видеть все более отчетливый запрос на инклюзивную торговую политику, способствующую решению задач устойчивого развития, распространению выгод международной торговли на все общество, все социальные группы и категории предпринимателей. Поскольку такой запрос сформирова-

ровался в ведущей экономике мира, он должен восприниматься как системный вызов для дальнейшего функционирования международной торговой системы.

Вышеуказанные новые политические факторы, могущие иметь и преходящий характер, заставляют по-иному посмотреть на содержание и конкретные формы мегарегионализма, лучше сбалансировать будущие договоренности, одновременно стимулируя мегапроекты в других регионах мира и с другим составом участников.

Интеграционная неопределенность в западном мире, усугубляемая курсом Д. Трампа на пересмотр ранее заключенных соглашений (это коснулось даже НАФТА, переговоры по реформированию которого стартовали 16 августа 2017 г.) и фактическую примитивизацию торговой политики, низведенной до простого коммерческого размена, побудили Китай еще более усилить свою деятельность сразу по нескольким мегарегиональным проектам: ВРЭП, «Один пояс и один путь», сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. В то время как президент США провозглашает курс на формирование американо-центристской самодостаточной модели развития («идет ли речь о производстве стали, автомобилей или лечении болезни, я хочу, чтобы следующее поколение производства и инноваций локализовалось именно здесь, на нашей великой родине... создавая богатства и рабочие места для американцев»¹⁷) и подписывает распоряжение: «Покупай американское, нанимай американцев»¹⁸, Китай говорит об «экономике совместного пользования» и «сообществе общих интересов в широких границах», предлагает строить «экономическую глобальную систему, характеризующуюся открытостью, инклюзивностью, сбалансированностью и общим выигрышем» (Выступление..., 2017, с. 19).

17 Donald Trump outlines policy plan for first 100 days. Washington (CNN), November 22 2016. URL: <http://edition.cnn.com/2016/11/21/politics/donald-trump-outlines-policy-plan-for-first-100-days> (Accessed: 09.09.2017)

18 Presidential Executive Order on Buy American and Hire American, April 18, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/18/presidential-executive-order-buy-american-and-hire-american> (Accessed: 09.09.2017)

Во время проведения в Пекине Форума Международного сотрудничества «Один пояс и один путь» председатель КНР Си Цзиньпин обратился к участникам с программным выступлением, в котором были подведены итоги и обозначены основные ориентиры на будущее. В выступлении подчеркивалась необходимость координации и сопряжения национальных планов развития государств-участников «Пояса и пути» с китайской инициативой. Была отмечена усилившаяся координация с такими зарубежными инициативами, как ЕАЭС, Генеральная программа взаимосвязи и взаимобмена АСЕАН, программа «Светлый путь» Казахстана, проект «Центральный коридор» Турции, программа «Степной путь» Монголии, проект «Два коридора, один круг» Вьетнама, стратегия развития северных районов Великобритании, план «Янтарный путь» Польши. Констатировано достижение взаимодополняемости между планами развития Китая и Лаоса, Камбоджи, Мьянмы и Венгрии (Выступление..., 2017, с. 20). Сделан акцент на создание при активном содействии Пекина общей и взаимосвязанной гуманитарной, исследовательской, инновационной, проектно-финансовой, производственной инфраструктуры, усиление финансовых механизмов и социальных эффектов «Пояса и пути». Китай обещает в ближайшие три года выделить около 9 млрд долл. развивающимся странам и международным организациям, принимающим участие в инициативе «Пояс и путь», в целях реализации проектов по повышению уровня жизни (всего в рамках «Пояса и пути» Китай подписал договора о сотрудничестве с более чем 40 странами и международными организациями и предполагает в скором времени расширить их круг до 60). Важная задача – продвижение по пути упрощения процедур в торгово-экономической сфе-

ре, улучшения делового климата, создания ЗСТ и в целом развития глобальной экономики открытого типа.

Активизация Китая на треке ЗСТ – одна из самых важных новаций в подходе КНР к «Поясу и пути». Намечаемая интенсивная торгово-экономическая либерализация вместе с заявленным и фактически реализуемым сопряжением национальных планов развития стран-участниц «Пояса и пути» с соответствующей китайской инициативой означает, что весь мажорный проект переходит из преимущественно инфраструктурного в интеграционный, предполагающий сближение программ развития, систем регулирования, улучшение взаимного доступа на рынки с использованием торгово-политического инструментария. В этом плане представляется дискуссионным мнение экспертов ИДВ РАН о том, что в проекте ЭПШП интеграционный аспект – не главный параметр, поскольку полномасштабную интеграцию большого количества государств сложно полностью реализовать¹⁹. О полномасштабной интеграции речи и не идет, но усиление интеграционной, торгово-политической составляющей «Пояса и пути» очевидно. Только в 2017 г., по данным Министерства коммерции Китая, будут проводиться переговоры о ЗСТ с 20 странами в рамках «Пояса и пути». В стадии разработки находится масштабное, пока непреференциальное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, которое, как считается, может выступить отправной точкой формирования Евразийского всеобъемлющего партнерства с подключением государств – членов ШОС, АСЕАН (в настоящее время российскими и китайскими экспертами осуществляется подготовка технико-экономического обоснования такого партнерства) (Денисов, 2017, с. 21).

19 Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути» и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии. Институт Дальнего Востока РАН. 2017. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2017/project_rfbr_2016-2018_luzyanin-2.pdf (Дата обращения 15.08.2017)

Конечно, все мегапроекты Китая наряду с привлекательной цивилизационной оболочкой и провозглашаемой инклюзивностью носят исключительно прагматичный характер. Плюс же в том, что китайский прагматизм вполне совместим и нуждается в широкомасштабной интеграции страны в региональную и глобальную экономику. По мнению экспертов ИМЭМО РАН, одним из главных стимулов реализации проекта ЭПШП является реиндустриализация внутренних провинций Китая. Во внутренних районах КНР будут создаваться новые производства с ориентацией сбыта на страны Центральной Азии, ЕАЭС, Европы и Закавказья. Передовые зоны свободной торговли станут расширяться на прилегающие районы и провинции, будет происходить взаимопроникновение промышленных колец, их пересечение и слияние. Начнет возникать многослойная структура: мегагород – промышленное кольцо – ветка Шелкового пути – договор о свободной торговле или региональная ЗСТ – глобальная экономика (Дынкин, 2017, с. 318–319).

Китай сегодня весьма успешно надстраивает мегапроекты над традиционным регионализмом. Расширяет сеть двусторонних ЗСТ (среди последних – соглашения с Грузией, Австралией, Республикой Корея) и усиливает приоритетность так называемой сопредельной дипломатии (экономического сопряжения с соседними странами), встраивает эти конструкции в форматы ВРЭП и «Пояса и пути», оценивает перспективы Евразийского всеобъемлющего партнерства с участием ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, а также формирования и расширения «круга друзей» БРИКС с намерением в последующем превратить данный формат в самую влиятельную платформу сотрудничества по линии Юг – Юг.

Идея БРИКС+ и БРИКС++ была озвучена министром иностранных дел Китая Ван И в начале 2017 г. и в значительной степени сформировала внешнеполитиче-

ский дискурс китайского председательства в объединении БРИКС. Еще на саммите в Дурбане (Южная Африка) в 2013 г. был предложен механизм «аутрич», означающий участие представителей государств, входящих в зону влияния или интересов каждой страны БРИКС, в диалоге с лидерами стран «пятерки». Но формула БРИКС+, на наш взгляд, это уже не просто расширение «аутрич», а потенциально новый горизонтальный мегапроект Китая с вероятными в будущем элементами интегративного характера, еще более масштабный, чем его прочие мегапроекты, выводящий мегарегионализм практически на глобальный уровень. В данном случае БРИКС для Китая – это инструмент дальнейшего выстраивания концентрических сфер распространения, прежде всего экономического влияния КНР в мире.

Пока не вполне ясно, на каких именно категориях «друзей» БРИКС будет сделан акцент в китайской инициативе БРИКС+. На прошедший в начале сентября 2017 г. очередной саммит БРИКС в Сямэне Китай пригласил 5 развивающихся государств, представляющих практически все регионы мира: Мексику – от Латинской Америки, Гвинею – от Тропической Африки, Египет – от Северной Африки и Ближнего Востока, Таджикистан – от Центральной Азии и ЕАЭС, Таиланд – от Юго-Восточной Азии и АСЕАН. Профессор МГИМО(У), исполнительный директор Российского Национального комитета по исследованию БРИКС Г. Толорая считает, что речь может идти о формировании межцивилизационного союза государств под эгидой БРИКС за счет более плотного подключения к работе объединения крупных и влиятельных стран «с быстрорастущей экономикой и известной внутренней стабильностью», но «число этих стран не может быть слишком большим»²⁰. При таком подходе это будет преимущественно политический проект, в чем-то повторяю-

20 Толорая Г.Д. БРИКС на пути к межцивилизационному союзу. *Российская газета*. Спецвыпуск № 7357 (191).

щий «Группу 20», но без развитых стран, и это не тема данной статьи.

В свою очередь, главный экономист Евразийского банка развития профессор Я. Лисоволик считает, что «за счет создания сети экономических альянсов на различных континентах БРИКС (через форматы БРИКС+ и БРИКС++. – *Авт.*) может возглавить мировой интеграционный процесс в экономической сфере на фоне угасающих импульсов к интеграции в развитом мире... БРИКС могла бы также играть роль «агрегационной платформы» для некоторых соглашений о свободной торговле и других видов договоров». Эксперт уточняет, что первый круг – это примерно 30 стран, которые входят в региональные союзы и соглашения, где лидирующую роль играют государства БРИКС. Второй круг – это уже намного большее число стран, вступающих в двусторонние или плюрилатеральные альянсы со странами первого круга. По мнению Я. Лисоволика, «концепция БРИКС+ – это прежде всего новый подход к экономической интеграции и другая технология структурирования альянсов в общемировом масштабе... БРИКС+ – это в некотором смысле технологический шаг вперед по сравнению с принципом территориального и исключительного регионализма». К последнему эксперт относит ТТП и ТТИП, которые «ограничены определенным регионом, пусть и масштабным по географическому охвату» (Лисоволик, 2017, с. 11).

Достаточно подробное рассмотрение позиции Я. Лисоволика относительно БРИКС+ обусловлено значимостью дан-

ной проблематики для ответа на вопрос о будущем регионализма и мегарегионализма. Мы также склоняемся к возможности реализации проинтеграционного концепта инициативы БРИКС+ с выходом в перспективе на сетевой, полицентричный мегарегиональный проект нового типа и беспрецедентного масштаба, хотя и с прокитайским контентом. Это неблизкая перспектива, но практика показывает, что Китай обычно добивается своих целей, да и мотивы такого проекта в условиях глобальной турбулентности, макроэкономических рисков и геополитической напряженности достаточно сильны и очевидны. Более того, определенное межблоковое взаимодействие региональных объединений с участием государств БРИКС уже налаживается: подписаны соглашение о ЗСТ с частичным охватом между МЕРКОСУР и Южноафриканским таможенным союзом, меморандумы о взаимопонимании между ЕАЭС и МЕРКОСУР, развиваются контакты ЕАЭС и АСЕАН, активно участвующей во ВРЭП, и др.

Таким образом, мегарегионализм, несмотря на пробуксовку ТТП и ТТИП, как экономическое явление развивается и масштабируется. Однако, если в первой половине 2010-х гг. в выстраивании мегарегиональных альянсов лидировали США и были близки к геоэкономическому реваншу, то в самое последнее время со всей очевидностью вперед вырвался Китай, продолжающий форсировать Соглашение о ВРЭП, значительно усиливший интеграционную составляющую и мегарегиональное измерение форматов «Пояса и пути» и БРИКС.

21 См.: Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014.

22 Составители доклада бернского Института мировой торговли о последствиях ТТИП для стран ЕС (январь 2016 г.) отметили, что «ТТИП представляет собой нового типа всеобъемлющее торговое соглашение XXI века, которое идет дальше традиционных вопросов доступа на рынки... и может установить новый золотой стандарт для будущих торговых соглашений». См.: TTIP and the EU Member States. An assessment of the economic impact of an ambitious Transatlantic Trade and Investment Partnership at EU Member State level. World Trade Institute, University of Bern. January 2016. P. 18).

Мегарегионализм и ВТО

Каковы возможные последствия мегарегионализма для многосторонней торговой системы? По-видимому, при любом варианте развития событий нас ожидают глубокие реформы для ВТО, изменение сложившихся правил игры²¹. Это было наиболее очевидно на восходящей стадии переговоров по самым продвинутым ТТП и ТТИП²². Сейчас ситуация несколько изменилась, но не принципиально: лучшие практики ТТП и ТТИП уже получили самостоятельную жизнь и реализуются в других торговых соглашениях и плюрилатеральных форматах на площадке самой ВТО, а соединение экономического и инфраструктурного сопряжения с торгово-политическим инструментарием в мегарегиональных построениях Китая будет в принципе расширять сферу и генерировать новые стандарты глобального регулирования.

На момент в целом успешного и динамичного продвижения переговоров по ТТП и ТТИП авторитетный специалист по проблематике РТС и ВТО, профессор международной экономики Женевского института международных отношений и развития Р. Болдуин следующим образом прокомментировал вопрос о влиянии МРТС на систему ВТО: «Мегарегионализм означает хорошие и плохие новости для мировой торговой системы. Хорошие новости состоят в том, что МРТС приведут в порядок «клубок спагетти» из РТС (различные подходы к определению правил происхождения товаров в многочисленных двусторонних РТС. – *Авт.*). Плохие новости в том, что МРТС могут разрушить управление мировой торговлей, подрывая центральную роль ВТО как форума для создания новых торговых правил...» Далее он отмечал, что «без реформы ВТО, которая позволит завести существующие во-

просы повестки РТС под «крышу» ВТО и упростит разработку правил в новых сферах регулирования, тенденция к ослаблению центральной роли ВТО продолжится и, возможно, приведет к точке невозврата, за которой страны игнорируют правила ВТО, поскольку все другие это делают»²³.

Горизонты мегарегионализма

Принципиальный вопрос, вытекающий из исследования, заключается в том, смогут ли нынешние и будущие интеграционные, торгово-политические мегапроекты стать основой для появления новой, в существенной степени универсальной системы глобального управления в сфере международного торгово-экономического сотрудничества в виде ВТО+ или каком-либо ином формате (Спартак 2010, с. 28–37). На наш взгляд, это возможно, но требует длительного предварительного сближения и поиска общих знаменателей между достаточно сильно различающимися по охвату и глубине мегарегиональными проектами.

Собственно, такой подход уже тестировался и тестируется (хотя до настоящего времени с весьма скромными результатами) в связи со стратегической целью АТЭС создания беспрецедентной по масштабу Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) с участием всех стран и территорий, входящих в объединение. Вначале речь шла о признании важной роли ТТП и ВРЭП в качестве «строительных блоков» будущей АТЗСТ. В заявлении лидеров стран АТЭС по результатам саммита 2010 г. было отмечено, что такая ЗСТ формируется путем «развития и использования результатов текущих региональных инициатив, включая АСЕАН+3, АСЕАН+6 и ТТП среди прочих». В этот же период политики и эксперты заговорили о

23 Mega-regional Trade Agreements. Game-Changers or Costly Distractions for the World Trading System? World Economic Forum, Global Agenda Council on Trade & Foreign Direct Investment. July 2014. P. 8.

двух основных треках создания АТЗСТ – транстихоокеанском (ТТП) и восточноазиатском (АСЕАН+6=ВРЭП), пересекающихся и взаимодействующих между собой.

Ряд авторитетных исследователей подержали такую позицию, полагая, что параллельное развитие и конкуренция между ТТП и ВРЭП окажут позитивное влияние на партнерства, которые будут стимулировать прогресс друг друга в русле концепции конкурентной либерализации. Проекты ТТП и ВРЭП предлагалось рассматривать не как взаимоисключающее, а скорее как усиливающие друг друга в процессе конкурентной либерализации, обеспечивающей в итоге высокое качество и всеобъемлющий характер интеграции в масштабе АТР (Petri, Plummer, 2013; Chia Siow Yue, 2013, p. 1–37).

На саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. было достигнуто соглашение (так называемая Пекинская дорожная карта) о вкладе АТЭС в реализацию проекта АТЗСТ, включая договоренность о запуске двухгодичного коллективного стратегического исследования (КСИ) по путям формирования АТЗСТ²⁴. Последнее виделось КНР как «собирающее» существующих соглашений о свободной торговле, притом что АТЗСТ не противоречит этим соглашениям, являющимся потенциальными траекториями реализации целей АТЗСТ. Тем не менее, комментируя принятые решения, Дж. Менон, ведущий экономист Азиатского банка развития, констатировал «развертывание гонки между США и Китаем за доминирование в установлении правил игры в торговле» и первенство в объявлении планов создания АТЗСТ²⁵.

По результатам проведенного и одобренного КСИ на ноябрьском, 2016 г. саммите АТЭС в Лиме (Перу) принято ре-

шение «осуществлять Лимскую декларацию по АТЗСТ (Приложение 1 к Декларации лидеров АТЭС; намечает дальнейшие шаги по продвижению АТЗСТ. – *Авт.*), в частности разрабатывать и претворять в жизнь рабочие программы в целях возможной реализации идеи АТЗСТ», готовить регулярные отчеты «о ходе выполнения указанных программ и коллективной готовности экономик АТЭС к наращиванию потенциала по реализации АТЗСТ»²⁶. Непосредственно в декларации по АТЗСТ подтверждена «приверженность тому, чтобы АТЗСТ формировалась на основе существующих региональных инициатив и через различные возможные механизмы, в том числе такие, как ТТП и ВРЭП». В качестве важной задачи ставится «инвентаризация» подходов к заключению региональных торговых соглашений и соглашений о свободной торговле, действующих в регионе АТЭС и других регионах, а также в рамках ВТО, к решению вопросов в области торговли и инвестиций «следующего поколения» для разработки целевых инициатив по их возможной имплементации в практике АТЭС. То есть АТЭС, по сути, возлагает на себя функцию макро-региональной гармонизации подходов к РТС/ССТ на основе лучших практик, а учитывая значимость экономик АТЭС для мирового хозяйства и торговли и членство в АТЭС стран – участниц всех трех ведущих МРТС – ТТП, ТТИП и ВРЭП, можно, с определенными допущениями, рассматривать АТЭС как потенциальный «инкубатор» идей для вероятного будущего глобального торгово-политического проекта.

Однако на практике все серьезно осложняется разногласиями между крупнейшими странами АТЭС, между США и многими другими ведущими держава-

24 APEC. 2014 Leader's Declaration: "Annex A – The Beijing Roadmap for APEC's Contribution to the Realization of the FTAAP".

25 Menon J. Two visions for free trade in the Asia-Pacific. World Economic Forum. November 10 2014. URL: <http://agenda.weforum.org/2014/11/two-vision-for-free-trade-the-asia-pacific> (Accessed: 05.08.2017)

26 Декларация лидеров АТЭС 2016 года (№ 2142-21-11-2016). Лима. 21 ноября 2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ (Дата обращения: 29.08.2017)

ми текущей политикой американской администрации по перекройке сложившихся торгово-политических форматов, что на данном этапе способно «заморозить» дальнейшее продвижение на треке АТЗСТ.

Сейчас страны еще очевидно не готовы выйти за рамки мегарегионализма, да и сам мегарегионализм не достиг зрелой стадии. Характерный тому пример – ведущиеся с апреля 2013 г. переговоры по Соглашению о торговле услугами (сегодня в формате соглашения с ограниченным числом участников на площадке ВТО), где среди договаривающихся 23 сторон, включая ЕС, нет ни одной страны БРИКС, АСЕАН, МЕРКОСУР. А ведь это соглашение мыслится как важный шаг вперед по отношению к ГАТС, позволяющий инкорпорировать в многостороннем формате передовые практики регулирования торговли услугами, содержащиеся в различных РТС.

Но главная интрига современного этапа регионализации сохраняется. Состоит ли в полном объеме мегарегионализм и какие в итоге формы он примет? Как будут взаимодействовать различные мегарегиональные проекты, сумеют ли они стать предтечами новой многосторонности, нового глобального экономического и торгово-политического проекта? Или противоречия между мегарегиональными инициативами неопределенно длительное время окажутся неразрешимыми? Ответы на эти вопросы очень важны, в том числе для будущего России, ее позиционирования в глобальной торгово-экономической системе, что формирует запрос на дальнейшие комплексные исследования по данной проблематике.

Список литературы

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на Форуме международного сотрудничества «Один пояс и один путь». Совместно продвигать строительство «Одного пояса и одного пути». (2017). *Ежемесячный журнал «Китай»*, 06 (140). 18–23.

Долгов С.И., Спартак А.Н. (ред.). (2011). *Интеграционные процессы в мире и на пространстве СНГ: накопленный опыт, современные тенденции и перспективы*. Москва: ВАВТ. 191.

Дынкин А.А. (ред.). (2017). *Мир 2035. Глобальный прогноз ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН*. Москва: Магистр, 2017. 352.

Лисоволик Я.Д. (2017). БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? *Валдайские записки*, (69). 12.

Лихачев А.Е., Спартак А.Н. (2013). Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства. *Российский внешнеэкономический вестник*, (5). 33–45.

Саламатов В.Ю., Спартак А.Н. (2016). Теоретические и практические аспекты формирования мегарегиональных торгово-экономических блоков в АТР. *Международная экономика*, (5). 50–60.

Спартак А.Н. (2016). Новый этап регионализации: основное содержание, вызовы для многосторонней торговой системы и постсоветской интеграции. *Международная торговля и торговая политика*, 2(6). 3–20.

Спартак А.Н. (2010). Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века. Окончание статьи. *Российский внешнеэкономический вестник*, (7). 28–37.

Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London: Allen & Unwin. 303.

Baldwin R.E. (1997). The causes of regionalism. *The World Economy*, (20). 865–888. DOI: 10.1111/1467-9701.00107

Baldwin R. E. (2006). Multilateralizing Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the path to Global Free Trade. *CEPR Discussion paper*, (5775). 1451–1518.

Baldwin R. E., Low P. (eds.). (2009). *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. New York: Graduate Institute of International and Development Studies, WTO. 744.

Chia Siow Yue. (2013). The Emerging Regional Economic Integration Architecture in

East Asia. *Asian Economic Papers*, (12). 1–37. DOI: 10.1162/ASEP_a_00179

Grossman G.M., Helpman E. (1995). The politics of free trade agreements. *The American Economic Review*, (85). 667–690.

Hamanaka S. (2014). TPP vs. RCEP: Control of Membership and Agenda Setting. *Journal of East Asian Economic Integration*, (18). 163–186. DOI: 10.11644/KIEP

Katada S.N., Solis M., Stallings B. (2009). *Competitive Regionalism: Explaining the Diffusion of FTAs in the Pacific Rim*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 289.

Mansfield E.D. (1998). The proliferation of preferential trading arrangements. *Journal of Conflict Resolution*, (42). 523–543. DOI: 10.1177/0022002798042005001

Mattli W. (1999). *The logic of regional integration: Europe and beyond*. New York: Cambridge University Press. 205.

Petri P.A., Plummer M.G. (2013). ASEAN Centrality, the RCEP, and the TPP. *East-West Center Policy Studies*, (69). 75.

Ravenhill J. (2010). The new East Asian regionalism: A political domino effect. *Review of International Political Economy*, (17). 178–208. DOI: 10.1080/09692290903070887

Yoshimatsu H. (2008). *The Political Economy of Regionalism in East Asia: Integrative Explanation for Dynamics and Challenges*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 192.

References

Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London: Allen & Unwin. 303.

Baldwin R.E. (1997). The causes of regionalism. *The World Economy*, (20). 865–888. DOI: 10.1111/1467-9701.00107

Baldwin R.E. (2006). Multilateralizing Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the path to Global Free Trade. *CEPR Discussion paper*, (5775). 1451–1518.

Baldwin R.E., Low P. (eds.). (2009). *Multilateralizing Regionalism: Challenges for the Global Trading System*. New York: Graduate Institute of International and Development Studies, WTO. 744.

Chia Siow Yue. (2013). The Emerging Regional Economic Integration Architecture in East Asia. *Asian Economic Papers*, (12). 1–37. DOI: 10.1162/ASEP_a_00179

Dolgov S.I., Spartak A.N. (eds.). (2011). *Integration processes in the world and in the CIS space: accumulated experience, modern trends and perspectives*. Moskva: VAVT. 191.

Dynkin A.A. (ed.). (2017). *World 2035. Global forecast by Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of RAS*. Moskva: Magistr, 2017. 352.

Grossman G.M., Helpman E. (1995). The politics of free trade agreements. *The American Economic Review*, (85). 667–690.

Hamanaka S. (2014). TPP vs. RCEP: Control of Membership and Agenda Setting. *Journal of East Asian Economic Integration*, (18). 163–186. DOI: 10.11644/KIEP

Katada S.N., Solis M., Stallings B. (2009). *Competitive Regionalism: Explaining the Diffusion of FTAs in the Pacific Rim*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 289.

Likhachev A.E., Spartak A.N. (2013). New trends and developments in the process of regionalization world economy. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, (5). 33–45.

Lisovolik Ya.D. (2017). BRIX-plus: alternative globalization? *Valdaiskie zapiski*, (69). 12.

Mansfield E.D. (1998). The proliferation of preferential trading arrangements. *Journal of Conflict Resolution*, (42). 523–543. DOI: 10.1177/0022002798042005001

Mattli W. (1999). *The logic of regional integration: Europe and beyond*. New York: Cambridge University Press. 205.

Petri P.A., Plummer M.G. (2013). ASEAN Centrality, the RCEP, and the TPP. *East-West Center Policy Studies*, (69). 75.

Ravenhill J. (2010). The new East Asian regionalism: A political domino effect. *Review of International Political Economy*, (17). 178–208. DOI: 10.1080/09692290903070887

Salamatov V.Yu., Spartak A.N. (2016). Theoretical and practical issues of mega-regional block creation in Asia Pacific. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, (5). 50–60.

Spartak A.N. (2010). Development and international legal regulation of regional economic integration processes: new trends and phenomena at the beginning of the XXI century. The end of the article. *Rossiiskie vneshneekonomicheskii vestnik*, (7). 28–37.

Spartak A.N. (2016). New stage of regionalization: basic content, challenges for multilateral trading system and postsoviet integration. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 2(6). 3–20.

Speech by President Xi Jinping at the Forum for International Cooperation “One Belt, One Road”. Together to promote the construction of “One Belt, One Road”. (2017). *Ezhemesjachnyj zhurnal “Kitaj”*, 06 (140). 18–23.

Yoshimatsy H. (2008). *The Political Economy of Regionalism in East Asia: Integrative Explanation for Dynamics and Challenges*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 192.

Информация об авторе

Андрей Николаевич Спартак, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки России, доктор экономических наук, заведующий, кафедра международной торговли и внешней торговли РФ, Всероссийская академия внешней торговли

119285, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4а
spartak@vniki.msk.ru

About the Author

Andrey N. Spartak, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of Russia, Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation, Russian Foreign Trade Academy

4a, ul. Pugovkina, Moscow, Russian Federation, 119285
spartak@vniki.msk.ru

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

Андрей Анатольевич БАЙКОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

МИД России

проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

a.baykov@inno.mgimo.ru

Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки

АННОТАЦИЯ. В современном мире интеграция превратилась в подлинно общемировой политико-экономический феномен, в научном плане представляя собой метатеоретический конструкт со сложной типологией составляющих его разновидностей и более частных проявлений. Тренд на регионализацию, демонстрировавший взрывной рост в первое постбиполярное десятилетие, позволил малым и средним государствам укрепить свою позицию в диалоге с крупными, сгладить перепады в темпах роста и уровне качества жизни, а также внести самостоятельный вклад в урегулирование ряда тяжелых международных конфликтов, прежде всего в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. В данной статье предлагается теоретико-методологическая схема сравнительного изучения и оценки казусов региональной экономической интеграции как политического явления, то есть имеющего последствия для распределения силы и влияния в межгосударственных взаимодействиях. Автор прослеживает особенности и эволюцию подходов в теории интеграции: от трактовки «федерализма» применительно к идеологическому обрамлению интеграции, как её понимали сторонники движения «Панъевропа», до совре-

менных научных взглядов в науке о международных отношениях и в рамках формирующейся субдисциплины «Сравнительная интеграция».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная экономическая интеграция, Европейское объединение угля и стали, Европейский Союз, федерализм, теория Балаши, модель европейской интеграции, СНГ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байков А.А. (2017). Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (4). 38-53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

Andrey A. BAYKOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
a.baykov@inno.mgimo.ru

Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory And Methodology of Comparison

ABSTRACT. Nowadays integration could be considered as worldwide-political phenomenon with its multielement structure. The growing integratedness allows the little and medium states to build a constructive conversation with important players, equalize the growth rates, life quality as well as to contribute to settlement of international conflicts. This article deals with the theory and methodology of Economic Integration in Europe. The author investigates the roots of integration processes in after-war period in Europe. With establishment of European Coal and Steel Community (ECSC) in 1951 the integration became a key element of international policy. The author revises the evolution of the Integration theory from implementing of "federalism" term till development of comparative integration area in international relations science. The author used original foreign and Russian sources for preparing the current article.

KEYWORDS: regional economic integration, European Coal and Steel Community (ECSC), European Union, federalism, The Balassa Theory of Economic Integration, model of European integration, CIS

FOR CITATION: Baykov A.A. (2017). Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison.

Outlines of global transformations: politics, economics, law, 10 (4). 38-53. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53

К 2017 г. на политической карте мира почти не осталось государств, в той или иной мере не охваченных положительными и отрицательными эффектами региональной экономической интеграции. За два с небольшим десятилетия после завершения «холодной войны» количество межгосударственных объединений, выдвигающих интеграционные задачи в политике, экономике, социально-культурной и идентичностной сферах, возросло более чем вдвое. К середине 2010-х гг. общее число интеграционных группировок превысило количество государств. Это означает, что одни и те же страны одновременно участвуют в объединениях и структурах различного состава, конфигурации и предмета деятельности. Последнее наглядно иллюстрирует одну из отличительных черт современной мировой политики – её ускоренную «сетевизацию» как господствующую парадигму формирующихся механизмов глобального управления.

Инициативы выраженно интеграционного типа не только затронули все на-

селённые людьми континенты¹, но и содействовали оформлению, по существу, новых макрорегионов («Большой Европы» (Crouch, 1992), «Большой Восточной Азии» (Воскресенский, 2006), «Малой Евразии» (Шаклеина, 2013) и т.д.), индуцируя территориальную реконфигурацию мира² и обозначая новые векторы геоэкономических тяготений, не вполне совпадающие (или не совпадающие вовсе) с линиями геополитического размежевания эпохи «холодной войны».

Еще одно существенное и вместе с тем недооцененное последствие региональной интеграции – возможность для малых и средних государств Африки, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, Тихого океана (и, разумеется, малых и средних стран Европы) обрести свой голос на международной арене, исторически приглушённый на фоне приоритетного внимания, уделявшегося учёными и политиками деятельности великих держав.

Наконец, интеграционные проекты содействовали выравниванию темпов и качества социально-экономической жизни и сыграли благотворную роль в урегулировании ряда международных конфликтов, вернув мир и стабильность в исторически нестабильные регионы – Европу, Юго-Восточную Азию, в известной степени Латинскую Америку.

Глубина влияния интеграционных структур на политические процессы в национальных государствах остается предметом неутихающих научных дискуссий. Между тем неоспоримы масштабы последствий интеграционных инициатив для ми-

ровой экономики и в особенности для глобальной торговли, более трети которой (36%) приходится на внутриблочную торговлю в рамках существующих региональных интеграционных объединений.

В силу действительной глобальности своего географического распространения интеграция превратилась в подлинно общемировое политическое явление. Между тем разнообразие региональных форм интеграции мешает осмыслению интеграционных трендов как типологически родственных, так как типологические сходства порой незаметны в многообразии моделей интеграции. Глобальный тренд, очевидно, требует глобального же осмысления. Накоплена значительная эмпирическая база для выделения частных особенностей и общих интеграционных тенденций, появившихся в различных регионах мира. Без изучения и анализа схожих черт и вариативности нет оснований не только говорить об уточнении самого понятия интеграции, но и претендовать на адекватное понимание онтологии протекающих политических процессов управляемости, регулирования и в целом нарождающегося глобального политико-правового порядка.

Важность интеграционных исследований дополнительно подчеркивается потребностью в научной рефлексии по поводу опыта интеграционных взаимодействий в разных регионах мира в контексте возвышения социально-экономических процессов, меняющих непосредственный субстрат глобальной человеческой истории, а именно: консолидации единой гло-

1 Приведем наиболее влиятельные региональные интеграционные объединения, получившие в литературе определение региональных блоков за их масштаб и адекватную репрезентацию интересов целых регионов: Европа – Европейский Союз; Африка – Африканский Союз; Северная Америка – НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле); Южная Америка – УНАСУР (Союз южноамериканских наций); Центральная Америка – КАРИКОМ (Центральноамериканская интеграционная система); Карибский бассейн – КАРИКОМ (Карибское сообщество); Ближний Восток – Лига арабских государств; постсоветское пространство – Содружество независимых государств, Евразийское экономическое сообщество, Единое экономическое пространство; малые и средние государства Тихого океана – Форум тихоокеанских государств, АТР – АТЭС, Южная Азия – СААРК (Южноазиатская ассоциация регионального сотрудничества) и т.д.

2 Отечественный специалист Т.А. Шаклеина использует также термин подсистемной перегруппировки международных отношений.

бальной экономики³ и формирующегося транснационального гражданского общества. То и другое самым непосредственным образом воздействует на сложный и внутренне конфликтный процесс сопряжения государств и негосударственных акторов в рамках глобальной политической сети⁴, образуя проблематику современной мировой политики как научной дисциплины в России и за рубежом (Лебедева, 2003).

Для российской науки о международных отношениях учет всей палитры возможных моделей интеграционного взаимодействия приобретает дополнительные оттенки политического смысла в свете тех усилий, которые предпринимает Россия с целью структурирования межгосударственных связей на постсоветском пространстве, в котором она готова выступить в качестве интеграционного ядра. Такое знание не менее важно и в контексте возрастания интеграционной динамики в сопредельном Азиатско-Тихоокеанском регионе, «вхождение» в который может стать существенным ресурсом повышения качества жизни на российском Дальнем Востоке.

1

С образованием Европейского объединения угля и стали в 1951 году интеграция стала реальным элементом международной политики в Западной Европе. Между тем очевидно, что с начала 1950-х го-

дов представления о ней менялись. Интеграция, будучи категорией гуманитарных наук, требует жестких дефиниций для ее операционализации в прикладном политическом анализе (Хрусталева, 2008). Попытки определить интеграцию предпринимались в рамках различных политологических концепций.

В середине XX века научные концепции интеграционного процесса строились вокруг идеи создания однородного пространства на основании единства институциональной системы, культурных символов и экономического комплекса.

Наиболее подходящим идеологическим обрамлением для Западной Европы на тот момент стала теория федерализма, разработанная в 1920-х – 1930-х годах сторонниками движения «Панъевропа» – А. Брианом, Р. Куденхове-Калерги⁵ и др.⁶.

Термин «федерализм» (лат. *foedus*) означает сделку, договор на паритетной основе, заключенный между равноправными партнерами. С подачи П. Кинга в 1982 г. произошло семантическое ветвление понятия на «федерализм» и «федерацию» (King, Bosco, 1991). Под федерализмом стали понимать политическую идеологию и философию, направленную на подготовку социальных и материальных условий для создания федерации – институционального порядка, закреплённого конституционно. Данный порядок образует нормативную основу особого типа суверенного государства, отличного от других тем, что центральное правительство в нем вовлекает региональные терри-

3. О завершенности этого процесса с наглядностью свидетельствует мировой финансово-экономический кризис 2009–2012 гг., о чем очень убедительно и ярко пишет в предисловии к последнему изданию аналитического обзора Французского института международных отношений академик Т. де Монбриаль: RAMSES 2013: Gouverner au jourd'hui? Thierry de Montbrial et Philippe Moreau Defarges (dir.), Paris, Ifri/Dunod, 2012.

4. Под сетью понимается система политического взаимодействия/управления, в которой участвуют субъекты разной природы и разного порядка с точки зрения их положения в формальной иерархии, которые в условиях сети оказываются на одной площадке и на одном переговорном уровне.

5. Рихард Куденхове-Калерги призывал в своем «Панъевропейском манифесте» объединить все демократические государства Европы и создать механизм обязательного арбитража для предотвращения угрозы войн, устранить таможенные границы и ввести свободное движение товаров. Он понимал под Панъевропой континентальную Европу, которой угрожают три могущественных соперника – США, Британская империя и Россия.

6. Genealogie des grands desseins europeens. *Bulletin du Centre Europeen de la Culture*. Geneve. 1960–1961. № 6. P. 69.

ториальные единицы (субъекты федерации) в процесс принятия верховных решений, относящихся к компетенции государственной власти. Следует уточнить: в рамках данной концепции федерализм возможен без федерации, однако федерация невозможна без предшествующей ей формы идеологии федерализма.

Федерализм рассматривался представителями межвоенного поколения политиков и теоретиков с целью пресечения негативных последствий национального эгоизма, в том числе внутри многонациональных государств. Между тем в их теориях угадывались аналогичные построения с целью возможного объединения национальных государств в рамках надгосударственной (супранациональной) системы управления, в которой принимаемые решения обязательны для всех членов формирующегося протогосударственного образования, даже для тех, кто при голосовании воздерживается или высказывается против. Межгосударственный федерализм предусматривал выведение целого ряда вопросов в сферу совместной и исключительной компетенции наднациональных институтов и правительств отдельных стран. Отличительной особенностью послевоенного федерализма (неофедерализма) стало нормативное предписание объединения Европы посредством принятия конституции. С этой точки зрения курс на разработку конституционного договора в ЕС органично вписывается в федералистскую концепцию и служит доказательством её важной роли в интеграционном построении.

Начиная с 1940-х и вплоть до 1960-х гг. в странах Западной Европы активно предпринимались попытки адаптации принципов федерализма к межгосударственным отношениям того времени, прежде всего в Британии – Движение за Объединенную Европу У. Черчилля); во Франции – Комитет действия за Соединенные Штаты Европы Ж. Монне; в Италии – Движение европейских федералистов А. Спинелли.

В литературе хорошо описано, что проект Европейского объединения угля и стали (1951 г.), воплотивший крайний вариант федерализма и принципа наднациональности, который впоследствии все более ограничивался, стал возможен в условиях стремления французской элиты изъять отрасли военной промышленности из-под суверенитета Германии; германофобии со стороны французов, а также стремления ФРГ к примирению с Францией. Впрочем, слабость позиций федералистов проявилась в сфере военного сотрудничества, а также экономической интеграции ЕЭС, что показал провал инициативы Европейского оборонительного сообщества (1954).

В процессе оживленных дискуссий во французском научном обществе начиная с конца 1950-х и вплоть до конца 1960-х годов обозначились две позиции по отношению к федерализму. Приверженцы «Европейского отечества» выступали за усиление построения «Союза европейских государств». В то время как большинство представителей французской элиты, стоявшие на условно называемой позиции «Европа отечеств», высказывались против дальнейшего укрепления в структуре сообщества наднациональности, не успев «насладиться» в полной мере периодом возрождения «величия Франции» (Kolodziej, 1974).

Относительно роли федерализма в истории собственно европейской интеграции существует несколько точек зрения. В последние десятилетия в научной среде появились серьёзные сомнения в применимости федералистского проекта для Европейского Союза. И это несмотря на внешне несомненное следование федералистской линии, воплотившейся в 1992 г. в создании Европейского Союза и в 2007 г. в подписании Лиссабонского договора.

Противники федерализма, а следовательно, и наднационализма как принципа организации регионального пространства, выдвигают в поддержку своей позиции следующие аргументы. Во-первых,

для федерации характерно сочетание двух порядкоформирующих начал: ассимиляции, то есть стирания локальной этнической вариативности и консолидации некогда разноликого в этнокультурном и политико-идеологическом отношении полинационального конгломерата в единую национальную структуру; и иерархии – существенного условия функционирования любого государственного образования. Де-факто же интеграция даже в ее наиболее совершенной форме – в Европейском Союзе – функционирует на основе принципа ассоциации, предполагающего взаимодействие равноположенных субъектов. Слабость европейской федерации состоит в том, что в ЕС не только не было достигнуто иерархичности правления, типичного для федерации, но и не предпринято реальных шагов на пути к этому, а значит, едва ли есть основания всерьез рассуждать об образовании здесь целостной наднациональной группировки.

Результатом развернувшейся полемики вокруг применимости федерализма к интеграционному строительству стало укрепление теории неофункционализма Э. Хааса, впитавшей политическую конъюнктуру и идейный контекст периода горячих споров между сторонниками «Европы отечеств» и «Европейского отечества». Данная теория обосновывает закономерность, полезность и неизбежность планомерной передачи полномочий от отдельных правительств институту наднационального органа по мере интенсификации интеграционного процесса. Неофункционализм представляет собой теорию региональной интеграции, делающую основной упор на роль негосударственных единиц, в частности «секретариат» региональной организации, а также групп давления, интересов, экономических акторов и общественных трендов, которые формируются на региональном уровне и поддерживают поступательную динамику процесса интеграции. В то же время страны-участницы остаются значимыми партнерами в интеграционном процессе. Они обладают полномочия-

ми устанавливать условия первоначально-го соглашения, но не могут в полном объеме определять направление и интенсивность последующих изменений в нём.

Неофункционализм учит, что региональная интеграция является спонтанным и внутренне конфликтным процессом, который в условиях политического плюрализма и демократии вынуждает правительства государств-членов в силу роста региональных ограничений передавать всё больше вопросов наднациональным органам, которые они сами когда-то создали. Если развивать неофункциональную логику, то в какой-то момент граждане начнут переносить свои ожидания на уровень региона, а интеграция «выплеснется» в политическую сферу (Schmitter, 1969, p. 262–264).

Впрочем, справедливо и обратное: движению к более тесной интеграции может помешать ряд других внутренних факторов, отбросив развитие интеграционного объединения на несколько фаз назад. К таким факторам можно отнести: поспешность и необдуманность государств-членов в передаче полномочий наднациональным структурам, которые порой не способны оправдать ожидания граждан; дефицит ресурсов, обусловленный нежеланием некоторых правительств укреплять наднационализм. В этой связи неофункционализм поставил перед мыслителями важные вопросы: о трудном прогнозировании, контроле и измерении интеграционного тренда и одновременно о роли общественной поддержки инициатив интеграции.

2

Теоретические ожидания исследователей интеграции изначально строились на допущении о эволюционно-прогрессивном характере развития интеграционных процессов, что отражено в тексте Римского договора о Европейском экономическом сообществе 1957 г.

Он предусматривал постепенное интегрирование государств: от взаимодействия в сфере отдельных отраслей экономики до – возможно – вопросов обустройства политического пространства группы. На самом же деле опыт ЕС и других точек мира показал, что интеграционные пути сложнее: в научной литературе 1990-х гг. стали широко применяться термины «дифференциация», «многоформатная интеграция» и «разноскоростная интеграция». Это может означать признание нелинейности интеграционных траекторий в мире, вероятность возникновения в пределах одной интеграционной единицы групп стран, для которых характерна различная интенсивность институциональных связей.

Но парадоксально другое: наиболее серьёзный интеллектуальный вызов теоретикам интеграции во всем мире бросила реальная практика интеграции Европейского Союза, который, сам задав «канон на соответствие», казалось бы, должен был полностью ему соответствовать.

Для понимания особенностей экономического развития любого интеграционного объединения значение сохраняют концепции, появившиеся ещё в начале 1950-х годов. Так, лауреат Нобелевской премии 1969 г. Я. Тинберген (1903–1994) ввёл в 1954 г. понятия «позитивной» и «негативной» интеграции. Под «негативной интеграцией» подразумевалось согласованное удаление дискриминационных норм из национальной экономической практики всех стран-участниц. «Позитивная интеграция» предполагала переход к общим институтам и совместной передаче как минимум части полномочий, касающихся построения общего экономического пространства (Tinbergen, 1952). Значение последнего термина можно описать сравнением участников сообщества с регионами, которые не разделены границами внутри государства. Для внутригосударственных регионов характерна более высокая степень интегрированности: интенсивный торговый оборот между регионами, синхронизированные темпы и

циклы их деловой активности, сопоставимые темпы роста, гибкость в принятии совместных рисков, даже темпы инфляции почти идентичны.

Данное уточнение демонстрирует, что не только либерализация экономического пространства, но и административно-регулирующая деятельность наднационального органа, направленная на обеспечение слаженной работы хозяйственного организма всей группировки, может стать инструментом интеграции. Позитивная интеграция функционирует в условиях высокой степени консолидации и согласованности интересов, так как подразумевает надгосударственный контроль в важных сферах: социальной, кредитно-денежной и налогово-бюджетной политике.

Стоит подчеркнуть, что в ЕС оба варианта интеграции всегда развивались параллельно. «Негативная интеграция» проявлялась в снятии тарифных ограничений и таможенных барьеров. До перехода к единому внутреннему рынку, экономическому и валютному союзу в конце XX века «позитивная интеграция» проявилась на стадии создания Таможенного союза (1958–1968 гг.), в общей сельскохозяйственной политике (1962 г.), введении европейской «валютной змеи» (1972 г.) и европейской расчетной единицы ЭКЮ (1979 г.).

Самые ранние этапы экономической интеграции оказались под влиянием концепции Я. Тинбергена, которая была прагматична и ясна в ранжировании целей развития. Однако в последующем господствующей теорией интеграции, отставившей жесткую последовательность этапов экономического развития, стала теория профессора Университета им. Джонса Гопкинса Бэлы Балаши (1928–1991). Согласно данной теории, экономическая интеграция имеет следующие стадии развития: зона свободной торговли – таможенный союз – общий рынок – экономический и валютный союз – полная экономическая интеграция, влекущая за собой появление федеративного государства (Balassa, 1982).

Между тем, если проанализировать в строгом согласии со схемой Балаши этапы развития интеграции в Европе, то обнаружится ряд расхождений. Во-первых, ЕС перешёл на стадию таможенного союза, не проходя стадию зоны свободной торговли. Согласно расчетам западноевропейских экономистов, для стран – участниц соглашения зона свободной торговли может оказаться невыгодной, поскольку государства с самым низким внешним тарифом получают преимущества от транзита продукции третьих стран.

Во-вторых, изначально авторы Римского договора о ЕЭС подразумевали под общим рынком таможенный союз, а не единый внутренний рынок «по Балаши».

В-третьих, создание экономического и валютного союза на практике происходило параллельно с формированием внутреннего рынка, а не постепенно, как это описано у Б. Балаши. В-четвертых, в отличие от последовательности, согласно схеме Балаши, где наднациональный уровень появляется лишь на последней стадии, Западная Европа начала интеграцию с элементов наднациональности.

Другими словами, в отличие от логичной схемы Балаши эволюционного развития от простых форм интеграции к более сложным, европейская экономическая интеграция характеризовалась наложением различных стадий интеграционных процессов одновременно с наличием особых отклонений.

Б. Балаши, вероятно знакомый с теорией Я. Тинбергена, сделал ставку на логичность конструкции, но не на анализ практического опыта. Он создал стройную, но уязвимую при столкновении с реальностью объяснительную систему. В теории она была удобным инструментом для прогнозирования и реализации интеграционных проектов в других частях мира по аналогии с ЕС, но на практике именно казус ЕС она объяснить не смогла. Тем удивительнее, что теория Балаши и сегодня остается наиболее разработан-

ной и известной версией региональной экономической.

Однако и позднее предпринимались попытки обобщить опыт ЕС и выстроить объясняющие его теоретические схемы. В 1995 г. профессор Гарвардского университета Роберт Лоуренс (Lawrence, 1995) ввёл новые теоретические понятия: «глубокая интеграция» (deeper integration) и «поверхностная интеграция» (shallow integration), предусматривающая только либерализацию торговли. Термин «глубокая интеграция» подразумевает интенсификацию экономических отношений, которые не ограничиваются упразднением тарифных и нетарифных барьеров. Однако такая интеграция не всегда эффективнее. Например, принятие общих стандартов способно повлечь за собой внутренние издержки и препятствия к импорту. В то же время «глубокая интеграция» может способствовать росту производительности труда.

Феноменологическая уникальность Европейского Союза состоит все же в другом – в установке на общие политики, общие структуры и общее правовое пространство, что отличает от концепции свободной торговли таких интеграционных групп, как АТЭС, ЕАСТ и НАФТА. Основой европейской интеграционной модели является сближение экономик государств-членов, подобно внутригосударственным регионам.

3

Сила идеи европейской интеграции, особенно в глазах её «подражателей» в других регионах мира, несомненно, заключалась в том, что начиная с XVI века и на протяжении веков в западноевропейских научных кругах рождались проекты «Соединенных Штатов Европы», подготовившие достаточно глубоко проработанную базу для последующего европейского интеграционного сближения (Борко, 2003). Как следствие исследователи интеграции,

где бы они ни находились и что бы ни изучали (интеграционные процессы в Африке, Латинской или Северной Америках, на Ближнем Востоке), всегда ощущали на себе – в силу исторической «освящённости» идеи европейского единства – существенное влияние её умозрительной нормативности.

В итоге на длительном историческом отрезке опыт европейских сообществ, а позднее и Европейского Союза, стал отождествляться в целом с феноменом интеграции и стал мерилем успехов интеграционного сближения для остальных группировок мира. Разумеется, задача сопоставления интеграционного опыта ставилась и прежде⁷.

Для её решения аналитики использовали при сравнении допущения западноевропейской модели как нормативной принцип наднациональности при принятии решений, продвижение по разбиравшейся в предыдущем разделе «лестнице Балаши» (Balassa, 1982). Преимущественно в экономической литературе⁸ встречается индикатор доли внутригрупповой торговли в обороте стран-членов (Буторина, 2007). В СССР при создании школы интеграционных исследований (Молчанов, 1957, с. 6–9) западноевропейский опыт интеграции мог служить, пожалуй, единственным естественным объектом для изучения и анализа (Борко, 2003, с. 207–209)⁹.

Сегодня интеграционные процессы охватывают многие точки мира, поэтому ориентация только на опыт ЕС, не принимая во внимание внутрорегиональную специфику, тормозит научное исследование этого феномена.

По мнению П. Катценштайна, возникновению общей теории интеграции ме-

шает заикленность авторов на изучении конкретного опыта ЕС (Katzenstein, 2006, p. 127–138). Во-первых, бессмысленно сравнивать институциональный и договорно-правовой механизм Европейского Союза с проявлениями интеграции в Азии или Латинской Америке, где нет и пока не предвидится аналогичных ЕС наднациональных институтов (Boerzel, Cichowski, 2003, p. 269–290).

Во-вторых, увлечённые изучением западноевропейской интеграции теоретики недооценили многообразие интеграционных форм, появившихся в начале 2000-х гг. (Katzenstein, 2003). Они считали наднациональность главным признаком интеграции, в то время как практики ориентировались прежде всего на её эффективность, а не соотносили свой интеграционный опыт с интеграцией в Западной Европе.

В 1990-х гг. стал быстро нарастать плюрализм научных взглядов и школ относительно региональной интеграции. В экспертных, а вскоре и научных публикациях сначала осторожно, потом все смелее стала встречаться довольно свежая по тем временам мысль о том, что изучение только западноевропейского опыта имеет ограниченную полезность, а западноевропейская интеграция, скорее, «случайный» историко-политический феномен. Британский профессор, исследователь опыта интеграции в Восточной Азии М. Бисон достаточно категорично писал по этому поводу: «...нет никаких оснований утверждать, что европейский опыт определяет единственную исторически возможную форму регионального взаимодействия или что успех любого регионального объединения должен оцениваться исключительно по его способно-

7 Имеются в виду такие работы, как: (Лицарева, 2004; Шишков, 2001; Langhammer, 1999; Katzenstein, 2005).

8 Термин «интеграция» порой заменяется в экономической литературе термином «конвергенция», который означает, с одной стороны, сближение основных показателей развития, а с другой – унификацию социально-экономических политик. Конвергенция измеряется такими параметрами, как отношение взаимной торговли ко всему внешнеторговому обороту или ВВП, динамика сближения внутренних цен на однородные товары, процентных ставок по кредитам одинаковой срочности.

9 Первая школа интеграционных исследований в СССР (России) сложилась в ИМЭМО с 1958–1962 гг. под руководством академика А.А. Арзуманяна.

сти воспроизвести структуры и практики ЕС» (Beeson, 2007, p. 5).

Но настоящий всплеск индивидуальных и коллективных работ в духе «ревизионизма» пришелся на конец XX – первое десятилетие XXI века. Началось осмысление специалистами по регионализму, в том числе и европейскому (Katzenstein, 2000, p. 353–368), уникального интеграционного опыта в Западной Европе в контексте интеграционного развития других частей мира (Milner, 1992, p. 466–496; Hettne, Soderbaum, 2000, p. 457–474; Wallace, 1994).

В этой связи необходимо сделать важное терминологическое уточнение. За годы интеллектуальной монополии на термин «интеграция» со стороны исследователей ЕС понятие впитало в себя знания и значения, характерные только для интеграционного процесса Европейского Союза. Поэтому с целью описания аналогичных процессов в других частях мира и во избежание критики о неверном использовании термина «интеграция» ученые-неевропеисты стали использовать термины «регионализация» и «регионализм». Фактически получалось, что «регионализация» зачастую оказывалась эвфемизмом «интеграции» для обозначения интеграционных процессов вне ЕС. Постепенно с подачи ревизионистов опыт ЕС стал выглядеть как частный случай регионализма: он «утратил характеристики нормативной модели, став ориентиром для частных усилий некоторых межгосударственных группировок в области институционального строительства» (Dieter, 2006; Acharya, 2004, p. 239–275).

Основные доводы сторонников «теорий нового регионализма» заключались в следующем. Во-первых, местные, историко-культурные, социально-экономические и политические особенности региона находят свое уникальное от-

ражение в той модели регионализма, которую они для себя выбирают (Hettne, Soderbaum, 2000, p. 457–474; Wallace, 1994).

Во-вторых, западноевропейский интеграционный опыт второй половины прошлого века не воспроизводим в современном мире в силу радикально различных исторических условий (Milner, 1992, p. 466–496)¹⁰.

Более того, в контексте волны ревизионистской литературы, посвященной интеграционным исследованиям, оказалось, что можно легко отказаться от семантического «выхолащенного» термина «интеграция» и без каких-либо смысловых потерь описывать и анализировать то, что происходило и происходит в Европейском Союзе с помощью терминов «регионализм» и «регионализация».

Регионализация стала пониматься как совокупность процессов, способствующих нарастающей экономической однородности региона в результате углубления разделения труда (Frost, 2008, p. 1–15) и повышения интенсивности связей между близко расположенными странами (Dent, 2008, p. 8). Со временем при достижении зрелой стадии регионализации возникает потребность в её управлении, то есть институционализированности, что в литературе стали называть регионализмом. Другая же – «неуправляемая» – форма ассоциировалась с регионализацией (Dent, 2008, p. 16–21). В таком словоупотреблении регионализация фактически выглядела некой ранней фазой, «предпосылкой» регионализма. Анализ словоупотребления показывает, что фактически авторы используют термины «регионализация» и «регионализм» для описания процессов и явлений, которые европейские исследователи относят к комплексу проблем интеграции.

Научное оправдание плюрализма в подходах к интеграции имеет исключи-

¹⁰ Милнер подчеркивал принципиальную закрытость региональных структур времён «холодной войны», которая стала размываться под действием глобализации.

тельно большое значение для российской внешней политики в своем ближайшем окружении. Споры вокруг будущего постсоветского пространства и, в частности, Содружества Независимых Государств (СНГ) отчасти могут объясняться трудностями в определении назначения этого международно-политического образования. В учредительных документах СНГ под влиянием «демонстрационного эффекта» западноевропейского опыта отдавалось предпочтение термину «интеграция», в то время как на деле проходили процессы дезинтеграции высокоинтегрированного пространства.

Характерные для первой половины 1990-х гг. ссылки на западноевропейский опыт фактически заложили основы для искаженной интерпретации постсоветской ситуации, которую отличает принципиально иное соотношение интеграционных и дезинтеграционных тенденций. При создании Содружества происходили процессы разрушения старого интегрированного хозяйственного комплекса. В то же время, если сравнивать с интегрированностью в ЕС, то между постсоветскими республиками в начале 1990-х гг. наблюдалась более высокая степень консолидации в таможенной, экономической и военно-оборонительной областях.

Сегодня, спустя более двадцати лет с момента распада СССР, опыт сравнительной интеграции дает России свободу выстраивания отношений со своими соседями. Главными уроками, как представляется, должен стать отказ от повторения ставшей «классической» очерёдности этапов сближения хозяйств (по Балаши), акцент на стимулировании микроэкономических факторов интеграции, сращивания на уровне обществ, предпринимательских групп, образовательной деятельности, межфирменного и внутрифирменного рационального разделения труда; согласие с принципом «сетевизации» мировой политики, который в контексте международных отношений на постсоветском пространстве должен восприниматься

как признание права и возможности других государств на параллельное участие в иных интеграционных блоках и союзах.

В исследованиях интеграции (в том числе немногих сравнительно-интеграционных работах) с 1950-х гг. под преобладающим влиянием европеистов складывался свой отличительный дискурс. Однако на рубеже 1990-х – 2000-х годов стало очевидно, что классические подходы к интеграции в ЕС устарели и перестали быть единственным возможным вариантом исследования интеграционных процессов.

Издававшаяся за рубежом и в России новая «интеграционная» литература убедительно показывала принципиальную однородность интеграционного сближения в разных регионах мира. Фокус интеграционных исследований расширяется. Акцент сдвигается к анализу сути интеграционных процессов, несходство которых перестает казаться аномалией.

Безусловно, интеграционные процессы в Латинской Америке, Восточной Азии, Африке и других регионах мира несопоставимы с любимыми региональными версиями интеграции в Европе в силу асинхронности их развития. Несмотря на то что неевропейская интеграция началась намного позднее европейской, это не говорит о её более ранней стадии развития.

В силу природно-географической, историко-политической и социокультурной специфики стран Восточной Азии, которая определяет интеграционные траектории региона, попытки синхронно-исторического сравнения восточноазиатской интеграции с аналогичным опытом ЕС методологически и аналитически вряд ли корректны. Например, в свете кризиса 1997–1998 гг. в Восточной Азии главный акцент усилий восточноазиатских государств по сближению экономик был сосредоточен именно на валютно-финансовой интеграции (Арапова, Байков, 2012).

В этой связи методологически верным представляется допущение о том, что ключевое типологическое подобие интеграционных процессов (при всех понятных и очевидных видовых различиях) определяется приоритетной ориентацией участников интеграции на развитие внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, а не степенью реализации принципа наднациональности. Это проявляется, например, в готовности участников к многостороннему сотрудничеству для решения общих проблем в рамках регулярных встреч ради решения конкретного вопроса, в предоставлении друг другу на взаимной основе особых прав, привилегий и льгот.

Европейская интеграционная модель, появившаяся в специфических условиях в послевоенной Западной Европе и сохраняющая историко-феноменологическую неповторимость, начинает утрачивать свою принципиальную уникальность как универсальная модель эффективного интеграционного процесса. Но начался процесс «размывания» самого понятия «интеграция», «европейского интеграционного канона», казавшегося незыблемым еще 40 лет назад. Трактовка данного понятия вбирает в себя также опыт неевропейских интеграционных процессов, тем самым теряя изначальную западноевропейскую идентичность согласно исходным представлениям и правовым нормам, сформулированным в конце 1950-х гг. Сказанное побуждает науку о международных отношениях к интенсивному аналитическому поиску.

Европейский опыт уже не может служить универсальной концепцией международной интеграции. Например, для АСЕАН, НАФТА или МЕРКОСУР. Множественный интеграционный опыт, региональные траектории интеграционных процессов и многообразие форм их институционального и внеинституционального регулирования простимулировали становление нового направления исследования – «сравнительной интеграции».

Общая сравнительно-интеграционная теория в последние двадцать лет приобретает новый виток развития благодаря переосмыслению учёными и практиками из Европейского Союза установок на федерализм: акцент переносится на многоформатное и разноскоростное сотрудничество государств-членов не только в экономике, но и в политике. Кризис еврозоны в 2010–2013 гг. подверг серьёзному испытанию принцип наднациональности.

Сравнительная интеграция как новая область международно-политических исследований уже обладает достаточной эмпирической базой, чтобы в результате научных обобщений подготовить создание новой «теории региональной интеграции».

Список литературы

- Арапова Е.Я., Байков А.А. (2012). Региональные инициативы финансового сотрудничества в АТР. *Международные процессы*, 3 (30). 98–107.
- Байков А.А. (2010). Библиография сравнительной интеграции в 2000-х годах. *Международные процессы*, 1 (22). С. 58–73.
- Байков А.А. (2012). *Сравнительная интеграция: Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*. М.: Аспект Пресс. 256.
- Борко Ю.А. (2003). *От европейской идеи – к единой Европе*. М.: Деловая литература. 464.
- Борко Ю.А., Загорский А.В., Караганов С.А. (1991). *Общий европейский дом: что мы о нем думаем?* М.: Международные отношения. 231.
- Буторина О.В. (2007). Интеграция в стиле фанк. *Россия в глобальной политике*, (5). 106–121.
- Воскресенский А.Д. (2006). *«Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность*. М.: КомКнига. 128.
- «Европейская идея»: от утопии – к реальности. (1998). Борко Ю.А. (ред.). *Загля-*

дивая в XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств. М.: Интердиалект. 15–51.

Лебедева М. (2003). Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. *Космополис*, (3). 28–38.

Лицарева Е.Ю. (2004). *Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX века*. Томск: ТГУ. 222.

Маныкин А.С. (ред.). (2010). *Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее*. М.: Олби-Принт. 628.

Молчанов Н. (1957). О шумихе вокруг общего рынка. *Новое время*, (5). 6–9

Хрусталева М.А. (2008). *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. М.: НОФМО. 231.

Шаклеина Т.А. (2013). Феномен и параметры великодержавности в мировой политике XXI века. Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ред.). *Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке*. М.: Аспект Пресс. 283–298.

Шишков Ю.В. (2001). *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ?* М.: III тысячелетие. 480.

Acharya A. (2004). How ideas spread: whose norms matter? Norm localization and institutional change in Asian regionalism. *International Organizations*, 58 (2). 239–275.

Balassa B. (1982). *The Theory of Economic Integration*. Westport: Greenwood Press Reprint. 304.

Beeson M. (2007). *Regionalism and Globalization in East Asia*. New York: Palgrave Macmillan. 336.

Dent Chr. M. (2008). *East Asian Regionalism*. London; New York: Routledge. 334.

Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 500.

Crouch C. (1993). *Towards Greater Europe? A Continent Without an Iron Curtain*. Oxford: Blackwell Publ. 174.

Dieter H. (2006). Report on East Asian integration: opportunities and obstacles for enhanced economic co-operation. *Notre Europe Studies and Research Paper*, (47). 149.

Elena E. A., Katzenstein P. (2003). European Enlargement and Institutional Hypocrisy. Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 269–290.

Fawcett L., Hurrell A. (1995). *Regionalism in World Politics*. Oxford: Oxford University Press. 360.

Frost E. (2008). *Asia's New Regionalism*. London: Lynne Rienner Publishers. 293.

Gamble A., Payne A. (eds.). (1996). *Regionalism and World Order*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 296.

Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.). (1999). *Globalism and the New Regionalism*. London: Palgrave Macmillan. 308.

Hettne B. (2006). Beyond the New Regionalism. *New Political Economy*, 10 (4). 543–571. DOI: 10.1080/13563460500344484

Hettne B., Söderbaum F. (1999). The New Regionalism Approach. *Politica*, (3). 6–21.

Hettne B., Soderbaum F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy*, 5(3). 457–474. DOI: 10.1080/713687778

Katzenstein P.J. (2000). Regionalism and Asia. *New Political Economy*, (3). 335–368. DOI: 10.1080/713687777

Katzenstein P.J. (2002). Area Studies, Regional Studies, and International Relations. *The Journal of East Asian Studies*. 2(1). P. 127–138.

Katzenstein P.J. (2005). *World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium*. N.Y.: Cornell University Press. 320.

King P., Bosco A. (eds.). (1991). *A constitution for Europe: a Comparative Study of Federal Constitutions and Plans for the United States of Europe*. London: Lothian Foundation Press. 380 p.

Kolodziej E. (1974). *French International Policy Under de Gaulle and Pompidou: The Politics of Grandeur*. Ithaca: Cornell University Press. 618.

Lawrence R.Z. (1996). *Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration*. Cambridge: Brookings Institution Press. 192.

Langhammer R.J. (1999). Regional Integration APEC style: Lessons from integration EU Style. *ASEAN Economic Bulletin*, (16). 1–17.

Majorlin R. (1989). *Architect of European Unity: Memoirs, 1911–1986*. London: Weidenfeld and Nicolson. 457.

Milner H. (1992). International theories of co-operation among nations: strengths and weaknesses. *World Politics*, (44). 466–496.

Schmitter P.C. (1969). Three Neo-Functional Hypotheses about International Integration. *International Organization*, (1). 161–166.

Solingen E. (2013). *Comparative Regionalism: Economics and Security*. N.Y.: Routledge. 304.

Solingen E. (1998). *Regional Orders at Century's Dawn*. Princeton: Princeton University Press. 352.

Tinbergen J. (1952). *On the Theory of Centralization and Decentralization in Economic Policy*. Amsterdam: North-Holland. 80.

Wallace W. (1994). *Regional Integration: The West European Experience*. Wessington DC: The Brookings Institution. 178.

References

Acharya A. (2004). How ideas spread: whose norms matter? Norm localization and institutional change in Asian regionalism. *International Organizations*, 58 (2). 239–275.

Arapova E. Ja., Baykov A.A. (2012). Regional Financial Integration in East Asia. *Mezhdunarodnye protsessy*, 3(30). 98–107.

Balassa B. (1982). *The Theory of Economic Integration*. Westport: Greenwood Press Reprint. 304.

Baykov A.A. (2010). Integration Studies in the 2000s. *Mezhdunarodnye protsessy*, 1 (22). C. 58–73.

Baykov A.A. (2012). *Comparative integration: Practice and models of integration in foreign Europe and Pacific Asia*. Moskva: Aspekt Press. 256.

Beeson M. (2007). *Regionalism and Globalization in East Asia*. New York: Palgrave Macmillan. 336.

Borko Yu.A. (2003). *From the European idea – to a united Europe*. Moskva: Delovaya literatura. 464.

Borko Yu.A., Zagorskii A.V., Karaganov S.A. (1991). *Common European home: what do we think about it?* Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 231.

Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 500.

Butorina O.V. (2007). Integration in the funky style. *Rossiya v global'noi politike*, (5). 106–121.

Crouch C. (1993). *Towards Greater Europe? A Continent Without an Iron Curtain*. Oxford: Blackwell Publ. 174.

Dent Chr. M. (2008). *East Asian Regionalism*. London; New York: Routledge. 334.

Dieter H. (2006). Report on East Asian integration: opportunities and obstacles for enhanced economic co-operation. *Notre Europe Studies and Research Paper*, (47). 149.

Elena E. A., Katzenstein P. (2003). European Enlargement and Institutional Hypocrisy. Börzel T.A., Cichowski R.A. (eds.). *The State of the European Union, 6: Law, Politics, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 269–290.

«European idea»: from utopia to reality. (1998). Borko Yu.A. (ed.). *Looking to the 21st century: the European Union and the Commonwealth of Independent States*. Moskva: Interdialekt. 15–51.

Fawcett L., Hurrell A. (1995). *Regionalism in World Politics*. Oxford: Oxford University Press. 360.

Frost E. (2008). *Asia's New Regionalism*. London: Lynne Rienner Publishers. 293.

Gamble A., Payne A. (eds.). (1996). *Regionalism and World Order*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 296.

- Hettne B. (2006). Beyond the New Regionalism. *New Political Economy*, 10 (4). 543–571. DOI: 10.1080/13563460500344484
- Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.). (1999). *Globalism and the New Regionalism*. London: Palgrave Macmillan. 308.
- Hettne B., Söderbaum F. (1999). The New Regionalism Approach. *Politica*, (3). 6–21.
- Hettne B., Soderbaum F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy*, 5(3). 457–474. DOI: 10.1080/713687778
- Katzenstein P.J. (2000). Regionalism and Asia. *New Political Economy*, (3). 335–368. DOI: 10.1080/713687777
- Katzenstein P.J. (2002). Area Studies, Regional Studies, and International Relations. *The Journal of East Asian Studies*. 2(1). P. 127–138.
- Katzenstein P.J. (2005). *World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium*. N.Y.: Cornell University Press. 320.
- Khrustalev M.A. (2008). Analysis of international situations and political expertise. Moskva: NOFMO. 231.
- King P., Bosco A. (eds.). (1991). *A constitution for Europe: a Comparative Study of Federal Constitutions and Plans for the United States of Europe*. London: Lothian Foundation Press. 380 p.
- Kolodziej E. (1974). *French International Policy Under de Gaulle and Pompidou: The Politics of Grandeur*. Ithaca: Cornell University Press. 618.
- Langhammer R.J. (1999). Regional Integration APEC style: Lessons from integration EU Style. *ASEAN Economic Bulletin*, (16). 1–17.
- Lawrence R.Z. (1996). *Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration*. Cambridge: Brookings Institution Press. 192.
- Lebedeva M. (2003). New transnational actors and a change in the political system of the world. *Kosmopolis*, (3). 28–38.
- Litsareva E.Yu. (2004). *Economic integration on the European continent and in the Asia-Pacific region in the second half of the twentieth century*. Tomsk: TGU. 222.
- Majorlin R. (1989). *Architect of European Unity: Memoirs, 1911–1986*. London: Weidenfeld and Nicolson. 457.
- Manykin A.S. (ed.). (2010). *Models of regional integration: past and present*. Moskva: Albee-Print. 628.
- Milner H. (1992). International theories of co-operation among nations: strengths and weaknesses. *World Politics*, (44). 466–496.
- Molchanov N. (1957). About the hype around the common market. *Novoe vremya*, (5). 6–9
- Schmitter P.C. (1969). Three Neo-Functional Hypotheses about International Integration. *International Organization*, (1). 161–166.
- Shakleina T.A. (2013). Phenomenon and parameters of Great Power in the world politics of the 21st century. Shakleina T.A., Baykov A.A. (eds.). *Megatrends: The main trajectories of evolution and world order in the 21st century*. Moskva: Aspekt Press. 283–298.
- Shishkov Yu.V. (2001). *Integration processes on the threshold of the XXI century. Why are CIS countries not integrated?* Moskva: III tysyacheletie. 480.
- Solingen E. (1998). *Regional Orders at Century's Dawn*. Princeton: Princeton University Press. 352.
- Solingen E. (2013). *Comparative Regionalism: Economics and Security*. N.Y.: Routledge. 304.
- Tinbergen J. (1952). *On the Theory of Centralization and Decentralization in Economic Policy*. Amsterdam: North-Holland. 80.
- Voskresenskii A.D. (2006). "Greater East Asia": world politics and energy security. Moskva: KomKniga. 128.
- Wallace W. (1994). *Regional Integration: The West European Experience*. Wessington DC: The Brookings Institution. 178.

Информация об авторе

Андрей Анатольевич Байков, кандидат политических наук, проректор по магистерским и международным программам, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
a.baykov@inno.mgimo.ru

About the Author

Andrey A. Baykov, Cand. Sci. (Pol.), Vice-Rector for Graduate and International Programs, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
a.baykov@inno.mgimo.ru

США: новые реалии

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-54-69

Людмила Федоровна ЛЕБЕДЕВАЦентр социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады
Российской академии наук

Хлебный пер., 2/3, Москва, 123995, Российская Федерация

Liunic@yandex.ru

ORCID : 0000-0002-4464-2916

Трансконтинентальные партнерства на перепутье: факторы, риски, последствия

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается формирование трансконтинентальных партнерств – Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП), – которые становятся элементом нового мирового порядка; возможные их перспективы в условиях пересмотра администрацией Д. Трампа подходов к решению глобальных вопросов, выстраиванию отношений с другими странами, к выбору формата международных соглашений, создания экономических союзов. Торговые отношения стран ТТП и ТАТИП существенно различаются по масштабам и структуре товарообмена, в том числе и с США. Но в совокупности они имеют для США важное значение: на них приходится 63% американского товарного экспорта и 56% товарного импорта. ТАТИП, безусловно, может способствовать углублению и без того значимых экономических связей между США и ЕС с совокупным ВВП, составляющим более половины мирового. Однако многие статьи соглашения о ТАТИП относительно сотрудничества в сферах финансовых услуг, сельхозпроизводства, гармонизации регуляторов, другим аспектам еще подлежат согласованию. С выходом США из ТТП страны-участницы оказались перед новыми вызовами в регионе, новым выбором выстраивания своих внешнеэкономических отношений. Вместе с тем Китай получил зеленый свет для дальнейшего укрепления своих позиций, влияния

в регионе, продвижения Регионального Всеобъемлющего Экономического Партнерства (РВЭП). В 2017 г. реализация предвыборных намерений Д. Трампа по защите внутреннего рынка от импортируемой продукции принимает новые очертания – с акцентом на оценку влияния импорта на состояние национальной безопасности. После расследования Министерством торговли импорта стали, алюминия в контексте национальной безопасности под угрозой введения ограничений на ввоз данной продукции могут оказаться поставки не только из Китая, но и из других стран, которые также могут повысить барьеры на пути американского экспорта. Однако происходящие трансформации в международных экономических отношениях, формирование торгово-экономических объединений нового типа, наряду с рисками и неоднозначными последствиями, открывают и новые возможности для взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международная интеграция, мировая торговля, Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лебедева Л.Ф. (2017). Трансконтинентальные партнерства на перепутье: факторы, риски, последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 54-69. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-54-69

USA: New Realities

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-54-69

Liudmila F. LEBEDEVA

Center for Social and Economic Research and Projects of the Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences

Khlebny per. 2/3, Moscow, Russian Federation, 123995

Liunic@yandex.ru

ORCID : 0000-0002-4464-2916

Transcontinental Partnerships at the Crossroads: Factors, Risks, Consequences

ABSTRACT. *Transcontinental partnerships – Trans-Pacific Partnership (TPP) and Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership (TATIP) – have been analyzed in view of the new challenges in polycentric world, US foreign economic policy changes, risks for the national economies of the block's participants, as well as for the other countries. The TPP and the TATIP are in focus as the new stage of the world integration process. The TATIP can deepen the already substantial economic ties between the US and the European Union. But what will be included in the chapters of the agreement on financial services, agricultural products, some other sectors is still subject to debate. Particular concerns arise about the role for the TATIP in harmonizing financial regulation. The practical implementation of president Donald Trump plans to «promote American industry, protect American workers» began with the US withdrawal from the TPP, with negotiating new bilateral trade deals in mind. Since that decision, the leaders of Japan, Singapore, Australia, and other TPP participants emphasized the strategic importance of this agreement for their countries and for US leadership in the region. Withdrawing from the TPP raises concerns among US trade partners and allies in the region and put many questions before them. Besides, US withdrawal from the TPP effectively gives green light to assert a more pronounced leadership role in the region for China, which is already a major trade and investment partner for TPP countries. Furthermore, Donald Trump turned attention to certain imports as a threat*

to national security and thus potentially subject to steep tariffs. The US steps in this way may undermine the rules-based trading system, and put many questions before TPP partners and other countries. Whether import restrictions for national security reasons be implemented, they may damage not only China as the main U.S. imports driver; but other countries as well, and lead to new barriers against US exports by trading partners. The Trump administration initiatives not only represents a challenge for countries that linked closely to the American economy due to the trade-economic agreements, but leads to new opportunities and choices in international economic relations.

KEYWORDS: *international integration, world trade, Trans-Pacific Partnership, Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership*

FOR CITATION: Lebedeva L. F. (2017). Transcontinental Partnerships at the Crossroads: factors, risks, consequences. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 54-69. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-54-69

Трансконтинентальные партнерства: подходы, позиции

Современные интеграционные процессы, прежде всего те, которые принимают форму мегаобъединений, охватывающих как ведущие мировые экономиче-

ские центры, так и развивающиеся страны на разных континентах, будучи ответом на глобальные вызовы, сами влекут за собой новые вызовы и риски национальным экономикам, входящим в них, сложившимся двусторонним и многосторонним экономическим связям и, конечно, третьим странам, остающимся за их пределами.

Особого внимания заслуживают принятые усилия США в рамках проводимой политики глобального лидерства по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП); и возможные их перспективы в условиях пересмотра администрацией Д. Трампа подходов к решению глобальных вопросов, выстраиванию отношений с другими странами, к выбору формата международных соглашений. Знаменательно, что с приходом в Белый дом Д. Трампа критика характера и последствий глобализации, заявления о приоритете национальных интересов прозвучали непосредственно из Соединенных Штатов – генератора либеральной модели глобализации. Указ о выходе США из ТТП новый хозяин Белого дома подписал сразу же после инаугурации, перечеркнув тем самым одно из наиболее значимых, с точки зрения Б. Обамы, достижений за два срока его президентства.

Происходящие изменения в международных экономических отношениях на фоне усиления риска непредсказуемости со стороны Вашингтона еще предстоит осмыслить, но уже сегодня важно понять, какие риски и последствия несут подобные соглашения; оценить новые возможности мирохозяйственных связей.

С конца прошлого десятилетия, следуя своей политике глобального лидерства, Вашингтон активизировал действия по созданию ТТП, а с начала второго де-

сятилетия – ТАТИП. Считая, что «вопрос не в том, лидирует ли Америка в мире, но в том как»¹, Б. Обама вплоть до последних дней своего президентства придавал особое значение формированию мегаблоков как инструмента влияния и укрепления позиций США в мире, акцентируя внимание на углублении трансатлантического сотрудничества и расширении присутствия в АТР.

Участие в международной торговле, инвестиционном и технологическом обмене традиционно рассматривается Соединенными Штатами в качестве важнейшего ресурса экономического роста и модернизации экономики, укрепления позиций в мире и механизма воздействия на мирохозяйственные связи. Обеспечение доступа американских товаров и услуг на рынки других стран является в США приоритетной задачей, реализация которой предполагает не только снижение и/или устранение торговых барьеров, препятствующих экспорту из США, но и определенное воздействие на политику других стран.

Уступив мировое первенство по объему товарооборота с другими странами Китаю, США остаются наиболее емким и платежеспособным рынком сбыта и одновременно испытывают возрастающую конкуренцию на мировых рынках с падением доли американских поставщиков в мировом товарном экспорте до около 9% в 2015 г., в сравнении с 12% в 2000 г.² Нарастающее соперничество со стороны зарубежных фирм наблюдается и на стратегическом направлении развития – в сфере высокотехнологичной продукции, где в период с начала текущего столетия США также уступили свои позиции. По выпуску высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности в середине второго десятилетия доминировали США и Китай: соответственно 29% и 27%

1 Obama's 2015 State of the Union address. *The Guardian*. January, 21. 2015. <https://www.theguardian.com/us-news/2015/jan/20/obama-state-of-the-union-2015-full-text>. URL: <https://www.whitehouse.gov/2016/01/12> (Accessed: 15.08.2017)

2 UNCTAD Handbook of Statistics 2016. UN. New York and Geneva. 2016.

мирового производства; по экспорту высокоинтенсивных наукоемких услуг страны ЕС-28 в целом существенно опередили США (соответственно 482 млрд долл. и 271 млрд долл. в 2014 г.), при этом резко возрос экспорт таких услуг из Индии (111 млрд долл.) и Китая (104 млрд долл. в том же году)³.

Учитывая отмеченные тенденции, в последнем обращении к нации президента Б. Обамы 12 января 2016 г. подчеркивалось, что для сохранения лидирующих по-

зиций в мире, влияния в ключевых регионах необходимы новые подходы, в том числе в сферах развития инновационной экономики, создания торгово-экономических союзов, взаимодействия с союзниками и расширения числа партнеров по всему миру⁴. Такие подходы нашли выражение в том числе в попытках формирования под эгидой США торгово-экономических блоков принципиально нового типа – ТТП и ТАТИП. В условиях формирования полицентричной мировой системы «посред-

Таблица 1. Товарный экспорт и импорт США по странам назначения, %

Страны ТТП, ТАТИП, Китай	Доля в общем объеме экспорта, %, 2016	Доля в общем объеме импорта, %, 2016
Страны ТАТИП	18,1	19,0
ЕС-28	18,1	19,0
В том числе Великобритания	3,8	2,5
Страны ТТП	44,7	37,4
Канада	18,3	12,8
Мексика	15,8	13,6
Япония	4,3	6,1
Сингапур	1,8	0,8
Австралия	1,5	0,5
Чили	0,9	0,4
Малайзия	0,8	1,4
Перу	0,6	0,3
Вьетнам	0,4	1,3
Новая Зеландия	0,3	0,2
Бруней	0,0	0,0
Другие страны	37,2	43,6
В том числе Китай	8,0	21,0

Источник: UN COMTRADE statistics. April 2017; Survey of Current Business. 2016. №4. URL: https://www.bea.gov/scb/pdf/2017/04%20April/0417_international_transactions_tables.pdf (Accessed: 18.08.2017)

3 Science & Engineering Indicators, 2016. NSF, 2016. К высокотехнологичной продукции Национальный научный фонд (National Science Foundation, NSF) – независимое агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий), – относит продукцию аэрокосмической отрасли, фармацевтическую, офисное и компьютерное оборудование, теле- и радиокоммуникационное оборудование, медицинское оборудование, измерительные и оптические приборы.

4 Obama's 2016 State of the Union address. January 12 2016. URL: <https://www.whitehouse.gov/2016/01/12> (Accessed: 15. 08.2017)

ством создания межконтинентальных торговых партнерств с Европой и Азией США пытаются сохранить свой политический и экономический вес в мире и не допустить глобального распространения институтов и систем ценностей, исходящих от конкурирующих торгово-экономических блоков...» (Звонова, Кузнецов, 2016, с. 19).

Идеи мегапроектов во многом способствовали активизации внешнеэкономической политики США на пространстве их предполагаемой реализации. Торговые отношения стран ТПП и ТАТИП существенно различаются по масштабам и структуре товарооборота, в том числе и с США. Но в совокупности они имеют для США исключительно важное значение: на них приходится 63% американского товарного экспорта и 56% товарного импорта (Таблица 1).

Предложение о создании ТТП Новой Зеландией, Сингапуром, Чили (2003 г.) получило продолжение в 2005 г., когда к нему присоединился Бруней, а 4 февраля 2016 г., в Окленде, Новая Зеландия, 12 странами

было подписано Соглашение о создании ТТП (Таблица 2).

С момента заявления в 2008 г. администрацией Дж. Буша-мл. о начале переговоров в рамках ТТП (Asia-Pacific, 2014) их процесс заметно активизировался. Формально ТТП открыто для присоединения других государств и экономик, прежде всего тех, которые являются членами АТЭС, а значит, и для России, однако кандидат на присоединение к ТТП должен не только принять уже утвержденные и описанные в документах ТТП обязательства, но также дополнительные условия, которые согласовываются с участниками партнерства, уже подписавшими соглашение.

В период президентства Б. Обамы США представляли ТТП как «всеобъемлющее и соответствующее высоким стандартам» («comprehensive and high-standard») соглашение. Переговоры носили многоаспектный характер и велись как по отдельным группам товаров, например промышленной продукции, сельскохозяйственным

Таблица 2. Динамика участия в создании ТТП

Страны	Дата присоединения
Бруней, учредитель	Июнь 2005
Чили, учредитель	Июнь 2005
Новая Зеландия, учредитель	Июнь 2005
Сингапур, учредитель	Июнь 2005
США, участник переговоров	Февраль 2008
Австралия, участник переговоров	Ноябрь 2008
Вьетнам, участник переговоров	Ноябрь 2008
Перу, участник переговоров	Ноябрь 2008
Малайзия, участник переговоров	Октябрь 2010
Мексика, участник переговоров	Октябрь 2012
Канада, участник переговоров	Октябрь 2012
Япония, участник переговоров	Март 2013

Источник: TPP. Congressional Research Service. March 20 2015. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

товарам; предметам личного потребления; так и по их происхождению; техническим барьерам в торговле; санитарным и фито-санитарным нормам.

Торговые отношения между странами, участвовавшими в переговорах по ТПП, существенно различаются и по масштабам, структуре товарооборота, и по внутренним экономическим регуляторам. Среди наиболее спорных и требующих дальнейших согласований вопросов эксперты выделяли доступ на сельскохозяйственные рынки стран-участниц; регулирование государственных закупок, инвестиций; защиту прав интеллектуальной собственности; сроки и пределы либерализации торговли текстилем и одеждой, автомобилями, другими видами продукции; нормы трудового законодательства, экологические стандарты (Fergusson, 2015). Особое внимание уделялось сфере услуг (специально – финансовым услугам), а также электронной коммерции.

Видение перспектив ТТП и его влияния на национальные экономики, потенциальных выгод вхождения в столь масштабную зону свободной торговли с самого начала существенно различалось в странах – участницах переговоров. Разногласия между странами-участницами отмечались по целому ряду позиций: как по вопросам либерализации торговли товарами и услугами, особенно по отдельным их группам, так и, например, по вопросам действующих норм государственных закупок, инвестиций (Кадочников, Флегонтова, 2014, с. 27). Некоторые эксперты обращали внимание на слишком жесткие ограничительные меры ТПП в отношении его

участников, что затрудняло достижение договоренностей⁵. Например, часть стран активно выступала против снижения поддержки государственных компаний, которые отвечают за существенную долю ВВП в таких странах, как Малайзия или Вьетнам (Бирюкова, 2015, с. 12).

Для Вьетнама весьма болезненным является вопрос ужесточения правил происхождения товаров еще и ввиду того, что материал для самой крупной статьи вьетнамского экспорта (текстиль, одежда) закупается в Китае. Вьетнам, Малайзия, Чили опасаются либерализации торговли рисом; Малайзия, Сингапур – унифицирующих правил в табачной отрасли⁶.

В США отношение к ТПП также не отличалось единством мнений. Приверженность администрации Б. Обамы к созданию ТТП прослеживалась в течение всего ее периода. По оценке экспертов Института Петерсона, к 2030 г. ТТП должно было обеспечить прирост экспорта из США на 9,1% (Petri, Plummer, 2016) и укрепить позиции в АТР в условиях роста влияния Китая. В одном из выступлений Б. Обама четко заявил: когда 95% потенциальных потребителей американской продукции проживают за пределами страны, «США не могут позволить таким странам, как Китай, диктовать правила глобальной экономики»⁷. Таким образом, присутствие на рынке АТР было бы благом для американского бизнеса и американских работников, дало бы США определенные преимущества, в том числе в сравнении с такими конкурентами, как Китай⁸.

Как отмечал Джозеф Юджин Стиглиц, профессор Колумбийского университе-

5 Pilling D. Donnan S. Trans-Pacific Partnership: Ocean's twelve. 2014. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/8c253c5c-2056-11e3-b8c6-00144feab7de.html> (Accessed: 18.08.2017)

6 Болат-кызы Н. Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) как конкурирующие проекты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. URL: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/01/%D0%A2%D0%9F-D0%92%D0%A0%D0%AD%D0%9F%2014.pdf> (Дата обращения: 10.08.2017)

7 Pacific-Rim Nations Led by U.S. Agree to Historic Trade Deal. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-05/pacific-rim-nations-led-by-u-s-agree-to-historic-trade-deal> (Accessed: 10.08.2017)

8 Костюнина Г. Экономическая регионализация Восточной Азии: Успехи и проблемы. 2014. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document235215.phtml> (Дата обращения: 15.08.2017)

та, «вы услышите многое о том, насколько важно Транстихоокеанское партнерство для «свободной торговли». Но в реальности оказывается, что это соглашение о контроле над торгово-экономическими отношениями участников ТТП со стороны наиболее могущественных лобби стран – участниц соглашения. Никого не должно удивлять то, что международные соглашения Америки заключаются не ради «свободной торговли», а скорее ради торговли управляемой»⁹.

С другой стороны, последствия ожидаемого наращивания переноса производства из США в менее развитые страны и влияние этого процесса на американский рынок труда вызывало беспокойство у американских профсоюзов, сторонников защиты прав трудящихся, а также у экологических организаций, выступающих против открытия рынка, в отличие от американских ТНК, заинтересованных в либерализации рынков¹⁰ (Арапова, 2014). Предполагалось, что создание ТТП расширит зону установления американских стандартов, и не только по вопросам торговли.

В феврале 2016 г. представители 12 стран подписали Соглашение о ТТП, но его еще предстояло ратифицировать. Однако в ноябре 2016 г. в условиях беспрецедентного в истории США раскола американского общества на президентских выборах одержал победу Д. Трамп, пообещав «вернуть Америке величие», провозгласив курс на возвращение рабочих мест, защиту внутреннего рынка, репатриацию капитала в США, модернизацию торговых отношений, и с приходом к власти не стал медлить с реализацией своей программы. Указ о выходе США из ТТП новый хозяин

Белого дома подписал сразу же после инаугурации.

Все усилия, предпринятые предыдущей администрацией по формированию мегаблоков, оказались не соответствующими «стратегическим торгово-экономическим интересам США». Не стоит забывать и тот факт, что Соглашение о ТТП должно было стать одним из инструментов «сдерживания» Китая. С отказом США от участия в ТТП и перехода к другому формату взаимоотношений в регионе можно ожидать корректировки политики на уровне стран и их объединений. Это в полной мере относится и к проекту – с Китаем в роли ключевого игрока – «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (Regional Comprehensive Economic Partnership)¹¹, для которого открылись новые перспективы.

Оценки перспектив ТАТИП, на долю которых, по оценке ОЭСР, в 2016 г. приходилось свыше половины мирового ВВП¹², также различаются в широком диапазоне. Страны ЕС в 2016 г. поглощали 18,1% американского товарного экспорта (без Великобритании – 14,3%), на них приходилось 19,0% товарного импорта в США (без Великобритании – 16,5%) (Таблица 1).

На протяжении большей части прошлого и начала нынешнего столетий страны ТАТИП лидировали по привлечению прямых иностранных инвестиций: в 2015 г. – 46% мирового объема прямых инвестиций (World..., p. 8). При этом из 5,3 трлн долл. накопленных прямых инвестиций США за рубежом на страны ЕС-28 приходится 2,97 трлн долл.; а из 3,7 трлн долл. прямых инвестиций в США на ЕС-28 –

9 The great trans-pacific free trade charade. October 04 2015. URL: <http://www.bangkokpost.com/opinion/opinion/716932/the-great-trans-pacific-free-trade-charade> (Accessed: 10.08.2017)

10 Арапова. Е. США и Транс-Тихоокеанское партнерство: социальные интересы против экономических и политических. 2014. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document247280.phtml> (Дата обращения: 15.08.2017)

11 Среди участников Регионального всеобъемлющего экономического партнерства страны – члены АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 6 государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония).

12 GDP. OECD, 2017. URL: <https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm> (Accessed: 10.08.2017)

2,2 трлн долл.¹³. На американских предприятиях в Европе и европейских в США было занято свыше 8,6 млн человек (Таблица 3).

Стоит также учитывать, в связи с выходом из ЕС Великобритании, что, «будучи одними из первых инвесторов в экономику США, компании из Великобритании сохраняют первенство в этой области» (Антипин, Лебедева, Чжан Д. Юн, 2015). На Великобританию в 2016 г. приходилось 14,9% накопленных прямых иностранных инвестиций в США и 12,8% всех прямых инвестиций из США за рубежом¹⁴. По одним оценкам, благодаря реализации

ТАТИП во всех странах-участницах возрастет ВВП на душу населения; ежегодный экспорт из США в Европу увеличится на 33% (в среднем по штатам)¹⁵. Торговый оборот между США и Германией может увеличиться на 90%. В то же время торговый оборот между Германией и Францией может сократиться на 23%, а между Германией и южными странами ЕС его снижение может составить 30%. Таким образом, речь идет не только о развитии сотрудничества, но и о потере достигнутых ранее результатов региональной интеграции (Хасбулатов и др. 2015, с.38).

Таблица 3. Занятость на зарубежных предприятиях ТНК США и на предприятиях иностранных компаний в США

Страны расположения предприятий	Занятость, тысяч человек, 2010	Занятость, тысяч человек, 2014
Зарубежные предприятия ТНК США	11313	13802
Предприятия иностранных компаний в США	5435	6371
Предприятия ТНК США в Европе	4081	4547
Предприятия европейских компаний в США	3621	4119
Предприятия ТНК США в Великобритании	1213	1349
Предприятия компаний из Великобритании в США	932	1099
Предприятия ТНК США в Германии	621	677
Предприятия компаний из Германии в США	576	672
Предприятия ТНК США в Канаде	1086	1186
Предприятия канадских компаний в США	526	621
Предприятия ТНК США в Мексике	1042	1291
Предприятия мексиканских компаний в США	54	78
Предприятия ТНК США в Китае	1125	1672
Предприятия китайских компаний в США	11	38
Предприятия ТНК США в Японии	312	340
Предприятия японских компаний в США	662	839

Источник: Direct Investment and Activities of Multinational Enterprises. BEA. Washington. December 2016.

¹³ Survey of Current Business. July 2017

¹⁴ Ibid

¹⁵ US-EU Trade, Investment Agreement would create jobs, boosts exports in all 50 states. URL: http://www.bfna.org/media_advisory/us-eu-trade-investment-agreement-would-create-jobs-boost-exports-in-all-50-states (Accessed: 10.08.2017)

Критики ТАТИП особо выделяют негативные последствия устранения национальных стандартов в социально-трудовой сфере, экологических нормативов; разрушение механизмов защиты стратегически важных отраслей европейских стран от демпинга. Озабоченность вызывают и последствия трансатлантической интеграции для европейской социальной модели.

В докладе Центра по изучению европейской политики (Centre for European Policy Studies, Бельгия) о возможных последствиях ТАТИП для сферы услуг отмечается необходимость тщательного согласования регулятивных норм по обе стороны Атлантики. Признается, что требуются новые подходы к взаимному признанию установленных правил относительно услуг. «Это совершенно новый уровень сложности игры, каждая сторона должна прежде всего оценить предпринимаемое ею качество регулирования»¹⁶.

Множество опасений в странах ЕС высказывается в связи с предполагаемой унификацией стандартов, которая может перечеркнуть многолетние усилия и достигнутый прогресс в сферах охраны окружающей среды, здравоохранения, культуры питания, прав работников. Так, по мнению директора отделения Greenpeace в ЕС Йорго Рисс, США добиваются, чтобы ЕС отказался от «принципа предосторожности» в отношении потенциально вредных продуктов и перенял менее жесткий подход – тот, который принят в США. Например, в странах ЕС запрещено производство продукции с генетически модифицированными организмами (ГМО), а по данным Министерства сельского хозяйства США, 94% сои, 92% кукурузы и 94% хлопка выращиваются с использованием генно-модифицирующих технологий¹⁷.

Принятый на Конференции «Европа без ГМО» (май 2015 г.) Берлинский манифест, в подготовке которого принимали участие правительства, международные организации, Европейская комиссия, предусматривает разработку Европейской стратегии по уменьшению зависимости от генетически модифицированной сои, ввозимой в Европу. При этом любое соглашение, в том числе и ТАТИП, не должно ставить под угрозу достигнутые результаты в отношении статуса стран, свободных от ГМО, или прав государств принимать решение по этому вопросу¹⁸.

При всех различиях в подходах, ожиданиях стран – участниц мегаблоков в оценках возможных последствий подписания Соглашения ТТИП и реализации соглашения ТТП попытки формирования мегаблоков означают, что наступает новый этап развития международных экономических отношений. В случае их реализации меняются правила игры, что потребует корректировки подходов для регулирования торгово-экономических отношений на национальном, региональном, глобальном уровнях.

Новый курс Вашингтона и «перезагрузка» мирохозяйственных связей

Соединенные Штаты, поддерживающие внешнеторговые отношения более чем с 230 странами и территориями мира, с оборотом около 5,0 трлн долл., и до начала президентства Д. Трампа использовали широкий арсенал средств ограничения импорта и экспорта исходя из национальных интересов (Лебедева, 2015). Крутой поворот в подходах к смене формата соглашений, к выбору инструментов защи-

16 The Transatlantic Trade and Investment Partnership: The Services Dimension Patrick Messerlin Paper № 6 in the CEPS-CTR project "TTIP in the Balance" and CEPS Special Report № 106 / May 2015.

17 Acreage Report, National Agricultural Statistics Service. June 2015.

18 GMO – free Europe. Future Opportunities and Challenges. May 6 to 8 2015. URL: www.gmo-free-europe.org/press.html (Accessed: 10.08.2017)

ты внутреннего рынка усиливает и без того повышенную неопределенность в международных экономических отношениях.

Для самих США меры, направленные на защиту занятости от импорта, могут, в случае ответных мер, негативно сказаться на сохранении рабочих мест в экспортном производстве, которое обеспечивало в 2015 г. 11,5 млн рабочих мест, в том числе: 3,4 млн – за счет экспорта в страны АТР; 3,1 млн – за счет экспорта в страны Европы; 2,8 млн – за счет экспорта в страны Северной Америки. При этом в посткризисный период значительную часть роста числа рабочих мест обеспечил товарный экспорт в страны ТТП: за период 2009–2015 гг. – на 476,3 тысячи¹⁹.

Государства и компании вынуждены адаптироваться к новым реалиям, учитывая активизацию интеграционных процессов, а также тот факт, что возрастающая часть мирового товарооборота приходится на долю уже действующих интеграционных объединений (в том числе на ЕС-28, НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР – 54% мирового товарного экспорта и 57% товарного импорта), и между ними тоже происходит перераспределение позиций. Так, с конца прошлого века наблюдается некоторое снижение доли крупнейших игроков (ЕС, НАФТА) и некоторое увеличение АСЕАН, МЕРКОСУР в мировом экспорте (Хасбулатов, 2015, с. 34, 35).

Диапазон расхождений в интерпретации масштабных инициатив Д. Трампа относительно формата торгово-экономических отношений, мер защиты внутреннего рынка очень широк и внутри Соединенных Штатов, и за их пределами. Некоторые эксперты вспомнили даже период политики жесткого протекционизма, когда в рамках принятого в США в 1930 г. Закона Смута-Хоули о тарифе (The Smoot-Hawley Tariff Act) были резко увеличены

тарифные ставки на импортируемую продукцию, что вызвало ответные меры торговых партнеров с соответствующими последствиями для состояния мировой торговли и экономического развития²⁰ (Портанский, 2016).

Однако более вероятным сценарием сегодня представляется переориентация участников международных экономических отношений, затронутых введенными и/или предполагаемыми ограничительными мерами, пересмотром со стороны США достигнутых соглашений на другие направления и виды экономических взаимосвязей.

Встреча (15 марта 2017 г. в Чили) представителей стран, подписавших Соглашение о ТТП, не привела к каким-то конкретным решениям. Преобразование в той или иной степени ТТП в ближайшей перспективе представляется весьма проблематичным с учетом сложности предшествующих согласований, разногласий между странами, его подписавшими, а также условий Соглашения по ТТП, которое может вступить в силу после ратификации странами, на которые приходится не менее 85% ВВП всех участников.

США остаются важнейшим рынком сбыта для стран ТТП, а для некоторых, например для Вьетнама, критически значимым. Другие страны, подписавшие Соглашение о ТТП, также рассчитывали укрепить свои позиции в зоне Партнерства, но сегодня находятся в поиске иных вариантов. Стоит напомнить, что в рамках политики глобального лидерства США это Соглашение должно было стать одним из инструментов «сдерживания» Китая, выход США из ТТП дал новый импульс РВЭП, изменению соотношения сил в АТР. Вместе с тем из 11 стран (помимо США), подписавших Соглашение о ТТП, семь (Австралия, Новая Зеландия, Япония, Бру-

19 Jobs Supported by Exports. Product and Industry. Department of Commerce. Washington. July 2016.

20 Портанский А. П. Устоит ли глобальная экономика перед Трампом? URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2731&p=5 (Дата обращения: 15.08.2017)

ней, Вьетнам, Малайзия, Сингапур) также участвуют в переговорах по РВЭП. Учитывая, что в рамках переговоров РВЭП условия более гибкие, чем в ТТП, не исключено, что после осмысления сложившейся ситуации к ним присоединятся и некоторые другие страны.

Пересмотр внешнеэкономического курса США с начала 2017 г. затронул в числе основных торговых партнеров и Японию, достижение соглашения с которой в рамках ТТП было особенно сложным (Емельянов, Чудинова, 2016). В рамках ТТП для автомобильной промышленности США одним из главных было согласование условий именно с Японией, поскольку эта страна является крупнейшим экспортером автомобилей, и исторически политика США состояла в том, чтобы ограничить ввоз японских автомобилей на американский рынок, как это было, например, в случае с принятием Японией добровольных ограничений экспорта в 1970 г. (Шишкин, 2017, с. 220). Еще в ноябре 2016 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ отметил, что в случае реализации намерения избранного президента Д. Трампа отказаться от участия в ТТП «оно (Соглашение о ТТП. – Л.Л.) теряет смысл»²¹.

После подписания Д. Трампом указа о выходе из ТТП и заявления об упрощении процесса ведения дел для тех, кто будет заниматься производством на американской территории, с японской стороны было заявлено о важности углубления двусторонних экономических отношений. Уже в начале февраля 2017 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ подтвердил важность экономических аспектов японо-американских отношений и готовность реализовать совместные инфраструктурные проекты на территории США, которые могут обеспечить создание там около 700 тысяч новых рабочих мест.

О дальнейшем наращивании производства автомобилей на американском рынке тогда же заявил и президент крупнейшей японской автомобилестроительной компании Акио Тойода (Akio Toyoda). На десяти заводах компании «Тойота Мотор» производится свыше половины ее продукции, реализуемой на американском рынке, и эту долю предстоит увеличить.

Всего на предприятиях японских компаний в США, многие из которых основывали производство на территории Соединенных Штатов еще в прошлом веке, занято 840 тыс. человек – в 2,5 раза больше, чем на предприятиях американских компаний в Японии (Таблица 3). При этом производственная деятельность японских предприятий в США тесно связана с внешне-торговыми операциями. На долю японских предприятий американского небанковского сектора приходится 26% товарного импорта всех иностранных предприятий в США и 21% их товарного экспорта из США. Эти показатели с некоторыми колебаниями имеют устойчивый характер в течение десятилетий (Антипин, Лебедева, Чжан Д. Юн, 2015).

Правящие круги Японии не замедлили также расширить сферу трансокеанского взаимодействия. В начале июля 2017 г. было заявлено о заключении соглашения о либерализации торговли между Японией и ЕС, которое должно вступить в силу в 2019 г., с ориентиром на последующее формирование зоны свободной торговли. Со стороны ЕС предусматривается (после имплементационного периода) прежде всего постепенное снижение пошлин на импорт японских автомобилей и продовольственной продукции; со стороны Японии – на европейские сыры и другие продукты. На пути снятия ограничений на движение продукции, ресурсов, не говоря уж о согласовании мер экономической политики, предстоит целый ряд согласований, в том

21 Kiyoshi Takenaka. Japan PM says TPP trade pact meaningless without U.S. November 22 2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-japan-tpp-abe-idUSKBN13G2IK> (Accessed: 15.08.2017)

числе в весьма чувствительных для торговли между странами ЕС и Японией областях.

Однако Соглашение о либерализации торговли между Японией и ЕС весьма знаменательно после выхода США из ТТП, в рамках переговоров о котором страны прошли весьма сложный путь, и особенно на фоне заключения в 2016 г. Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения ЕС и Канады (входит в НАФТА и ТТП); притом что ТАТИП остается в подвешенном состоянии, а дальнейшие переговоры осложняются процессом выхода Великобритании из ЕС.

Что же касается китайского вектора, то в программе республиканцев четко была отражена обеспокоенность масштабами китайского импорта; тем, что Китай проводит «политику валютного манипулирования, не допускает американские товары в систему государственных закупок продукции и продолжает субсидировать китайские компании» (Republican..., 2016).

Действительно, ежегодный объем китайского товарного импорта в США достиг в 2016 г. 465 млрд долл., а торговый дефицит с Китаем – 350 млрд долл., или 46% общего дефицита в торговле США товарами²². При оценке перспектив развития американо-китайских отношений не стоит также забывать и о стремительном росте инвестиций в США, в том числе прямых²³. В 2016 г. прямые китайские инвестиции в США увеличились на 9,4% (для всех стран этот показатель был 5,6%)²⁴.

Особо следует отметить финансирование Китаем государственного долга США

(Morrison, Labonte, 2013, p.1–2). Общий объем облигаций Казначейства США, которым владели иностранные инвесторы к началу 2017 г., достиг 6,28 трлн долл., что составило около трети всего федерального долга. При этом на Китай приходилось около 1,09 трлн долл²⁵.

Реализация намерений Д. Трампа по ограничению импорта, по состоянию на июль 2017 г., в отличие от обещанных «45% тарифов» на китайский импорт, принимает иные очертания. Поручение президента Д. Трампа (апрель 2017 г.) о расследовании импорта стали, алюминия в контексте национальной безопасности, согласно Закону о торговле 1962 г. (Section 232 (b) of the Trade Expansion Act of 1962), формально не направлено против импорта из Китая. В сообщении Белого дома приводятся данные, согласно которым в 2016 г. импорт алюминия возрос на 18%, а его производство американскими производителями снизилось на 47%, при этом из 8 заводов по выпуску этой продукции в 2016 г. были закрыты или существенно сократили объемы. Следуя новой тактике, упор делается на оценку влияния на безопасность импорта продукции, а не страны ее происхождения. После расследования Министерством торговли (на которое отводится до 270 дней) под угрозой введения ограничений могут оказаться поставки не только из Китая, но также из других стран, в том числе из Канады, Мексики, Германии, Южной Кореи, Японии и др.²⁶.

Происходящие трансформации на национальном, региональном, глобальном уровнях, усиление политического фактора

22 Survey of Current Business. July 2017.

23 He Amy Chinese investment in US grows. China Daily USA. April 10, 2013.

24 Survey of Current Business. July 2017.

25 Who owns U.S. National Debt? June 17 2017. URL: <https://www.thebalance.com/who-owns-the-u-s-national-debt-3306124> (Accessed: 01.08.2017)

26 Bown C.P., Cimino-Isaacs C., Kolb M. Will Trump Invoke National Security to Start a Trade War? Peterson Institute for International Economics. URL: <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/will-trump-invoke-national-security-start-trade-war> (Accessed: 18.08.2017). См. также: President Donald J. Trump Stands up for American-Made Aluminum. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/04/27/president-donald-j-trump-stands-american-made-aluminum> (Accessed: 18.08.2017)

в торгово-экономических отношениях меняют представления о центрах силы, ориентирах развития взаимодействия и, наряду с сопутствующими рисками, открывают новые возможности для корректировки условий и согласования позиций стран и их объединений.

Отмечая обострение конкуренции на мировых рынках, существенное укрепление положения Китая, ряда других стран, при оценке перспектив изменения позиций ведущих экономических держав необходимо учитывать, что, несмотря на снижение американской доли в мировом товарном экспорте, научно-технологический и экономический потенциал США позволяет им удерживать ключевые позиции в наиболее передовых секторах. Основой для внешнеэкономической экспансии на современном этапе является комплекс высокотехнологичных отраслей (коммерческие наукоемкие услуги, государственные наукоемкие услуги, высокотехнологичное производство), а их доля в американской экономике (около 40% ВВП) существенно превышает аналогичный показатель в среднем по странам ЕС, Японии (32% и 30% соответственно). В Китае этот показатель, несмотря на значительный рост, вдвое уступает американскому, особенно по услугам, так же как и в Индии, Бразилии, России (Лебедева, 2015).

Результаты перемен в политике США могут превзойти и ожидания, и представления о возможных рисках. Диапазон расхождений в интерпретации масштабных инициатив Д. Трампа очень широк и за пределами, и внутри страны. Но при всех различиях в подходах и оценках происходящих изменений не стоит забывать, что новая политика Вашингтона с весьма неоднозначными, в том числе и для самих США, последствиями дает импульс для «перезагрузки» мирохозяйственных свя-

зей, переосмысления глобализационных процессов. «Какой может быть правовая, политическая, экономическая основа нового миропорядка, которая обеспечила бы стабильность и безопасность, при этом поощряла бы здоровую конкуренцию, не допускала формирования новых монополий, блокирующих развитие? Вряд ли кто-то может дать сейчас абсолютно исчерпывающие, готовые рецепты. *Здесь требуется длительная работа при участии широкого круга государств, мирового бизнеса, гражданского общества...* (выделено Л.Л.)»²⁷.

Трансформация основ и принципов международных экономических отношений, интеграционных процессов на новом этапе глобализации находит выражение в том числе и в формировании трансконтинентальных партнерств, объединяющих от трети до более половины мирового ВВП, товарообмена, финансовых, трудовых ресурсов, что может привести к значительной перестройке мирохозяйственных связей.

Установка на «возрождение США», зачиту внутреннего рынка, американских производителей, на отказ от принятия или ратификации международных соглашений, которые могут ослабить страну, получившая отражение не только в обещаниях Д. Трампа, но и в Программе республиканской партии (Republican, 2016), не означает отказа США от глобального лидерства. Речь идет об изменении форм, методов, подходов, инструментов укрепления влияния; на отдельных этапах – об очередности приоритетов. Стратегия укрепления американского лидерства на принципах «мир с позиции силы» остается и получает дополнительное финансовое обеспечение, о чем свидетельствует беспрецедентный

27 Владимир Путин. Выступление на заседании «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?». (24 октября 2014 г.) Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (Дата обращения: 15.08.2017)

рост военных расходов согласно проекту федерального бюджета на 2018 ф.г. (до 639 млрд долл., в 2018 ф.г., в сравнении с 587 млрд долл. в 2017 ф.г.)²⁸.

Отказ США от ТТП и переход, таким образом, к другому формату взаимоотношений в регионе, безусловно, дает новые преимущества интеграционным проектам с лидирующей ролью Китая и в определенной мере способствует углублению взаимодействия между Россией и Китаем, усилению координации их действий в целях продвижения мировой стабильности. Но возможность вступления в силу торговых-экономических мегасоглашений, как тех, по которым идут переговоры, так и возможно новых, не стоит сбрасывать со счетов. Снижение торговых барьеров и достижение иных договоренностей в рамках таких соглашений могут существенно затруднить доступ товаров и услуг из третьих стран, в том числе и России, и способствовать их вытеснению с рынков новых объединений.

В России, как и в других странах, в рамках интеграционных объединений идет поиск новых форматов торгово-экономического взаимодействия. Внешне-экономическая политика Вашингтона опосредованно дает импульс сотрудничеству со странами, которые оказались перед новым выбором. Активизация взаимодействия России и других стран-участниц в рамках ЕАЭС, ШОС, БРИКС, мегапроекта «Один пояс, один путь» сопровождается дальнейшим расширением торгово-экономических связей России с АСЕАН, другими объединениями; двусторонних отношений, в том числе с Китаем.

Приоритетным направлением российско-китайского сотрудничества оста-

ется энергетика; продолжается работа над высокотехнологичными совместными проектами; рост товарооборота. С 2000 г. доля Китая в российском экспорте возросла с 5,1% до 8,3%, а в российском импорте – с 2,8% до 19,1% (2015)²⁹. По данным китайской стороны, товарооборот между Китаем и Россией в первые 5 месяцев 2017 года увеличился в сравнении с аналогичным периодом прошлого года на 33,7 процента³⁰. Отмечая эти безусловные достижения, в ходе выработки дальнейшей политики на этом направлении стоит обратить внимание на структуру российско-китайского товарообмена: превалирование в российском экспорте в Китай минеральных продуктов (67%, 2016 г.) и растущую зависимость от китайского импорта продукции машиностроения (на которую приходится уже 59% российского импорта из Китая)³¹.

В этой связи в России актуализируется задача согласования внутриэкономической политики и внешнеэкономической стратегии, развития торгово-экономического взаимодействия с другими странами на двусторонней и многосторонней основах. Эта задача усложняется тем, что Россия интегрировалась в мировое хозяйство преимущественно благодаря экспорту сырьевых ресурсов, и финансовая устойчивость российской экономики во многом находится под воздействием волатильности, обусловленной колебаниями цен и/или спросом на природные ресурсы. А сегодня долгосрочное укрепление позиций на мировых рынках требует повышения национальной конкурентоспособности на базе инноваций; осуществления комплекса мер научно-технической, промышленной, торговой политики в их

28 America First: A Budget Blueprint to Make America Great Again. URL: <https://www.govinfo.gov/features/FY2018-Budget-Blueprint> (Accessed: 15.08.2017)

29 Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2016. С. 629

30 Товарооборот между Китаем и Россией в первые 5 месяцев 2017 года вырос на 33,7 процента. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0706/c31518-9237704.html> (Дата обращения: 15.08.2017)

31 Russian Trade with China in 2016. URL: <http://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/russian-trade-with-china-in-2016/> (Accessed: 15.08.2017)

взаимосвязи, создания условий для коммерциализации результатов исследований и разработок. При этом речь идет не только о высоких технологиях, но и об инновациях в секторе низкотехнологичных производств и услуг, составляющих большую часть российской экономики; об устранении значительного разрыва между имеющимися разработками и степенью их использования – патентованием, производственным освоением, экспортом высокотехнологической продукции и технологий.

Экономическое развитие, позиции России в мировом хозяйстве не только в кратко-, но и в долгосрочной перспективе неразрывно связаны с национальными природными ресурсами. Однако снижение зависимости от внешних рисков требует более эффективного использования других составляющих экономического потенциала страны – человеческого капитала, производственного, технологического; институтов управления, в том числе сырьевыми доходами; а также поддержки секторов, которые в меньшей степени связаны с добывающей отраслью и в большей ориентированы на инновации.

Список литературы

Антипин С.А., Лебедева Л.Ф., Чжан Д. Юн. (2015). Прямые иностранные инвестиции в обрабатывающей промышленности США. *Международная торговля и торговая политика*, 3(3). 52–65.

Бирюкова О.В. (2015). Азиатско-Тихоокеанский регионализм набирает обороты. *Международная экономика*, (1). 9–13.

Емельянов С.В., Чудинова К.О. (2016). Роль США и Японии в Транстихоокеанском партнерстве. *Международная торговля и торговая политика*, 1 (5). 46–54.

Звонова Е.А., Кузнецов А.В. (2016). Трансатлантическое партнерство и безопасность России. *США – Канада: ЭПК*, (3). 19–34.

Кадочников П.А., Флегонтова Т.А. (2014). Перспективы и противоре-

чия переговоров по созданию Транс-Тихоокеанского Партнерства. *Российский внешнеэкономический вестник*, (9). 21–30.

Лебедева Л.Ф. (2015). Позиции США в международной торговле на новом этапе глобальной конкуренции. *Международная торговля и торговая политика*, 1(1). 6–18.

Хасбулатов Р.И. (ред.). (2015). *Позиции России на новом этапе международной интеграции*. М.: Ваш формат. 209.

Шишкин А.В. (ред.). (2017). *Международная торговля: вчера, сегодня, завтра. Коллективная монография*. М.: Издательство РУСАЙНС. 234.

Fergusson I.F. (2015). *The Trans-Pacific Partnership (TPP) Negotiations and Issues for Congress*. Washington: Congressional Research Service. 56.

Petri P., Plummer M. (2016). *The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 33.

Republican Platform 2016. (2016). 66 p. URL: [https://prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL\[1\]-ben_1468872234.pdf](https://prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL[1]-ben_1468872234.pdf)

Morrison W.M., Labonte M. (2013). China's Holdings of US Securities. Washington: CRS. 22. URL: <https://fas.org/spp/crs/row/RL34314.pdf> (Accessed: 18.08.2007)

World Investment Report 2016. Investor Nationality: Policy Challenges. (2016). Geneva: UNCTAD. 232.

References

Antipin S.A., Lebedeva L.F., Zhang D. Yoon. (2015). Foreign Direct Investment in US Manufacturing. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 3(3). 52–65.

Biryukova O.V. (2015). Asian-Pacific Regionalism gets reolves. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, (1). 9–13.

Emel'yanov S.V., Chudinova K.O. (2016). The role of US and Japan in Trans Pacific Partnership. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 1 (5). 46–54.

Fergusson I.F. (2015). *The Trans-Pacific Partnership (TPP) Negotiations and Issues for Congress*. Washington: Congressional Research Service. 56.

Kadochnikov P.A., Flegontova T.A. (2014). Prospects and contradictions in the Trans Pacific Partnership Negotiations. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, (9). 21–30.

Khasbulatov R.I. (ed.). (2015). *The position of Russia at the new stage of international integration*. Moskva: Vash format. 209.

Lebedeva L.F. (2015). US International Trade Position at the New Stage of Global Competition. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 1(1). 6–18.

Morrison W.M., Labonte M. (2013). China's Holdings of US Securities. Washington: CRS. 22. URL: <https://fas.org/sfp/crs/row/RL34314.pdf> (Accessed: 18.08.2007)

Petri P., Plummer M. (2016). *The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 33.

Republican Platform 2016. (2016). 66 p. URL: [https://prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL\[1\]-ben_1468872234.pdf](https://prod-cdn-static.gop.com/media/documents/DRAFT_12_FINAL[1]-ben_1468872234.pdf)

Shishkin A.V. (ed.). (2017). *International Trade: yesterday, today, tomorrow*. Moskva: Izdatel'stvo RUSAINS. 234.

World Investment Report 2016. Investor Nationality: Policy Challenges. (2016). Geneva: UNCTAD. 232.

Zvonova E.A., Kuznetsov A.V. (2016). Trans Pacific Partnership and the security of Russia. *SShA-Kanada:EPK*, (3). 19–34.

Информация об авторе

Людмила Федоровна Лебедева, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады Российской академии наук

123995, Российская Федерация, Москва, Хлебный пер., 2/3
Liunic@yandex.ru
ORCID : 0000-0002-4464-2916

About the Author

Liudmila F. Lebedeva, Doctor of Economics, Professor, Head of Center for Social and Economic Research and Projects of Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences

Khlebny per. 2/3, Moscow, Russian Federation, 123995
Liunic@yandex.ru
ORCID : 0000-0002-4464-2916

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85

Ирина Павловна ЦАПЕНКО

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
tsapenko@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6065-790X

Регионализация миграционных процессов

АННОТАЦИЯ. Регионализация миграции – далеко не новый феномен, развивающийся одновременно с ее глобализацией. На глобализацию миграции, движимую усилением миграционной взаимозависимости трудонедостаточных и трудоизбыточных территорий, указывает рост количества стран, включенных в обмен населением, и численности международных конструкций глобального управления миграцией и др. В то же время уровень либерализации миграционных потоков существенно ниже, чем торговых и финансовых. Снижается территориальная мобильность населения, возможно сигнализируя о затухании глобализации миграции. Обострившиеся противоречия между странами исхода и приема мигрантов сдерживают развитие глобального управления миграцией. Напротив, в последние десятилетия регионализация миграции заметно усиливается. Она отражается в росте людских передвижений на территориях глобального Севера и в еще большей мере в ареалах Юга, где уже проживает больше, чем в развитых регионах мира, мигрантов из развивающихся регионов. Укрупнение региональных потоков ведет к появлению на Севере крупных доноров мигрантов, а на Юге – их круп-

ных реципиентов и повышение значимости последствий эмиграции для отдающих население государств Севера, а также эффектов иммиграции для принимающих стран Юга. В условиях низкой эффективности односторонних мер управления миграцией и отсутствия глобального партнерства в этой области все более важную роль приобретает субглобальный уровень регулирования. Сотрудничество заинтересованных стран в данной области осуществляется как в формальном формате в рамках интеграционных организаций, так и неформально в ходе регионального консультативного процесса. Нормы, регулирующие вопросы миграции, все шире включаются в региональные многосторонние соглашения. Наиболее развитую региональную систему управления миграцией имеет ЕС, за которым с большим отрывом следуют МЕРКОСУР, ЕАЭС и АСЕАН. Хотя региональный консультативный процесс не имеет обязательной силы для стран-участниц, он способствует превращению согласования де-факто в регулирование де-юре. Учитывая неизбежные препятствия на пути территориального расширения региональных союзов и тем более создания по их образцу глобальных объединений, регулирова-

ние миграции на региональном уровне будет и в будущем оставаться неотъемлемым элементом архитектуры глобально-го управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, регионализация, глобализация, региональное управление миграцией, интеграционные организации, региональные соглашения по вопросам миграции, региональный консультативный процесс

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85

Irina Pavlovna TSAPENKO

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

tsapenko@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6065-790X

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цапенко И.П. (2017). Регионализация миграционных процессов. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (4). 70-85. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира».

Regionalization of Migration

ABSTRACT. Regionalization of migration is not a new phenomenon, which is developing alongside its globalization. The globalization of migration driven by the increased migration interdependence between labor-surplus and labor-shortage countries, is manifested in the growth of the number of countries participating in the population exchange and the number of international migrants, foundation of the support framework of the global migration governance, etc. At the same time, the level of liberalization of migration flows is significantly lower than that of commercial and financial flows. The territorial mobility is reducing, that may be seen as a symptom of the attenuation of globalization of people's movements. The aggravation of contradictions between sending and receiving countries hinders the development of global migration governance. In contrast the regionalization of migration has

been increasing markedly over the previous decades. It is being revealed in the growth of people's movements on the territories of the global North and even more in areas of the South which house more migrants from the developing regions of the world than the North. The enlargement of regional flows leads to the emergence of the major donors of migrants in the North and major recipients of migrants in the South as well as enhances the relevance of the consequences of emigration for the sending countries in the North and the effects of immigration for the receiving countries in the South. The low efficiency of unilateral measures of migration governance and the lack of global partnership in this field make increasingly important the regulation of population movements at the sub-global level. The cooperation between the countries concerned is being carried out both in a formal format within

the integration associations and by means of informal regional consultative process. The rules governing migration issues are being increasingly included into regional multilateral agreements. The most developed regional regulation system of migration is created have within the EU, followed with a wide margin by the MERCOSUR, EAEU and ASEAN. Although the regional consultative process is not binding for participating countries, it contributes to moving from de facto to de jure policy coherence in migration governance. Given the inevitable obstacles to the territorial expansion of such regional organizations and to the creation of global alliances modelled on them, regional migration regulation will remain an integral element of the architecture of the future global governance.

KEYWORDS: migration, regionalization, globalization, regional migration governance, integration organizations, regional agreements on migration, regional consultative process

FOR CITATION: Tsapenko I.P. (2017). Regionalization of Migration. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 70-85. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-70-85

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Subdivision of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macrorregions of the Modern World".*

Современную эпоху называют веком миграций, отмеченным глобализацией людских передвижений и их общественных последствий. Наибольший общественный резонанс, усиленный недавним миграционным кризисом, вызывает движение населения с глобального Юга на Север, несущее не только ресурсы, но и серьезные вызовы развитию как принимающих, так и отдающих обществ. Между тем за фасадом этого процесса скрываются серьезные сдвиги в географии людских потоков. В послед-

ние десятилетия заметно усиливается регионализация миграции, что, в свою очередь, обуславливает необходимость формирования соответствующих механизмов регулирования таких перемещений.

Теоретические подходы к анализу регионализации миграции

Регионализация миграции, или ориентация людских передвижений на тот же самый или близлежащие ареалы, – далеко не новый феномен, который еще в предыдущие столетия наблюдали и пытались объяснить исследователи миграции. Предтечей современных представлений о пространственных схемах мировых миграционных потоков являются сформулированные в XIX веке английским географом Э. Равенстајном «законы миграции». Отводя экономическим причинам определяющую роль в перемещениях населения, совершающихся главным образом из менее развитых в более развитые регионы, исследователь подмечал и существенное значение территориального фактора. Согласно выявленному ученым правилу, большинство мигрантов переезжает на короткие расстояния и интенсивность миграционных потоков между двумя географическими пунктами обратно пропорциональна расстоянию между ними. Эта закономерность проявляется и в современных условиях в массовых миграциях, осуществляющихся между странами, которые находятся в одном и том же или соседних макрорегионах. По оценкам Института МакКинзи, на их долю приходится более 60% всех передвижений (People on the Move..., 2016, p. 2). Примерами могут служить потоки из Восточной Европы в Западную, из Северной Африки в Южную Европу, из Мексики в США, между государствами Южной и Юго-Восточной Азии, в ареалах Ближнего востока и Северной Африки, на территории тропической Африки, СНГ и др. Их интенсивность можно объяснить

меньшими издержками переезда, равно как и возврата, более знакомыми и близкими к привычным условиям труда и жизни, облегчающими адаптацию и устройство на новом месте и т.д.

Выявлению пространственно-временных закономерностей миграции были посвящены и исследования американского географа В. Зелинского, разработавшего в прошлом веке модель мобильного перехода. Исследователь установил связь между переходом от одной стадии развития общества к другой и изменением форм, направлений, характера и интенсивности миграции. Отмечая тогдашний общемировой тренд к повышению территориальной подвижности населения, ученый прогнозировал его продолжение в будущем (что, как будет показано ниже, не подтверждается современным развитием миграционных процессов). В то же время, как верно полагал В. Зелинский, закономерно ослабление некоторых типов такой мобильности и распространение миграционных моделей более развитых обществ на менее развитые по мере прогресса последних (в частности, изменение соотношения между эмиграцией и иммиграцией в пользу входящих потоков).

Развивая эту концепцию и опираясь на теорию мировых систем И. Валлерстайна, английский социолог и экономист Р. Скледон предложил глобальную схему «регионализации миграции». Точнее, он выделил группы регионов с близким уровнем развития и сходными моделями миграции: страны «мирового ядра», или «мирового центра» с высокой иммиграцией; «околоядерные» зоны, сочетающие иммиграцию и эмиграцию; «трудовой фронтир», из которого идет трудовая эмиграция; «ресурсную нишу», где миграционные потоки пока не столь интенсивны. При этом между географически близкими, но разными по уровню развития странами складываются функциональные миграционные отношения. Хотя в нынешнем столетии произошли немалые изменения в направлениях миграционных потоков, сам принцип

миграционной классификации стран мира не утратил своей значимости.

Данная схема вписывается в современную теорию международных миграционных систем, разработанную А. Портесом, Д. Мэсси и др. Под международной миграционной системой понимается «группа стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи, которые являются результатом действия исторических, культурных, политических, экономических, демографических и политических факторов и приводят к структурным трансформациям в странах въезда и выезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость» (Ивахнюк, 2016, с. 29).

Предложенная концепция придает миграционным потокам географическое структурирование и объединяет их в миграционные системы. К числу таких главных миграционных кластеров относятся Североамериканский, Европейский, Ближневосточный, Азиатско-Тихоокеанский, Южноамериканский, Евразийский. На Африканском континенте также формируется целый ряд миграционных объединений. Названия этих систем по регионам мира даны по принципу нахождения в последних центров притяжения населения. Однако многие доноры мигрантов находятся и за пределами данных ареалов. Поэтому подобные совокупности стран бывают как сугубо региональными, сгруппированными на определенной территории, так и межрегиональными. В рамках крупных кластеров нередко существуют меньшие по масштабам системы. Кроме того, подобные структуры обычно имеют миграционные связи с другими, внешними для них странами и регионами, входящими в другие системы. Это делает их элементами общемировой миграционной системы. Таким образом, в теориях мобильного перехода и миграционных систем отражено одновременное развитие процессов и регионализации, и глобализации в сфере трансграничных миграций.

На глобализацию миграционных процессов указывает целый ряд общемировых тенденций. Усиливается миграционная взаимозависимость трудоизбыточных и трудонедостаточных стран, которая выступает в качестве главной закономерности развития миграционного движения, в первую очередь с глобального Юга, быстро нарастающего население, особенно его молодежную когорту в Африке, на Север, переживающий демографическое старение и вступающий в полосу депопуляции. Все большее число стран и территорий втягивается в миграционный оборот в качестве стран исхода, транзита или приема мигрантов, а нередко и одновременно в разных качествах. Умножается мировая численность международных мигрантов, то есть лиц, проживающих за пределами стран происхождения. По данным ООН, она возросла с 75 млн в 1965 г. до 244 млн в 2015 г., отражая стремительное увеличение населения мира. Формируется несущая конструкция глобального управления миграцией.

В то же время, как полагает М. Хазин, «глобализационная форма развития экономики уже исчерпала себя, на смену ей постепенно приходит регионализация, и этот процесс неизбежен»¹. Возможно, этот тезис справедлив в отношении торговых и финансовых потоков. Но в сфере миграции ситуация не столь однозначна. Глобализация миграционных процессов, предполагающая в конечном итоге открытость границ, весьма далека от своего апогея и, возможно, в будущем сделает новый виток.

В отличие от относительно беспрепятственного движения потоков товаров, капитала, технологий и информации в глобальных масштабах свобода передвижения людей реализуется лишь в рамках отдельных интеграционных объединений. Напротив, другие миграционные потоки наталкиваются на серьезные барьеры. Бо-

лее того, в условиях последней глобальной рецессии и недавнего миграционного кризиса развитые регионы мира еще более укрепили кордоны против выходцев из развивающихся регионов. Данные ограничения проистекают из разности, нередко противоположности интересов государств исхода и приема мигрантов, что приводит «к крайне неэффективному и иррациональному развитию миграции в мире, сопровождающемуся появлением огромной массы нелегитимных перемещений, криминализацией миграцией и маргинализацией больших групп мигрантов» (Римашевская, 2004, с. 291).

Показательно и то, что доля мигрантов среди населения планеты весьма невелика и за последние полвека повысилась всего с 2,3% до 3,3%. Более того, как показывают расчеты Института ЕС по изучению проблем безопасности, вопреки распространенным представлениям о росте территориальной мобильности населения, просматривается ее некоторое снижение, которое, возможно, сигнализирует о затухании глобализации. Число людей, поменявших одну страну проживания на другую в течение предыдущих пяти лет, сократилось с 41 млн. в 1995 г. до 36 млн. в 2015 г. А доля таких мигрантов среди населения планеты за этот период снизилась с 0,72 до 0,49% (Рисунок 1).

Подобные бреши и изъяны в глобализации миграции воспроизводятся в сфере ее глобального менеджмента. В отличие от сложившихся мировых систем управления торговыми и финансовыми потоками, осуществляемого соответственно ВТО и МВФ, правила, регулирующие трансграничную миграцию населения, в гораздо меньшей степени закреплены на глобальном уровне. В особенности это касается массовых передвижений рабочей силы. Не сложилась и целостная глобальная институциональная архитектура управления

1 Регионализация мировой экономики – неизбежный процесс: эксперт. REGNUM. 3 апреля 2015. URL: <https://regnum.ru/news/economy/1911917.html> (Дата обращения: 15.08.2017)

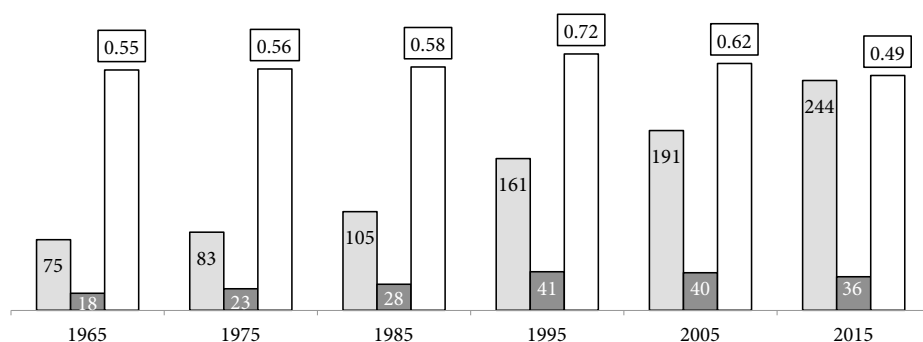
миграцией. Притом что помимо Международной организации по миграции (МОМ) на одном поле работают и другие организации ООН, подобное дублирование порой может вызывать конкуренцию между этими институтами и осложнять осуществление международных программ (Барановский, Иванова, 2015, с. 98–99).

Решению или сглаживанию остроты этих проблем может способствовать разворачивающаяся регионализация трансграничных передвижений населения, которая проецирует в сферу миграции формирование многополярного мира в геополитике и геоэкономике. Усиление неравномерности развития и обострение конкурентной борьбы на мировых рынках побуждает страны, имеющие общие или сход-

ные интересы и проблемы в сфере миграции и расположенные в географической близости друг от друга, к активизации миграционного взаимодействия, способствует умножению и поступательному развитию региональных миграционных систем. Сильный импульс нарастанию внутрирегиональных миграционных потоков дает обострение структурных дисбалансов на рынке рабочей силы. Причем на глобальном Юге, особенно в странах, находящихся в процессе демографического перехода и социально-экономической модернизации, эти проблемы нередко даже острее, чем на Севере². В ближайшие 20 лет дефицит работников средней квалификации в Индии, бедных странах Южной Азии, а также Тропической Африки превысит 40 млн, сосу-

Рисунок 1. Динамика международной миграции населения в 1965–2015 гг.

Figure 1. Dynamics of international migration of population, 1965–2015

□ Общая численность международных мигрантов, млн.

Overall number of international migrants, mln.

■ Численность лиц, сменивших страну проживания менее 5 лет назад, млн.

Numer of international migrants that have moved over the previous 5 years, mln.

□ Доля лиц, сменивших страну проживания менее 5 лет назад, среди населения мира

Share of international migrants that have moved over the previous 5 years, % of world populaion

Источник: (Parkes, 2017a, p.1)

2 Согласно данным исследования, проведенного Manpower Group в 2014 г., сложности с наймом востребованных работников испытывали 67% работодателей в Перу, 64% в Индии, 63% в Аргентине, Бразилии и Турции по сравнению с 12% в Великобритании и 21% во Франции (Manpower Group (2014). 2014 Talent Shortage Survey. URL: <http://www.manpowergroup.com/wps/wcm/connect/ec2b6e68-bc26-4e5a-8493-78a9b53c5ab8/2014+Talent+Shortage+Infographic-Final.pdf?MOD=AJPERES>). (Accessed: 17.08.2017)

ществова там с избытком малоквалифицированных работников в 58 млн (The World at Work..., 2012, p. 2), предвещающим массовую безработицу среди них.

Интенсификация регионального миграционного взаимодействия тесно связана с развитием региональных интеграционных структур, в рамках которых формируются трансграничные рынки труда и либерализуется движение рабочей силы. Учитывая, что, как пишут А. Беттс и его соавторы, многие блага, связанные с миграцией, являются клубными (особенно в том, что касается упорядочения передвижений малоквалифицированных работников и противодействия нелегальной миграции), для пользования ими заинтересованным государствам разумно группироваться в рамках региональных кооперационных объединений. Кроме того, субглобальный уровень таких отношений благоприятствует формированию более оперативных способов и более эффективных форм взаимодействия субъектов миграционной политики по сравнению с глобальным (Woods et al., 2013, p.14). Поэтому регионализация миграции побуждает заинтересованные государства к совместному регулированию миграционных потоков на соответствующем пространстве и созданию региональных инструментов управления ими.

Географические сдвиги в миграционных потоках

Наряду с расширением магистрали миграционного движения с Юга на Север нарастают потоки между развитыми государствами, а также между развивающи-

мися странами, что указывает на усиливающуюся регионализацию людских передвижений. Крупными донорами населения являются не только южные, но и северные ареалы планеты. Из 20 стран мира, имевших в 2015 г. наиболее многочисленные диаспоры, 6 находились в Европе и 1 в Америке. К числу этих стран относились Россия, Украина, Великобритания, Польша, Германия, Румыния и США (Рисунок 2). Высокой численностью экспатриантов также выделяются Италия, Португалия и Франция (более 2 млн), Канада и Албания (более 1 млн). А наиболее высокий уровень эмиграции среди населения старше 15 лет в развитой части мира демонстрируют Ирландия (21%) и Новая Зеландия (20%) (OECD, 2015, p.179).

Диаспоры стран Севера сосредоточены преимущественно в этом же ареале³ и, как правило, не создают серьезных проблем для принимающих обществ в отличие притока туда представителей иных цивилизаций, порождающих острые этнокультурные и социально-экономические противоречия. Региональной мобильности местных работников способствует предельное снижение миграционных барьеров между странами этой группы, вплоть до их полного устранения в рамках в ЕС.

Как показывает опыт Восточной Европы, эмиграция местных работников способствует снижению там уровня безработицы и повышению ставок заработной платы (OECD, 2016, p. 186). При этом отток трудовых ресурсов, вызывая сокращение их предложения, чреват обострением структурных диспропорций на рынке рабочей силы, как, например, в случае отъез-

В 2010–2011 гг. 37% выходцев из Германии старше 15 лет, выехавших оттуда менее 5 лет назад, проживали в Швейцарии, 17% – в Великобритании и 7% – в США (тогда как в общей численности эмигрантов из Германии эти долевые показатели составляли 7% в первых двух случаях и 30% в третьем). Среди недавних эмигрантов из Великобритании 37% приходилось на Францию, 25% – Испании и по 15% на Ирландию и Германию (тогда как 27% всех уроженцев этой страны проживало в Австралии, 20% – в США и 14% – в Канаде). Россия также демонстрировала ориентацию на Европу и СНГ: 29% всех эмигрантов проживало в Германии, 19% – Казахстане, 13% – Беларуси. Усиление европейского вектора наблюдается и в миграции из США, что, возможно, обусловлено возвратным характером значительной части таких потоков. 43% недавних эмигрантов из США приходилось на Великобританию, 28% – Францию (OECD, 2015, p. 210, 254, 256, 296).

да медперсонала. Усугубляет он и демографические проблемы стран исхода.

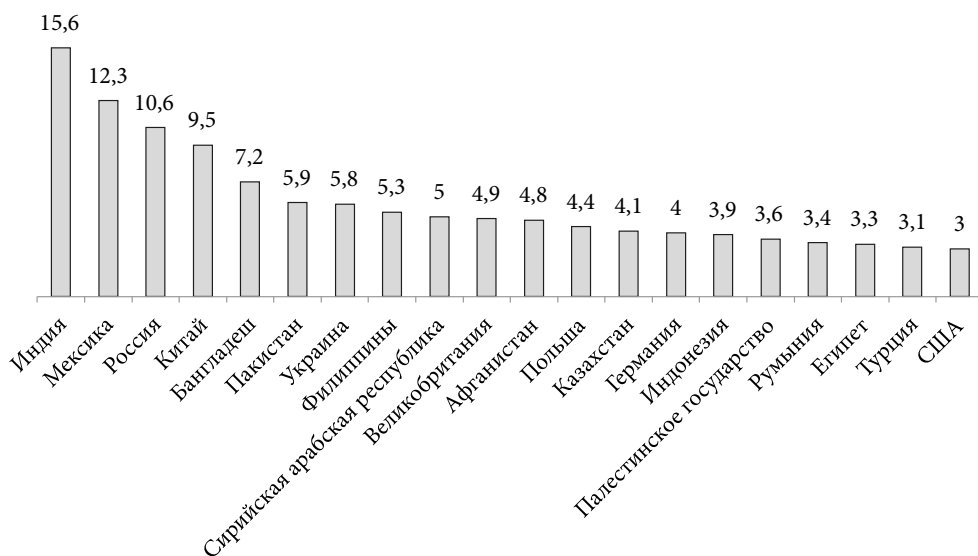
Поскольку мигранты с глобального Севера имеют более высокий уровень образования, нежели остающееся на родине население, и доля мигрантов с третичным образованием среди лиц старше 15 лет зачастую выше половины или приближается к ней, развитые государства сталкиваются с риском утечки умов, хотя и не столь высоким, как развивающиеся страны. Эта проблема остро стоит не только перед Ирландией и Новой Зеландией, где уровень эмиграции лиц с третичным образованием достигает соответственно 27% и 25%, но и Чехией, Венгрией, Австрией, Францией и Данией, где этот показатель примерно вдвое выше уровня эмиграции в целом (OECD, 2015, p. 179). Оттоку образованной и активной части населения сопутствует снижение конкурентоспособности

и качества государственного управления (IMF, 2016, p. 14, 20).

Наращение миграции между развивающимися странами не просто гораздо существеннее, чем на Севере, оно знаменует масштабный сдвиг в географии ее мировых потоков. Этот процесс обусловлен социально-экономическим прогрессом развивающихся стран, увеличением их роли в мировой экономике, активизацией народнохозяйственных связей между ними, быстрым ростом населения в Африке и многих странах Азии, обостряющим там проблему безработицы, особенно молодежной, усилением социально-политической нестабильности и др., накладывающимися на растущую закрытость государств Севера. В результате на глобальном Юге появляются новые ареалы людских передвижений и выделяется целый ряд крупных центров притяжения

Рисунок 2. Страны и территории с наибольшим числом эмигрантов, проживающих за рубежом, 2015 г., млн человек

Figure 2. Countries or areas with the largest number of international migrants living abroad, 2015, mln

Составлено по: UN (2015). International Migration Report 2015. ST/ESA/SER.A/384.

рабочей силы и других категорий населения (включая беженцев):

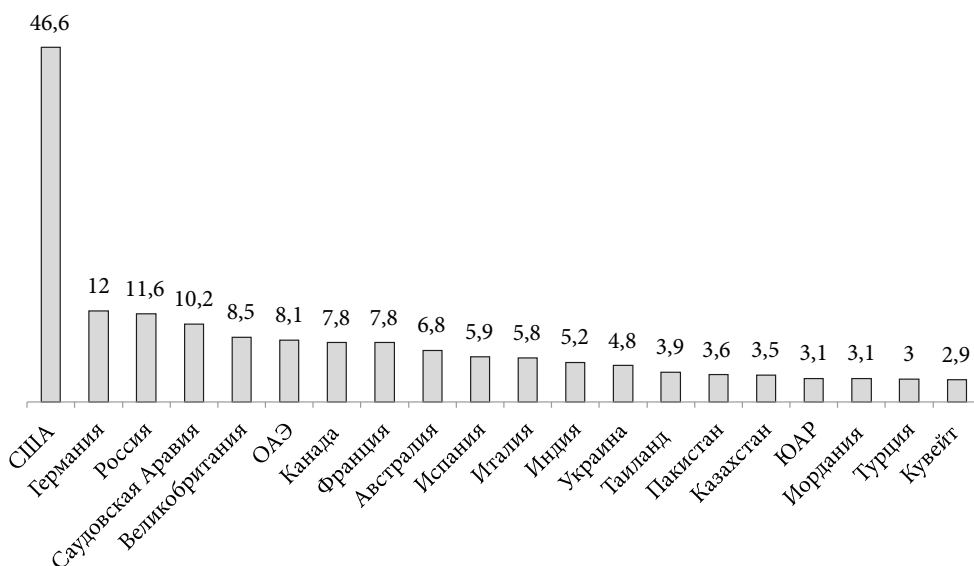
- нефтедобывающие страны Ближнего Востока и Персидского залива: Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Кувейт и Иран;
- страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), включая Индию, Таиланд, Пакистан, Гонконг, Иран, Сингапур и Малайзию;
- государства Латинской Америки, в первую очередь Аргентина, Венесуэла, Мексика, а также Бразилия и Чили;
- более богатые страны Африки к югу от Сахары, включая ЮАР, Нигерию, Кот-д'Ивуар.

В 2015 г. в число 20 крупнейших реципиентов мигрантов, наряду с США, Германией, Россией и другими странами Севера, входили также 9 азиатских стран и территорий и 1 африканская (Рисунок 3).

Хотя за последнюю четверть века когорта мигрантов больше всего увеличилась на Севере, в период 2010–2015 гг. годовой прирост численности мигрантов на Юге (2,9%), превзошел этот показатель на Севере (1,2%). Характерно, что в минувшие 25 лет повышение численности мигрантов в развивающихся странах происходило почти исключительно (на 99%) за счет уроженцев стран этой группы, тогда как на Севере – лишь на 24% за счет выходцев из развитых регионов мира⁴.

Рисунок 3. Страны с наибольшим числом иммигрантов, проживающих на их территории, 2015 г., млн человек

Figure 3. Countries with the largest stock of immigrants, 2015, mln

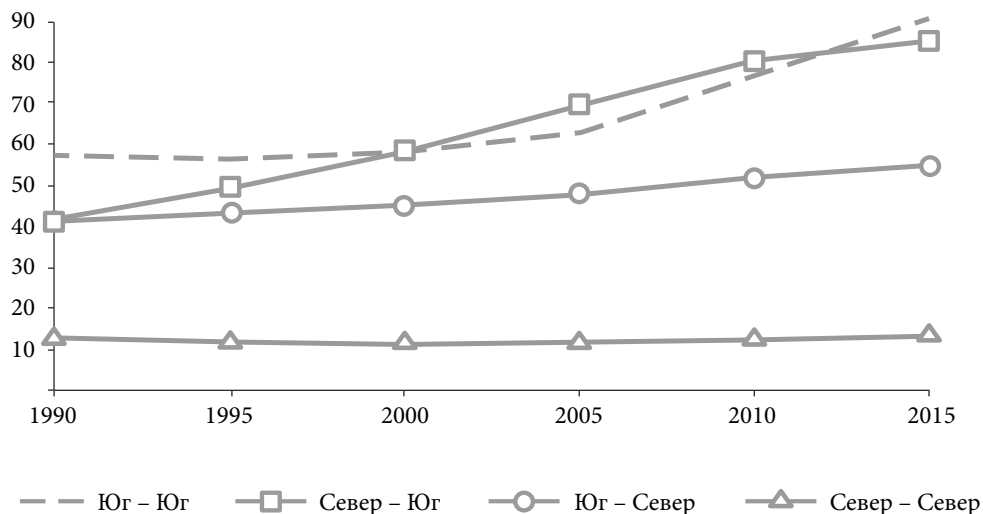

Составлено по: UN (2015). International Migration Report 2015. ST/ESA/SER.A/384.

4 UN (2016). Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015. P. 1–2.

Рисунок 4. Численность международных мигрантов по макрорегионам происхождения и назначения, 1990–2015 гг., млн

Figure 4. Stock of international migrants by major areas of origin and destination, 1990–2015, mln

Источник: UN (2016). Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015. P.2

Более того, недавние потоки (совершенные в течение предшествующих пяти лет) между странами Юга устойчиво обильнее, чем передвижения с Юга на Север. В 1965 г. они охватывали 5,1 и 4,7 млн., в 1995 г. – 16,3 и 14,6, в 2015 г. – 17,2 и 13 млн человек соответственно (Parkes, 2017a, p.1). В результате в 2015 г. на глобальном Юге проживало больше мигрантов из развивающихся стран (90,2 млн), чем на Севере (85,3 млн) (Рисунок 4).

Более интенсивная регионализация миграционных потоков на Юге, по сравнению с Севером, сказывается и в

составе мигрантов по странам исхода. Так, в 2015 г. 87% приезжих на глобальном Юге были уроженцами других развивающихся стран⁵. Более того, 87% мигрантов, проживавших в Африке, 82% в Азии, 66% в Латинской Америке и странах Карибского бассейна, происходили из других стран, расположенных на том же континенте. Напротив, лишь 39% мигрантов, проживавших на Севере, были родом из других развитых стран. В Европе доля выходцев из этого региона составляла 53%, тогда как в Австралии и Океании – всего 13%, а в Северной Америке – только 2%⁶.

5 UN (2016). Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015. P. 1–2.

6 Trends in international migration (2015). Population Facts No. 4. P. 1. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/populationfacts/docs/MigrationPopFacts20154.pdf> (Accessed: 10.07.2017)

Наиболее крупный и быстро расширяющийся миграционный ареал представляет Азия. Второй по динамике роста численности региональных мигрантов является Африка. При этом арабские страны отличаются самыми высокими в мире показателями доли иностранцев среди населения и работников, превышающими 70% в Кувейте, Катаре и ОАЭ.

Региональная мобильность способствует не только лучшему размещению трудовых ресурсов, но и адаптации экономики к асимметричному шоку, сглаживанию экономического цикла и снижению социальных издержек экономических кризисов. Денежные переводы эмигрантов выполняют позитивную социально-экономическую роль в странах исхода. Однако эффекты так называемых социальных переводов, в ходе которых осуществляется трансляция зарубежных моделей социального, в частности демографического, и политического поведения, неоднозначны. Нередко миграция в соседние страны служит трамплином к последующему переезду на Север более образованных когорт, однако чаще она бывает возвратной и тогда несет меньше потерь в интеллектуальных ресурсах.

Социально-экономические эффекты иммиграции выходцев с глобального Юга в развивающиеся страны еще противоречивее, чем в страны развитые. Массовые потоки беженцев ложатся там тяжким бременем на социальную инфраструктуру и создают антропогенную нагрузку. Поскольку в структуре потоков в развивающиеся страны существенно больше доля малообразованных когорт, которые вступают в конкуренцию с огромной армией местных работников той же квалификационной группы, вызываемые иммиграцией проблемы на рынке труда там стоят гораздо острее. Это обуславливает особую потребность развивающихся стран в региональных механизмах миграционного регулирования.

Региональные инструменты управления миграционными процессами

Усиление миграционной взаимозависимости государств, значимость миграции для устойчивого развития, общность многих порождаемых ей проблем и неэффективность односторонних мер миграционной политики в отсутствие ее полноценной глобальной системы способствуют возрастанию роли региональных инструментов управления в этой сфере. Выделяются два типа регионального взаимодействия: формальные практики региональных экономических сообществ и неформальный региональный консультативный процесс.

Управление трудовой миграцией в рамках формальных региональных организаций различается шириной охвата миграционных вопросов и степенью имплементации правовых норм. МОТ выделяет четыре основных направления регулирования в этой области (Таблица 1), к которым можно добавить совместный контроль внешних границ, противодействие нелегальной миграции и интеграцию приезжих, осуществляемые, в частности, в ЕС. К числу крупных союзов с безвизовым режимом миграции следует также отнести и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 г., в работе которого целесообразно учитывать накопленный другими подобными организациями опыт регионального регулирования миграции.

Хотя людские передвижения между странами региона, как правило, предшествуют формированию их объединений, регулирование трудовой миграции нередко является второстепенным вопросом в деятельности последних (например, СЕН-САД, САМ и СААРК) и осуществляется на более поздних этапах интеграции. Тем не менее нормы, регулирующие сферу труда, все шире включаются в региональные соглашения: чтобы обес-

печить свободу передвижения работников, ее требуется подкрепить наделением мигрантов необходимыми социальными правами.

Между государствами – членами ЕС, АСЕАН, КАРИКОМ, МЕРКОСУР, ЭКОВАС заключены одобренные МОТ соглашения и декларации по вопросам социального страхования мигрантов. Кроме того, члены этих и ряда других организаций (АСН,

ВАС, КОМЕСА, САДК) подписали региональные документы по вопросам, касающимся упрощения процедуры оформления въездных документов для мигрантов из стран-участниц, их безвизового перемещения, обеспечения их доступа на рынок труда и т.п.

Дальше всего продвинулся в разработке и реализации совместной миграционной политики ЕС, созданный еще

Таблица 1. Основные виды регулирования трудовой миграции на региональном уровне
Table 1. Main types of regional governance of labour migration

Вид регионального регулирования трудовой миграции	Введенное и действующее регулирование	Вводимое регулирование	Принятие принципов регулирования
Обеспечение свободы передвижения физических лиц, предполагающее постепенное устранение барьеров на его пути, включая предоставление права временного и постоянного проживания	ЕС, МЕРКОСУР	ЭКОВАС, ВАС	АС, КОМЕСА, АСН, ЭКОЦАС, ИГАД, УНАСУР
Обеспечение свободы передвижений определенных категорий работников		АСЕАН, ССАГПЗ	КАРИКОМ, САДК
Взаимодействие по визовым вопросам и осуществлению регулярного миграционного обмена		АТЭС	САМ, СЕН-САД
Защита прав мигрантов из субрегиона за его пределами			СААРК

Сокращения в таблице:

АС – Африканский союз (AU);
 АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN);
 АСН – Андское сообщество наций (CAN);
 АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (APEC);
 ВАС – Восточноафриканское сообщество (EAC);
 ИГАД – Межправительственная организация по развитию стран Африканского Рога (IGAD);
 КАРИКОМ – Карибское сообщество Caribbean Community (CARICOM);
 КОМЕСА – Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA);
 МЕРКОСУР – Южноамериканский общий рынок (MERCOSUR);
 СААРК – Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC);
 САДК – Сообщество развития Юга Африки (SADC);
 САМ – Союз арабского Магриба (AMU);
 СЕН-САД – Сообщество сахело-сахарских государств (CEN-SAD);
 ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (GCC);
 УНАСУР – Союз южноамериканских наций (UNASUR);
 ЭКОВАС – Экономическое сообщество западноафриканских государств (ECOWAS);
 ЭКОЦАС – Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ECCAS).

Составлено по: (ILO, 2017, p. 48).

в 1957 г. и интегрирующий 28 стран-членов. Существование института европейского гражданства обеспечивает свободу передвижения и равенство практически всех прав работников и других категорий местных жителей стран Союза. В отношении мигрантов из третьих стран проводится единая миграционная политика, которая базируется на Шенгенском кодексе о границах, Визовом кодексе, а также целой серии директив и других документов, регулирующих конкретные аспекты миграции⁷. Однако и в рамках ЕС существуют противоречия, резко обострившиеся в условиях недавнего миграционного кризиса, который поставил под удар существование Шенгенской зоны и жизнеспособность европейского интеграционного проекта в целом, спровоцировав Брекзит.

Примером довольно успешной поэтапной либерализации миграции служит и МЕРКОСУР, созданный в 1991 г. и включающий 5 государств Южной Америки. Трудовые мигранты из государств-участников уравниваются с местными работниками в правах и обязанностях в сфере социального страхования. Жители этих стран имеют право проживания и работы на территории организации за пределами государства происхождения в течение двух лет, причем, если эти мигранты докажут, что располагают законными средствами к существованию, то они могут там оставаться и дольше.

Согласно Декларации АСЕАН о защите и укреплении прав трудовых мигрантов 2007 г., члены этой организации, созданной в 1967 г. и объединяющей 10 стран Юго-Восточной Азии, обязуются содействовать обеспечению достойных условий жизни и труда мигрантов, защищать их права, осуществлять программы

реинтеграции мигрантов в странах происхождения, противодействовать нелегальной перевозке людей через общие границы, и др. С 2015 г. в АСЕАН действует свобода передвижения представителей 8 профессий квалифицированных работников. Кроме того, там разработана референтная таблица квалификаций, которая позволяет соотносить эти профессиональные характеристики, приобретенные в разных странах-участниках.

Зоны свободного перемещения населения формируются и в Африке. Межстрановой мобильности в ЭКОВАС, созданном в 1975 г. и насчитывающем 15 членов из числа государств Западной Африки, благоприятствует введение общих идентификационных документов и внедрение процедуры сканирования паспортов при прохождении пограничного контроля. Ведутся работы по гармонизации национальных законов в соответствии с международными стандартами и документами ЭКОВАС. В перспективе – стандартизация дипломов об образовании. Тем не менее свобода передвижения на территории этого объединения существует скорее де-факто, чем де-юре, скрывая, по сути, неспособность органов власти контролировать внутренние границы, не говоря уж об отсутствии должной охраны внешних границ, через которые идет транзит нелегальных мигрантов, наркоторговцев и т.п.

Продвижению в области регионального регулирования миграции в Африке препятствует отсутствие в большинстве стран континента адекватных гражданских регистров иностранцев. Лишь немногие из них располагают автоматизированными системами идентификации отпечатков пальцев. Крайне высока и

7 В ЕС действуют единые правила приема беженцев, воссоединяющихся членов семей, лиц, прибывающих для получения образования, проведения научных исследований, работы в качестве высококвалифицированных специалистов, сезонных работников и служащих ТНК; правила проживания постоянных иностранных жителей; единая процедура получения вида на жительство и разрешения на работу для легально проживающих мигрантов, не относящихся к числу постоянных жителей; предусматриваются санкции в отношении работодателей, нанимающих нелегальных мигрантов, и др.

стоимость денежных переводов мигрантов между африканскими странами, которая порой в 4 раза превышает тарифы на аналогичные операции между Европой и Африкой.

В отличие от других регионов мира, где число субрегиональных объединений невелико, в Африке, под «зонтом» АС действует 15 региональных организаций с пересекающимся членством входящих с них стран. Члены ЭКОВАС являются одновременно участниками еще пяти других группировок и используют свое членство в них как инструмент политического торга (Parkes, 2017b). Это осложняет интеграционный процесс на континенте и подрывает долгосрочные планы ЕС по объединению тамошних «шенгенских зон», подобно «смыкающимся кругам», в целях создания пулов рабочих мест для местных работников и ослабления миграционного давления на Европу.

Существуют территориальные различия в финансировании и ресурсах региональных сообществ. В Африке две трети бюджета таких организаций формируется за счет доноров. Зависимость проектов в сфере трудовой миграции от внешнего финансирования препятствует эффективному сотрудничеству государств и осуществлению этих проектов на уровне профильных министерств труда и внутренних дел в противоположность объединениям с достаточными финансовыми ресурсами, как, например, ЕС, АСЕАН, ССАГПЗ, МЕРКОСУР и СААРК, которые находятся на самообеспечении.

Деятельность интеграционных объединений дает дальнейшие импульсы региональной миграции, однако связь между этими процессами нелинейна. Наиболее высокая доля мигрантов из стран региона, остающихся на территории их интеграционного объединения, – 72% – характерна для государств СНГ, объединяемых не только безвизовым режимом перемещений их граждан, но и общностью исторического прошлого и т.п. Она составляет 50% для ЕС, 44 – ЭКОВАС, 32 – АСЕАН

и 24% – МЕРКОСУР. Однако в НАФТА данный показатель достигает 65% – за счет традиционных потоков из Мексики в США даже вопреки сдерживающим его мерам (Parkes, 2017a, p. 2).

Наряду с региональными объединениями образуется все больше неформальных региональных сетей, в рамках которых ведется диалог и обмен информацией в сфере миграции. Региональный консультативный процесс носит характер регулярных встреч, целенаправленно созываемых для обсуждения определенных миграционных вопросов и собирающих государства, объединяемые общностью интересов: преимущественно страны-доноры или страны-реципиенты. Этот процесс не носит обязательного характера и призван лишь способствовать распространению существующих правил и особенно хороших практик (Harns, 2013, p.16).

Примерами неформальных региональных инструментов могут служить Форум по труду мигрантов при АСЕАН и Миграционный диалог по Западной Африке при ЭКОВАС. Консультативный процесс, развивающийся в рамках региональных сообществ или параллельно им, обладает потенциалом перехода от согласования де-факто к регулированию де-юре и способствует заключению региональных соглашений по миграции (Harns, 2013, p. 90). Учитывая, что многие государства участвуют в нескольких таких процессах, взаимоналожение последних продуцирует риски дублирования деятельности и возникновения конфликта интересов, что требует усиления координации подобного взаимодействия.

Рост числа региональных объединений и их участников, расширение перечня обсуждаемых и регулируемых ими миграционных вопросов свидетельствуют о распространении режимов и практик согласованной многосторонности в миграционной сфере. В то же время, как показывает опыт ЕС, и особенно СНГ, значительные различия в уровнях развития входящих в интеграционные объедине-

ния государств, противоречия в их интересах осложняют нормальное функционирование таких союзов и создают препятствия на пути их дальнейшего территориального расширения и тем более создания по их образцу глобальных объединений. Это означает необходимость сохранения региональных звеньев, координируемых из единого центра, в будущей архитектуре глобального управления миграцией.

На фоне симптомов замедления глобализации миграции усиливается регионализация последней. Она проявляется в росте передвижений, концентрирующихся в ареалах глобального Севера и на территориях Юга. Этот процесс идет особенно интенсивно в развивающихся странах. В условиях низкой результативности односторонних мер управления миграцией и отсутствия ее полноценного глобального менеджмента все более важную роль приобретает субглобальный уровень сотрудничества заинтересованных стран в данной области. Развитие региональных механизмов регулирования миграции, происходящее в ответ на ее регионализацию, может способствовать повышению эффективности глобального управления людскими потоками.

Список литературы

Барановский В.Г., Иванова Н.И. (ред). (2015). *Глобальное управление: возможности и риски*. М.: ИМЭМО РАН. 315.

Ивахнюк И.В. (2016). Развитие миграционной теории в условиях глобализации. Часть 2. *Век глобализации*, (1–2). 26–43.

Римашевская Н.М. (ред.). (2004). *Население и глобализация*. М.: Наука. 322.

Harns Ch. (2013). Regional Inter-State Consultation Mechanisms on Migration: Approaches, Recent Activities and Implications for Global Governance of Migration. *IOM Migration Research Series*, (45). 134.

ILO. *Addressing governance challenges in a changing labour migration landscape*. (2017). Report IV. Geneva. 77. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_550269.pdf (Accessed: 10.08.2017)

IMF. *Emigration and its Economic Impact on Eastern Europe. Staff Discussion Note*. (2016). 48. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2016/sdn1607.pdf> (Accessed: 10.08.2017)

OECD. *Connecting with Emigrants: A Global Profile of Diasporas 2015*. (2015). Paris. 456.

OECD. *Perspectives on Global Development 2017. International Migration in a Shifting World*. (2016). Paris. 275. DOI:10.1787/persp_glob_dev-2017-en

Parkes R. (2016). People on the move: the new global (dis)order. *Chaillot Paper*, (138). 72. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Chaillot_Paper_138.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Parkes R. (2017b). Out of (and inside) Africa: migration routes and their impacts. *Brief*, (12). 4. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_12_Africa_migration.pdf (Accessed: 15.08.2017)

Parkes R. (2017a). Global migration: getting the trends right. *Security Monthly Stats*, (2). 3. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/SMS_2_Migration_0.pdf (Accessed: 15.08.2017)

People on the Move: Global Migration's Impact and Opportunity (2016). McKinsey Global Institute. 124. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/global-migrations-impact-and-opportunity> (Accessed: 17.08.2017)

The World at Work: Jobs, Pay, and Skills for 3.5 Billion People. (2012). McKinsey Global Institute 91. URL: http://www.mckinsey.com/insights/employment_and_growth/the_world_at_work (Accessed: 17.08.2017)

Woods N. [et al.]. (2013). *Transforming Global Governance for the 21st Century. Human Development Report Office Occasional Paper*. 21. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/transforming-global-governance-21st-century> (Accessed: 15.08.2017)

References

- Baranovskii V.G., Ivanova N.I. (eds.). (2015). *Global Governance: possibilities and Risks* Moskva: IMEMO RAN. 315
- Harns Ch. (2013). Regional Inter-State Consultation Mechanisms on Migration: Approaches, Recent Activities and Implications for Global Governance of Migration. *IOM Migration Research Series*, (45). 134.
- ILO. *Addressing governance challenges in a changing labour migration landscape*. (2017). Report IV. Geneva. 77. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_550269.pdf (Accessed: 10.08.2017)
- IMF. *Emigration and its Economic Impact on Eastern Europe. Staff Discussion Note*. (2016). 48. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2016/sdn1607.pdf> (Accessed: 10.08.2017)
- Ivakhnyuk I.V. (2016). Development of migration theory under globalization. Part 2. *Vek globalizatsii*, (1–2). 26–43.
- OECD. *Connecting with Emigrants: A Global Profile of Diasporas 2015*. (2015). Paris. 456.
- OECD. *Perspectives on Global Development 2017. International Migration in a Shifting World*. (2016). Paris. 275. DOI:10.1787/persp_glob_dev-2017-en
- Parkes R. (2016). People on the move: the new global (dis)order. *Chaillot Paper*, (138).
72. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Chaillot_Paper_138.pdf (Accessed: 15.08.2017)
- Parkes R. (2017b). Out of (and inside) Africa: migration routes and their impacts. *Brief*, (12). 4. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief_12_Africa_migration.pdf (Accessed: 15.08.2017)
- Parkes R. (2017a). Global migration: getting the trends right. *Security Monthly Stats*, (2). 3. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/SMS_2_Migration_0.pdf (Accessed: 15.08.2017)
- People on the Move: Global Migration's Impact and Opportunity* (2016). McKinsey Global Institute. 124. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/global-migrations-impact-and-opportunity> (Accessed: 17.08.2017)
- Rimashevskaya N.M. (ed.). (2004). *Population and Globalization*. Moskva: Nauka. 322
- The World at Work: Jobs, Pay, and Skills for 3.5 Billion People*. (2012). McKinsey Global Institute 91. URL: http://www.mckinsey.com/insights/employment_and-growth/the_world_at_work (Accessed: 17.08.2017)
- Woods N. [et al.]. (2013). *Transforming Global Governance for the 21st Century. Human Development Report Office Occasional Paper*. 21. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/transforming-global-governance-21st-century> (Accessed: 15.08.2017)

Информация об авторе

Ирина Павловна Цапенко, доктор экономических наук, заведующий сектором, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
tsapenko@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6065-790X

About the Author

Irina Pavlovna Tsapenko, Doctor of Economics, Head of a Sector, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
tsapenko@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6065-790X

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

Институт Латинской Америки Российской академии наук
Б. Ордынка ул., 21/16, Москва, 115035, Российская Федерация
Petrp.yakovlev@yandex.ru

Интеграция в Латинской Америке: центростремительные и центробежные тренды

АННОТАЦИЯ. *Латиноамериканские страны первыми в развивающемся мире встали на путь экономической интеграции. В регионе еще в начале 1960-х гг. были созданы интеграционные группировки, ставившие целью интенсификацию торговых связей между соседними государствами и укрепление их позиций в мировой экономике. В результате процесс интеграции уже около шести десятилетий трансформирует экономические системы Латинской Америки, в значительной степени определяет основные векторы развития внешнеторговых отношений, влияет на направления трансграничных инвестиционных потоков, способствует укреплению корпоративных связей и становлению различных форм производственной кооперации, стимулирует научно-техническое сотрудничество, «подталкивает» страны региона к более тесному политическому взаимодействию. При этом латиноамериканская интеграция предстает сложным и противоречивым явлением, ее история знала как периоды повышенной активности, так и длительные «паузы», движения вспять, попытки отдельных государств пересмотреть уже принятые правила игры, получить односторонние выгоды. В последние годы процесс интеграции в Латинской*

Америке приобретает новые черты и характеристики, возрастает его значение для социально-экономического будущего региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Латинская Америка, интеграция, «потерянное десятилетие», неолиберальные реформы, кризис, «золотое десятилетие», глобальная нестабильность, межамериканские отношения, открытый регионализм*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яковлев П.П. (2017). Интеграция в Латинской Америке: центростремительные и центробежные тренды. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 86-100. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира».

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

Petr P. YAKOVLEV

Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences
21/16, ul. B. Ordynka, Moscow, Russian Federation, 115035
Petrp.yakovlev@yandex.ru

Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends

ABSTRACT. *Latin American countries were the first in the developing world on the path of economic integration. In the region, back in the early 1960's were created the integration groupings, with the aim of strengthening trade ties between the neighboring States and their position in the world economy. As a result, the integration process has been going on for about six decades, transforming the economies of Latin America. Integration largely determines the main vectors of development of foreign trade relations, affects the direction of cross-border investment flows, strengthens corporate relationships and the emergence of various forms of production cooperation, stimulates scientific and technological cooperation, "pushes" the countries of the region towards closer political interaction. At the same time Latin American integration appears a complex and contradictory phenomenon, its history has known periods of high activity and long pauses, reversals, attempts by individual States to revise the rules of the game, receive unilateral benefits. In recent years, the integration process in Latin America acquires new features and characteristics, increasing its importance for the social and economic future of the region.*

KEYWORDS: *Latin America, integration, "lost decade", neo-liberal reforms, crisis, "golden decade", global instability, inter-American relations, open regionalism*

FOR CITATION: Yakovlev P.P. (2017). Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 86-100. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Subdivision Division of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macroeconomics of the Modern World".*

Одним из ключевых факторов, определяющих положение Латинской Америки в глобальной экономике, является уровень региональной торгово-экономической интеграции, а также плотность и глубина внутрирегиональных производственных, технологических и финансовых связей, наличие (или отсутствие) единого хозяйственного пространства. В настоящее время на базе накопленного опыта и в сложных макроэкономических региональных и глобальных условиях в Латинской Америке разворачивается очередной этап объединительных процессов, отмеченный целым рядом новых явлений и факторов, не в последнюю очередь связанных с внешнеэкономической политикой администрации Дональда Трампа.

Регион включается в интеграционные процессы

Старт развитию латиноамериканской интеграции был дан в 1960 г. с учреждением Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (Asociación Latinoamericana de Libre Comercio – ALALC) и Центральноамериканского общего рынка (Mercado Común Centroamericano, МССА). В первое объединение вошли десять южноамериканских стран и Мексика, во второе – пять центральноамериканских республик. С того момента и до сегодняшнего дня в Латинской Америке возникло 26 различных межгосударственных организаций, ставивших целью интенсификацию торговых обменов, сопряжение экономических усилий латиноамериканских стран и их политико-дипломатическое сближение (Los desafíos, 2014, p. 65). Развитие интеграции должно было вызвать кумулятивный эффект: через наращивание внутрирегионального сотрудничества обеспечить ускорение хозяйственного роста и модернизацию национальных производственных структур.

Создание ALALC и МССА, а затем – Карибского сообщества (Comunidad del Caribe – CARICOM) и Андской группы (Grupo Andino, GRAN) привело к значительному снижению таможенных барьеров (в среднем с 40 до 10%) и на первоначальном этапе способствовало ощутимому росту взаимной торговли. В период

1960–1980 гг. внутрирегиональный товарный экспорт латиноамериканских стран вырос в 19,5 раза, а его удельный вес в совокупных экспортных поставках государств региона увеличился почти вдвое: с 8,8% до 16,6% (Таблица 1).

Результаты могли быть более весомыми, но в ходе развития объединительного процесса отчетливо проявились своего рода «родимые пятна» латиноамериканской интеграции, прежде всего неистребимое стремление многочисленных представителей местных политических кругов и большинства предпринимателей защищать национальные рынки от внешней конкуренции, что явилось прямым следствием десятилетий политики хозяйственной автаркии и импортозамещения (Яковлев, 2016, с. 20–25). В итоге проводимые в рамках ALALC, МССА, CARICOM и GRAN переговоры о расширении списков товаров, облагаемых минимальными пошлинами, продвигались со скрипом. Зачастую в эти списки включались малозначимые изделия, тогда как действительно важные товары оставались за пределами соглашений, что со временем привело к торможению роста взаимного товарообмена и, по сути, дискредитировало саму идею интеграции в глазах той части бизнес-сообщества, которая выступала за свободу торговли.

«Черным периодом» интеграционных процессов стали 1980-е гг., так называемое «потерянное десятилетие» для стран реги-

Таблица 1. Товарный экспорт стран Латинской Америки (млрд долл.)

Показатель	1960	1970	1980
Весь экспорт	8,6	15,3	95,1
Внутрирегиональный экспорт	0,8	2,0	15,6
Доля внутрирегионального экспорта (%)	8,8	13,3	16,6

Источник: Integración Regional Latinoamericana. URL: <http://www.cepal.org/publicaciones/xml/5/4235/table1.gif> (Accessed 12.07.2017)

она, когда их экономики не смогли адаптироваться к менявшейся глобальной ситуации (в частности, к резкому падению цен на сырье) и «ныряли» из кризиса в кризис. В эти годы наблюдался откат взаимной торговли (в 1985 г. экспорт сократился на 38% по сравнению с уровнем 1981 г.), который был преодолен только в начале 1990-х гг., но и в 1991 г. удельный вес внутрирегионального товарного экспорта латиноамериканских стран в совокупных экспортных поставках составлял лишь 15,6%, то есть был ниже, чем в 1981 г. (Таблица 2).

След за «потерянным десятилетием» 1980-х пришли турбулентные 1990-е годы. По странам Латинской Америки прокатилась мощная неолиберальная волна. В хозяйственной сфере этот период ознаменовался жесткими рыночными реформами, открытием ранее плотно закрытых национальных экономик, отходом от проводившейся прежде политики импортозамещения, доминированием концепций и практик неолиберализма, попытками «изгнать» государство из экономической жизни и перекроить производственные структуры региона по лекалам «Вашингтонского консенсуса». Именно тогда регион стал интенсивно втягиваться в процессы глобализации (Kuczynski, Williamson, 2003).

Одновременно были предприняты шаги по развитию интеграции. Впавший

в спячку латиноамериканский регионализм в десятилетие 90-х заметно оживился. Ключевым событием явилось создание в 1991 г. Общего рынка стран Южной Америки (Mercado Común del Sur, Mercosur), объединившего Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. Другим знаковым событием стало подписание в декабре 1992 г. Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA)¹ с участием США, Канады и Мексики. Тем самым Вашингтон непосредственно включился в интеграционные процессы в Латинской Америке и «оттянул» на себя экономику одной из крупнейших стран региона.

Неолиберальный эксперимент в Латинской Америке закончился так же стремительно, как и начался. Уже в конце 1990-х гг. сопряжение негативных внешних (кризисные явления в Азии и России, очередное падение цен на сырье) и внутренних (грубые макроэкономические просчеты, финансовые потрясения) факторов подвело черту под политикой рыночных реформ, многие из которых оказались незавершенными и «застряли на середине пути».

Самым ярким проявлением провала рыночно ориентированной модели развития в ее латиноамериканской версии стал крупнейший в мировой истории ар-

Таблица 2. Товарный экспорт стран Латинской Америки (млрд долл.)

Показатель	1981	1985	1991
Весь экспорт	100,7	96,9	122,7
Внутрирегиональный экспорт	16,8	10,3	18,8
Доля внутрирегионального экспорта (%)	16,6	10,6	15,6

Источник: Integración Regional Latinoamericana. URL: <http://www.cepal.org/publicaciones/xml/5/4235/table1.gif> (Accessed 12.07.2017)

¹ North American Free Trade Agreement. URL: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/> (Accessed: 24.07.2017)

гентинский дефолт по суверенным долгам 2001 г., разделивший экономическую траекторию региона на «до» и «после» (Яковлев, 2010). Разразившийся кризис стал отрезвляющим моментом, заставил правящие круги и бизнес-сообщество большинства латиноамериканских стран пересмотреть многие догмы, отказаться от не оправдавших себя макроэкономических рецептов. Скажем жестче: неолиберальная модель «сломалась» на кризисе 2001–2002 гг. В Латинской Америке произошел почти тотальный пересмотр стратегической перспективы, начался поиск альтернативных вариантов подъема национальных экономик, новых схем региональной интеграционной архитектуры и отношений с окружающим миром.

Новые механизмы и драйверы интеграции

В период 2003–2013 гг., вошедших в экономическую историю Латинской Америки как «золотое десятилетие», или время «тучных коров», странам региона уда-

лось «оседлать» повышательный тренд мировых цен на сырье, энергоресурсы и продовольствие, придать импульс хозяйственному росту, ощутимо увеличить объем ВВП, промышленного производства и внешнеторгового оборота, сократить долговую нагрузку на экономику, существенно укрепить финансовое положение, нарастить прямые иностранные инвестиции (ПИИ), снизить безработицу и инфляцию. Иными словами, улучшились практически все ключевые макроэкономические показатели (Таблица 3).

Укрепление социально-экономического положения стало метаусловием новых межгосударственных взаимосвязей на региональном уровне, оказавших влияние на ход и содержание интеграционных процессов. В 2004 г. образовались две крупные региональные группировки: Сообщество южноамериканских наций, впоследствии преобразованное в Союз южноамериканских наций (Unión de las Naciones del Sur, Unasur) и Боливарианский союз для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los pueblos de Nuestra América, ALBA). Под эгидой Unasur объединились все 12

Таблица 3. Латинская Америка: динамика основных макроэкономических показателей

Показатель	2003	2005	2010	2013
ВВП (млрд долл.)	1926	2764	5031	6021
Экспорт (млрд долл.)	392	584	898	1099
Импорт (млрд долл.)	354	509	865	1100
Государственный долг (% ВВП)	57,0	42,4	29,8	32,3
Внешний долг (% ВВП)	39,9	24,6	19,8	21,0
Чистые ПИИ (млрд долл.)	39,8	57,7	110,4	142,1
Валютные резервы (млрд долл.)	198	262	656	830
Инфляция (%)	8,2	6,1	5,4	5,0
Безработица (%)	11,1	9,0	7,3	7,2

Источники: (Balance Preliminar, 2012, p. 51; Balance Preliminar, 2016, p. 95)

государств Южной Америки, а в состав ALBA, главную роль в которой играет Венесуэла, вошли Боливия, Куба, Никарагуа, Эквадор, Антигуа и Барбуда, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Гренада, Сент-Киттс и Невис. И, наконец, в 2011 г. возникло Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC), впервые в истории объединившее все 33 страны региона, но (в отличие от Организации американских государств) не включившее США и Канаду, а в 2012 г. был создан Тихоокеанский альянс (Alianza del Pacífico, AP) в составе Колумбии, Мексики, Перу и Чили.

Главной задачей названных инициатив было усиление взаимных торгово-экономических и финансовых скреп латиноамериканских стран. Вместе с тем отличительной чертой данного этапа явилось расширение повестки дня интеграции, включение в нее вопросов политического взаимодействия, налаживания сотрудничества в сферах обороны и безопасности.

В первые полтора десятилетия XXI в. одним из главных драйверов экономического роста и важным актором интеграционных процессов стали местные латиноамериканские ТНК, так называемые «мультилатинас», резко возросшая трансграничная активность которых в значительной степени изменила корпоративную карту региона (Santiso, 2011; Яковлев, 2013).

«Мультилатинас» в ряде отраслей стали теснить зарубежных конкурентов и встали на путь превращения в производственный и финансовый хребет латиноамериканской экономики, передовой отряд бизнеса, в значительной мере определяющий место региона в системе мирохозяйственных отношений, в том числе с помощью приобретения крупных активов не только в соседних республиках, но и в США, Канаде, европейских странах. Накопленные прямые зарубежные инвестиции латиноамериканских компаний, составившие в 1990 г. 52,1 млрд долл., в 2000 г.

достигли 104 млрд, а в 2013 г. превысили 647 млрд, т.е. за два с небольшим десятилетия увеличились в 12,4 раза (España..., 2015, p. 3).

При всех претензиях на глобальный характер своей деятельности основным пространством экспансии «мультилатинас» был и остается латиноамериканский регион. Для них это своего рода «ближнее зарубежье», наиболее понятный район с точки зрения ведения бизнеса, проведения эффективных (менее затратных) рекламных кампаний и налаживания тесных партнерских отношений. Расширяя свою деятельность в «родном» регионе, «мультилатинас» способствуют объединению латиноамериканских экономик не только по географическому принципу, но и на основе разветвленных корпоративных, торговых, финансовых и производственных связей в различных областях хозяйства. Они стали фактором растущей целостности региональной экономики, поскольку своей трансграничной предпринимательской деятельностью на практике стимулируют интеграцию ранее разрозненных национальных рынков в единый хозяйственный организм. В результате происходит изменение экономического контура Латинской Америки, создаются условия для развития более «глубоких» форматов интеграционного взаимодействия. Не менее существенно и то, что в результате укрепления позиций «мультилатинас» традиционные ТНК западных стран перестали быть безальтернативными финансово-экономическими игроками на латиноамериканском пространстве.

В эпицентре «идеального шторма»

Поступательное экономическое развитие государств региона было прервано в середине 2010-х гг. Сигналом неблагополучия в экономике большинства стран стало падение темпов прироста ВВП, от-

мечаемое с 2014 г., и ухудшение других макроэкономических показателей. Сократились инвестиции в основной капитал, обрушился объем чистых ПИИ, упал экспорт, возросла долговая нагрузка на экономику, стали расти потребительские цены, увеличилась безработица (Таблица 4).

Главной внутренней причиной кризисных явлений стало фактическое исчерпание ресурса тех моделей роста, которые сложились в регионе в начале текущего столетия. Эффектом «глобальной неожиданности» можно назвать круто изменившиеся внешние обстоятельства. В течение сравнительно короткого времени (полтора-два года) в неблагоприятную сторону трансформировались международные условия экономического развития латиноамериканских стран. Особенно негативно на Латинской Америке ска-

залось замедление прироста глобального ВВП, застой в мировой торговле, снижение цен на сырьевые и продовольственные товары. Характеризуя положение дел, сложившееся в регионе, главный экономист Межамериканского банка развития (МАБР) Хосе Хуан Руис заметил: «Праздник закончился, попутный ветер сменился встречным и перестал наполнять паруса латиноамериканской экономики» (Nuñez, 2014).

Сложное положение, в котором оказалась Латинская Америка, можно определить как эпицентр «идеального шторма». Этот фразеологизм используется в метафорическом смысле для описания ситуации, возникшей путем сопряжения ряда внутренних и внешних неблагоприятных эффектов (Яковлев, 2017, с. 59).

Кризисные явления, охватившие Латинскую Америку, не могли не сказаться

Таблица 4. Латинская Америка: изменение основных макроэкономических показателей (2016 г. – оценка)

Показатель	2013	2014	2015	2016
Прирост ВВП (%)	2,9	0,9	-0,5	-1,1
Прирост душевого ВВП (%)	1,7	-0,2	-1,6	-2,2
Экспорт (млрд долл.)	1099	1083	924	865
Импорт (млрд долл.)	1100	1106	985	880
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	21,3	20,8	19,4	18,4
Государственный долг (% ВВП)	32,3	33,6	36,5	37,9
Внешний долг (% ВВП)	30,2	32,6	34,9	36,4
Внешний долг (% экспорта)	102,6	113,2	133,5	150,4
Чистые ПИИ (млрд долл.)	142,1	142,4	134,8	0,6
Валютные резервы (млрд долл.)	830	857	811	829
Инфляция (%)	5,0	6,3	7,9	8,4
Безработица (%)	7,2	7,9	7,4	9,0

Источник: (Balance Preliminar, 2016, p. 95, 98)

на интеграционных процессах, акцентировали присущий их развитию противоречивый характер. С одной стороны, наблюдался ощутимый прогресс в развитии региональных центростремительных тенденций, происходило их наполнение конкретным содержанием. Но одновременно прошедшие годы показали, что интеграция – сложный процесс преодоления исторически сложившейся экономической и политической разобщенности латиноамериканских обществ, и в этом направлении было сделано далеко не все. Например, несмотря на многолетние интеграционные усилия, внутрорегиональная торговля стран Латинской Америки занимала в их совокупном внешнеторговом обороте всего 19,2%, тогда как так называемый интеграционный порог составляет не менее 25% (Зевин, 2016, с. 30). Заметим, что аналогичный показатель у членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Association of South East Asian Nations, ASEAN) достигал 49,8%, а для участников Евросоюза – 59,1%².

Отметим и тот момент, что в условиях растущей мировой нестабильности региональные торгово-экономические группировки были призваны играть все более значимую роль в глобальной экономике, обеспечивая «регионализацию глобализации» – адаптацию глобальных правил игры к специфическим потребностям и возможностям отдельных стран и регионов. Такой тренд становился знаменем времени, но в Латинской Америке он пробивал себе дорогу с большим трудом.

В регионе сложилась пестрая, мозаичная картина из значительного числа самых разных интеграционных образований. В агрегированном плане можно выделить три основные модели интеграции, различия между которыми определяются, главным образом, ролью государства и степенью готовности к откры-

тому хозяйственному взаимодействию с внешним миром (Яковлев, 2015, с. 15–17). Первая модель представлена NAFTA и AP, в известной мере продолжающими неолиберальный рыночный тренд в экономической стратегии. На противоположном фланге сформировалась вторая модель, олицетворяемая группировкой ALBA, объединяющей страны – противники неолиберализма и глобализации по правилам «Вашингтонского консенсуса». И, наконец, третья модель является собой промежуточный вариант интеграционного блока и материализовалась в MERCOSUR, члены которого в целом отошли от неолиберальных догм, но в большинстве случаев изначально не были склонны излишне политизировать процесс хозяйственного сближения.

Существующие различия разрывают торгово-экономическое и финансовое пространство Латинской Америки и не позволяют региону предстать на глобальном уровне в качестве консолидированного хозяйственного блока. В этом смысле создание Unasur и CELAC можно было рассматривать как попытки объединить интеграционные процессы, осуществить «интеграцию интеграций», но, поскольку объединительные процессы пошлы по разным маршрутам, эта цель до настоящего времени не достигнута.

Растущие надежды в Латинской Америке связывают с деятельностью AP, добившегося положительных институциональных сдвигов. По состоянию на начало 2017 г. страны – участницы этого объединения на паритетной основе отменили 92% таможенных пошлин и создали совместную фондовую биржу, ставшую крупнейшей в регионе по количеству компаний и совокупному объему их капитализации (BBVA, 2016). Вместе с тем в условиях тотального сокращения международной торговли членам AP не удалось

2 El comercio exterior en América Latina y el Caribe. 24 de noviembre de 2014. URL: <http://www.cepal.org/es/print/24966> (Accessed: 14.06.2017)

избежать падения взаимного товарообмена, но, что показательно, указанное сжатие не было столь же значительным, как уменьшение их общего товарооборота, а в ряде случаев отмечалось увеличение поставок. Это можно проиллюстрировать на примере экспорта Колумбии в Мексику, Перу и Чили.

В 2013–2016 гг. при глобальном сокращении колумбийского экспорта на 47% поставки в Перу снизились на 17%, а в Мексику – даже возросли на 8%. И только экспорт Колумбии в Чили обрушился на 57%. В целом же продажи колумбийских товаров на рынках партнеров по АР сократились на 28% и в 2016 г. составили около 9% общего объема экспорта этой страны (в 2013 г. – 6,3%). Однако дело не только в сравнительно скромных количественных показателях, но и в структуре колумбийского экспорта в государства Латинской Америки, который отмечен высоким содержанием промышленных товаров, включая высокотехнологичные. Например, на региональных рынках реализуется 74% пластмасс, 92% автомобилей, 87% химических продуктов, 85% фармацевтических товаров, 75% электрических машин и оборудования, 78% металлургической продукции, 99% удобрений и 88% других готовых изделий, экспортируемых колумбийскими предприятиями (ИТС). Похожая ситуация характерна и для экспорта большинства других стран. Иными словами, для латиноамериканских экспортеров промышленной продукции региональные рынки приобрели приоритетное значение.

Вялый рост (и даже сокращение) внутрирегиональной торговли – не единственный вызов латиноамериканской интеграции. Несмотря на многолетние и разнообразные интеграционные усилия (и не отрицая отдельных достижений), сегодня в Латинской Америке отчетливо просматривается не только центристский тренд, но и контртренд, направленный на политическое и эконо-

мическое разделение региона и, по меткому выражению аргентинского политолога Хуана Мануэля Карга, ведущий «к параличу интеграционных объединений...» (Карг, 2016, с. 5). Как иначе можно трактовать требования исключить (по политическим мотивам) Венесуэлу из Mercosur? Но главные причины размежевания лежат не в области политической конъюнктуры, а в сфере торгово-инвестиционных внутрирегиональных связей, которые до настоящего времени не стали приоритетными для подавляющего большинства латиноамериканских стран (как это, например, произошло в рамках Европейского Союза). В основе этого размежевания лежат два весомых фактора. Во-первых, различия в моделях экономического и социально-политического развития: если одни государства проводят политику свободных и открытых рынков (Колумбия, Перу, Чили), то другие придерживаются стратегии сравнительно жесткого госрегулирования с сильными элементами популизма (Боливия, Венесуэла, Эквадор). Во-вторых, для ряда стран (Мексика, центральноамериканские и карибские республики) характерна сильная привязка к экономике США, тогда как южноамериканские государства в большей степени ориентируются на европейские и азиатские рынки.

Наличие разделительных линий внутри региона порождает фрагментацию латиноамериканского экономического пространства. Поэтому ключевая региональная задача – придать новый импульс центристским силам, радикально усилить взаимодействие существующих интеграционных объединений, соединить усилия по созданию общего латиноамериканского рынка товаров, услуг и капиталов. В этом отношении фундаментальное значение может иметь сближение Mercosur и АР, создание на такой основе своего рода гравитационного центра региональной экономики.

«Трампономика» и судьба NAFTA

Серьезное беспокойство в латиноамериканских политических и деловых кругах вызвал внешнеэкономический курс президента Д. Трампа, направленный на пересмотр существующих договоренностей и угрожающий торговым интересам стран-партнеров.

В Латинской Америке под прицел Д. Трампа в первую очередь попала Мексика – крупнейший торгово-экономический партнер Соединенных Штатов в регионе и второй по значимости (после Канады) покупатель американской продукции во всем мире. Достаточно сказать, что оборот американо-мексиканской торговли (свыше 500 млрд долл. в год) составляет порядка 1 млн долларов в минуту. Важное место Мексика занимает и в американском реэкспорте – вывозе из США ранее ввезенных товаров для их перепродажи на рын-

ках других государств, что свидетельствует об исключительно тесном взаимодействии бизнес-структур двух стран в рамках NAFTA (Таблица 5).

Несмотря на это, Д. Трамп еще в ходе предвыборной кампании в буквальном смысле обрушился практически на весь комплекс американо-мексиканских отношений. Острой критике была подвергнута деятельность NAFTA, поскольку у США наблюдается дефицит в торговле с Канадой и Мексикой; озвучивались планы обложения мексиканских товаров импортной пошлиной в размере 35%; прозвучали угрозы депортации миллионов мексиканцев, проживающих на территории США без надлежащих документов (утверждалось, что многие из них «насильники и наркотрафиканты»). Болезненную реакцию мексиканского общества вызвали заявления президента о необходимости возвести стену на всем протяжении мексикано-американской границы (отдельные участ-

Таблица 5. Товарный экспорт и реэкспорт США (млрд долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Общий экспорт	1482	1545	1578	1620	1504	1453
Латинская Америка	365	397	408	423	388	364
Мексика	198	216	226	240	236	231
Доля Мексики в общем экспорте (%)	13,4	14,0	14,3	14,8	15,7	15,9
Доля Мексики в экспорте в Латинскую Америку (%)	54,3	54,4	55,4	56,7	60,8	63,5
Общий реэкспорт	182	193	207	221	215	223
Латинская Америка	54	60	63	66	67	69
Мексика	38	41	44	48	50	54
Доля Мексики в общем реэкспорте (%)	20,9	21,2	21,3	21,7	23,3	24,2
Доля Мексики в реэкспорте в Латинскую Америку (%)	70,4	68,3	69,8	72,7	74,6	78,3

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – URL: http://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx (Accessed:17.07.2017)

ки стены уже существуют), причем парадоксальным образом предлагалось сделать это за счет мексиканской стороны.

Антимексиканские диатрибы Д. Трампа не только подпортили общественно-политический климат в отношениях между двумя тесно связанными странами, но и нанесли ощутимый финансовый урон экономике южного соседа. Непосредственно после победы на выборах кандидата-миллиардера произошло обесценение на 15% национальной денежной единицы – песо, а мексиканская биржа пережила самое глубокое падение за последние пять лет. «Паника стучится в ворота Мексики. Победа Дональда Трампа, носителя антимексиканской ксенофобии, вызвала к югу от Рио-Гранде финансовую бурю с непредсказуемыми последствиями», – подчеркивалось на страницах ведущей испанской газеты «El País»³.

Придя к власти, Д. Трамп в центр политики в отношении южного соседа поставил проблему пересмотра договоренностей в рамках интеграционного объединения трех североамериканских государств. При этом требование ревизии соглашения о NAFTA Белый дом подкреплял следующими аргументами. Во-первых, более дешевая рабочая сила в Мексике и сравнительно «мягкое» налоговое законодательство побудили многие американские компании (в том числе гигантов автомобильной индустрии) перевести производство к югу от Рио-Гранде, что привело к деиндустриализации национальной экономики: закрытию тысяч предприятий и потере миллионов рабочих мест в США. Во-вторых, коренным образом изменилась американо-мексиканская торговля. Если в 1994 г. она свелась с положительным сальдо (1,3 млрд долл.) в пользу Соединенных

Штатов, то в последующий период уже Мексика фиксировала профицит, в 2016 г. превысивший 65 млрд долл. Дефицитный характер для США носил и товарообмен с Канадой, хотя в последние годы дисбаланс, достигавший 70–80 млрд, был снижен до 17–21 млрд долл. (ИТС).

18 мая 2017 г. торговый представитель США Роберт Лайтхайзер⁴ уведомил американский конгресс о решении президента Д. Трампа начать переговоры с правительствами Мексики и Канады о внесении изменений в соглашение о NAFTA. С этого момента вашингтонская администрация провела серию консультаций с представителями законодательной власти и бизнеса. По результатам этих встреч был подготовлен документ («Резюме целей»), определивший задачи американской делегации, которую возглавил заместитель Р. Лайтхайзера по делам Западного полушария Джон Мелле, на переговорах с мексиканскими и канадскими партнерами.

В документе отмечалось, что за два с лишним десятилетия функционирования NAFTA на глобальном уровне в экономике США произошли кардинальные изменения, требующие нового подхода к организации внешнеэкономического сотрудничества. В изменившихся условиях, подчеркивали авторы «резюме», участие в североамериканской интеграции должно отвечать современным стратегическим задачам социально-экономического развития Соединенных Штатов, вносить вклад в реиндустриализацию экономики и содействовать продвижению товаров и услуг американских предприятий на мировой рынок. Такая посылка предопределила чрезвычайно широкую повестку переговоров, на ряде треков выходящую за рамки конкретных торгово-экономических вопросов⁵. Выде-

3 Martínez Ahrens J. El peso mexicano sufre la peor caída del planeta por el efecto Trump. *El País*. 11.11.2016.

4 Возглавляет Торговое представительство США (USTR) – правительственное агентство, занимающееся разработкой торгового законодательства, составлением торговых соглашений с иностранными государствами и координацией внешнеторговой политики. USTR является частью Исполнительного офиса президента США.

5 USTR. Executive Office of the President. Summary of Objectives for the NAFTA Renegotiation. Monday, July 17 2017. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/Press/Release/NAFTAObjectives.pdf> (Accessed: 24.07.2017)

лим ключевые идеи переговорной позиции американской делегации:

- устранение «ненужных» различий в национальных системах внешнеторгового регулирования, продвижение в сторону гармонизации таможенных практик и снятия нетарифных барьеров в торговле промышленными и сельскохозяйственными товарами;
- либерализация энергетического рынка, а также рынков услуг, включая телекоммуникации и финансовую сферу;
- обеспечение недискриминационного подхода к торговле цифровой продукцией (программное обеспечение, литературные, графические, музыкальные и аудиовизуальные произведения);
- выработка и принятие правил, снижающих или полностью устраняющих препятствия на пути инвестиций США в экономики Канады и Мексики;
- эффективная защита интеллектуальной собственности;
- повышение уровня транспарентности принимаемых решений и активизация борьбы с коррупцией в государственных органах;
- принятие членами NAFTA международно признанных трудовых стандартов (минимальная заработная плата, продолжительность рабочего дня, свобода деятельности профессиональных союзов и т.д.);
- сохранение за США возможности применять в отношении канадских и мексиканских предприятий законы и правила, защищающие американский бизнес. Для этого предлагается изъять из действующего текста соглашения о NAFTA статью №19, ставящую Канаду и Мексику в исключительное положение по сравнению с третьими странами. Одновременно в «ре-

зюме» предусматривалось зарезервировать за Вашингтоном право следовать принципу «Покупай американское» при размещении государственных заказов.

Анализ позиции Торгового представительства США позволил мексиканским экспертам прийти к выводу, что переговоры о реформировании NAFTA, первый раунд которых прошел в американской столице 16–20 августа 2017 г., будут весьма напряженными и могут растянуться на продолжительный отрезок времени⁶. В пользу такой оценки говорили два обстоятельства: значительное число предложенных существенных изменений, требующих внимательного рассмотрения, а также предстоящие в 2018 г. выборы в американский конгресс, по итогам которых произойдет полное обновление палаты представителей и трети сената. Сейчас невозможно сказать, какую позицию займут новые законодатели. Таким образом, перспективы NAFTA остаются неясными.

Параметры «открытого регионализма»

Последствия «эффекта Трампа» почувствовали на себе и другие латиноамериканские государства, для которых поворот Вашингтона к протекционизму стал своего рода когнитивным диссонансом, поскольку вошел в клинч с курсом ведущих стран региона на максимальную международную торгово-экономическую открытость. Не только члены Тихоокеанского альянса, но и власти Аргентины и Бразилии декларируют приверженность принципам либерализации глобальной торговли и являются сторонниками развития интеграционных процессов. В результате в межамериканских отношениях возникает зона новых противоречий, которые мо-

6 Zuckerman L. ¿Habrà un nuevo TLCAN para 2018? *Excélsior*. 25.07.2017.

гут принять весьма острый характер. «Региону противостоит непредсказуемый и импульсивный деятель, способный принимать как прагматические решения, так и руководствоваться недальновидными популистскими соображениями», – суммировал мнения многих экспертов известный латиноамериканский аналитик Рохелю Нуньес⁷.

Глобальные потрясения и поворот во внешнеэкономической политике Вашингтона поставили в повестку дня задачи переосмысления и актуализации концепции развития региональной интеграции. На политическом и экспертном уровне зазвучали призывы «вдохнуть новую жизнь» в интеграционные процессы, сделать главным принципом экономического сотрудничества открытый регионализм, подразумевающий мобилизацию не только местных, но и глобальных ресурсов для решения социально-экономических проблем Латинской Америки.

На практике это означает в первую очередь интенсификацию торгово-инвестиционных связей латиноамериканских интеграционных группировок с вне-региональными партнерами. Показательный пример – стратегия стран АР, направленная на максимальное продвижение соглашений о свободе торговли с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. На состоявшемся в конце июня 2017 г. XII саммите Альянса было принято решение о введении статуса «ассоциированного члена», который первыми получили Австралия, Канада, Новая Зеландия и Сингапур, начавшие переговоры о заключении торговых соглашений с АР⁸.

Протекционистский курс Д. Трампа прибавил аргументов в пользу соглашения о свободе торговли между Mercosur и Ев-

росоюзом, переговоры о заключении которого продолжались почти 18 лет. Оказавшись под угрозой санкций со стороны Вашингтона, европейцы и латиноамериканцы нашли компромиссные решения вопросов, ранее казавшихся тупиковыми. Прежде всего, это касалось более широкого допуска сельскохозяйственных товаров стран – членов Mercosur на рынки ЕС и промышленной продукции европейских предприятий на рынки Южной Америки. Кроме того, было достигнуто понимание в вопросах защиты инвестиций, охраны интеллектуальных прав и свободного участия в тендерах, организуемых государством. Еврокомиссар по торговле Сесилия Мальмстрем, явно намекая на хозяина Белого дома, выразила позицию сторон предельно ясно: «В мире слышны голоса в пользу протекционизма. В то время, когда одни собираются отгораживаться стенами, мы намерены возводить мосты. Существует окно возможностей, которое нельзя не использовать»⁹.

Определенные перспективы взаимодействия просматриваются и в отношениях между латиноамериканскими интеграционными группировками и Россией, Евразийским экономическим союзом. Во время официального визита в Москву президента Бразилии Мишела Темера (20–22 июня 2017 г.) бразильская сторона подчеркивала свою «готовность содействовать продвижению связей Российской Федерации с интеграционными объединениями Латинской Америки и Карибского бассейна». М. Темер и президент РФ В.В. Путин приветствовали проведение 14 ноября 2016 г. в Сочи министерской встречи между «квартетом» СЕЛАК и РФ, определившей основные направления взаимодействия в рамках созданного в 2015 г. По-

7 Núñez R. (2016). Trump y el reino de la imprevisibilidad para América Latina. 9 noviembre, 2016. – URL: <http://www.infolatam.com/> (Accessed: 29.07.2017)

8 Alianza de Pacifico inicia sui proceso de expansión con cuatro asociados. 30 de junio de 2017. URL: <http://www.americaeconomia.com/> (Accessed 25.07.2017)

9 Malmström C. (2017). Los beneficios de la liberalización del comercio con el Mercosur. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2017/july/tradoc_155687.pdf (Accessed: 25.07.2017)

стоянного механизма политического диалога и сотрудничества. Одновременно главы двух государств выразили «намерение совместно работать в целях скорейшего заключения меморандума о сотрудничестве по торгово-экономическим вопросам между Евразийской экономической комиссией и правительствами государств – участников Южноамериканского общего рынка»¹⁰.

Факты говорят о том, что в практику международной деятельности латиноамериканских государств начинает входить «дипломатия интеграции», нацеленная на укрепление уже существующих дееспособных объединительных институтов и механизмов, а также создание новых форматов и инструментов торгово-экономического взаимодействия.

Список литературы

Зевин Л.З. (2016). Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (8). 26–36.

Карг Х.М. (2016). Десять гипотез о ситуации в Латинской Америке. *Латинская Америка*, (11). 4–8.

Яковлев П. (2016). Импортзамещение в Аргентине: цели и результаты. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (5). 20–25.

Яковлев П.П. (2015). Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений. *Латинская Америка*, (7). 4–18.

Яковлев П.П. (2013). «Мультилатинас»: трансграничный рынок латиноамериканского бизнеса. *Латинская Америка*, (6). 51–66.

Яковлев П.П. (2010). *Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине*. М.: Прогресс-Традиция. 464.

Яковлев П.П. (2017). «Эффект Трампа» или конец глобализации? М.: РУСАЙНС. 144.

Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.). (2003). *After the Washington Consensus. Restarting Growth and Reform in Latin America*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 373.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2012). Santiago de Chile: CEPAL. 134.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2016). Santiago de Chile: CEPAL. 128.

España, plataforma para las inversiones y sedes de empresas multilatinas en Europa, África y Oriente Medio. (2015). Madrid: ICEX. 139.

Los desafíos del desarrollo en América Latina. Dinámicas socioeconómicas y políticas públicas. (2014). Paris. 153.

Santiso J. (2011). *La década de las multilatinas*. Madrid. 279.

References

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2012). Santiago de Chile: CEPAL. 134.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2016). Santiago de Chile: CEPAL. 128.

España, plataforma para las inversiones y sedes de empresas multilatinas en Europa, África y Oriente Medio. (2015). Madrid: ICEX. 139.

Karg Kh.M. (2016). Ten hypotheses on the situation in Latin America. *Latinskaya Amerika*, (11). 4–8.

Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.). (2003). *After the Washington Consensus. Restarting Growth and Reform in Latin America*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 373.

10 Совместное заявление Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилии о стратегическом внешнеполитическом диалоге. 21 июня 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5212> (Дата обращения: 20.07.2017)

Los desafíos del desarrollo en América Latina. Dinámicas socioeconómicas y políticas públicas. (2014). Paris. 153.

Santiso J. (2011). *La década de las multilatinas.* Madrid. 279.

Yakovlev P. (2016). Import Substitution in Argentina: Aims and Results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60 (5). 20–25.

Yakovlev P.P. (2010). *Before the challenges of the time. Cycles of modernization and crises in Argentina.* Moskva: Progress-Traditsiya. 464.

Yakovlev P.P. (2013). “Multilatinas”: transboundary roll of Latin American business. *Latinskaya Amerika*, (6). 51–66.

Yakovlev P.P. (2015). America Latina en el cruce de los trends. Concientizando los nuevos fenomenos. *Latinskaya Amerika*, (7). 4–18.

Yakovlev P.P. (2017). “Trump effect” or the end of globalization? Moskva: RUSAINS. 144.

Zevin L.Z. (2016). Megaregions in Globalizing Economy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60 (8). 26–36.

Информация об авторе

Петр Павлович Яковлев, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки Российской академии наук

115035, Российская Федерация, Москва,
Б.Ордынка ул., 21/16
Petrp.yakovlev@yandex.ru

About the Author

Petr P. Yakovlev, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Iberian Studies at the Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences

21/16, ul. B. Ordynka. Moscow, Russian Federation. 115035
Petrp.yakovlev@yandex.ru

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-101-113

João Paulo Martins LINHARES

Sumitomo Mitsui Banking Corporation
173, Camilo str., São Paulo, Brazil
jplinhares@yahoo.com.br
ORCID: 0000-0003-2291-4367

HSIA HUA SHENG

Getuio Vargas Foundation (FGV-EAESP)
474, Itapeva Str., São Paulo, Brazil
hsia.sheng@fgv.br

Daniela Verzola VAZ

Federal University of São Paulo
1500, Sena Madureira Str., São Paulo, Brazil
daniela.vaz@unifesp.br

Nilton Deodoro Moreira CARDOSO JUNIOR

Professor, Department of Economics, INSPER
300, Olimpia Str., São Paulo, Brazil, 04546-042
nilton_cardoso@hotmail.com

Influence of Macroeconomic Factors in the Capital Structure of Foreign Subsidiarie

ABSTRACT. *This article examines the influence of macroeconomic factors in the capital structure of subsidiaries of foreign multinational companies (SFM) in Brazil by comparing them with local Brazilian companies (LBC) during the period from 1998–2008. Panel data econometrics was used to analyze the data and test the hypotheses. During this period, exchange rate variation was positively associated with local leverage, which supported the hypothesis of income hedging in the context of foreign currency exposure of the head office. We also found less local leverage for foreign multinational companies when the macroeconomics scenario became more stable. Finally, contrary to the initial hypothesis, differences in financing rates between Brazil and the SFMs' head office country were positively related to local leverage.*

KEYWORDS: *capital structure; hedge; subsidiaries of multinational company; leverage; macroeconomic factors*

FOR CITATION: Linhares J.P. M. [et al]. (2017). Influence of Macroeconomic Factors in the Capital Structure of Foreign Subsidiarie. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 101-113. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-101-113

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-101-113

Жоа Пауло Мартинс ЛИНАРЕС

Sumitomo Mitsui Banking Corporation
173, Camilo str., São Paulo, Brazil
jplinhares@yahoo.com.br
ORCID: 0000-0003-2291-4367

СЯ ХУА ШЕНГ

Getuio Vargas Foundation (FGV-EAESP)
474, Itapeva Str., São Paulo, Brazil
hsia.sheng@fgv.br

Даниэла Верзола ВАЗ

Федеральный университет Сан-Паулу
1500, Sena Madureira Str., São Paulo, Brazil
daniela.vaz@unifesp.br

Нилтон Деодора Мореира КАРДОЗО ЖУНИОР

профессор, департамент экономики, INSPER
300, Olimpia Str., São Paulo, Brazil, 04546-042
nilton_cardoso@hotmail.com

Влияние макроэкономических факторов на структуру капитала иностранной дочерней компании

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматривается влияние макроэкономических факторов в структуре капитала дочерних компаний иностранных транснациональных корпораций (SFМ) в Бразилии в сравнении с местными бразильскими компаниями в период с 1998 по 2008 г. Временные ряды данных эконометрики использовались для анализа данных и проверки гипотез. В этот период на изменение обменного курса положительно влияли местные финансовые рычаги, что подтверждает гипотезу о хеджировании доходов в контексте валютных рисков для головного офиса. Нами был выявлен меньший уровень влияния местных финансовых рычагов на иностранные транс-

национальные компании при макроэкономической ситуации приобретения большей стабильности. Наконец, вопреки первоначальной гипотезе, различия в ставках финансирования между Бразилией и страной головного офиса положительно коррелируют с местными финансовыми рычагами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: структура капитала, хедж, дочерние компании транснациональных корпораций, соотношение заемного и акционерного капитала, макроэкономические факторы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Линарес Ж.П.М. [и др.]. (2017). Регионализация миграции

онных процессов. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 101-113. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-101-113

1. Introduction

The activities of multinationals outside of their countries of origin present a great challenge in regard to financial administration and financing strategies. Internationally, these companies' subsidiaries operate in a totally different environment from a political, economic, and social perspective. Within this context, the capital structure to be adopted by subsidiaries is a significant decision for management.

Political risk is one of key theories explaining the multinational's subsidiaries strategic finance motives. Based on the agency view that external investors have little protection against expropriation in countries with weak legal protection (La Porta et al. 1998), Novaes and Werlang (Novaes, Welang, 1998) analyzed the period between 1985 and 1994, when Brazil was mistrusted by foreign investors because of a high degree of political uncertainty. They showed that compared with Brazilian companies, foreign subsidiaries were more leveraged, and the differences between them grew with the political risk.

Similar results have been confirmed by later studies. Desai et al. (Desai et al., 2004) also found evidence of increased indebtedness in reaction to increased political risk by analyzing the subsidiaries of North American multinationals around the world. Kesternich and Schnitzer (Kesternich, Schnitzer, 2009) also found similar evidence of increased leverage in German subsidiaries. In addition, the authors also found that headquarters exercised less control in response to increased political risk. Recently, Fan et al. (Fan et al., 2012) used three indices to analyze political risk: *common law*, corruption, and contract enforcement. Their results showed that companies in countries perceived as more corrupt tended to be more leveraged and preferred incurring short-term debts.

However, political risk is not the only challenge for internationalized firms. Other systematic risks such as foreign market inflation risk and exchange risk may influence for these financing concerns. Lehmann et al. (Lehmann et al., 2004) demonstrated a positive relationship between leverage and exchange rate risk and introduced the notion of exchange rate hedging by multinationals. Aggarwal and Kyaw (Aggarwal, Kyaw, 2008) showed that differences in interest rates between countries also influenced the funding decisions of multinationals, which used intercompany loans or raised funds externally.

The purpose of this study is to analyze how macroeconomic characteristics relate to the indebtedness of foreign subsidiaries in Brazil between 1998 and 2008. The hypothesis is that subsidiaries use local debt to protect themselves from macroeconomic instability.

Unlike most existing literature in the field, this study's investigation is not limited to subsidiary financing strategies in developed countries; instead the sample covers Brazil, one of the favored and biggest emerging market for Foreign Direct Investment destination. In addition, this paper contributes to enrich and qualify previous findings relative to capital structure changes in response to changes in other macroeconomics factors such exchange rate volatility, inflation rate and difference in financing rate between Brazil and Foreign market.

Following this introduction, the article is organized under the following headings: literature review and hypotheses; sample and methodology, which introduces the databases, the variables involved in the study, and the econometric models used; the results obtained; and the study's conclusion.

2. Literature Review and Hypotheses

The discussion on the influence of internationalization in the determination of capital structures began with Lee and Kwok (Lee, Kwok, 1988) when they compared the leverage of multinational and local companies in

the USA. Using the percentage of taxes paid abroad to differentiate between multinational and local companies and controlling for the effects of size and industry, the authors found that multinationals were less leveraged than local companies. Along the same line, Burgman (Burgman, 1996) found similar results to those of Lee and Kwok (Lee, Kwok, 1988) regarding leverage but for different reasons, which will be discussed later in this review.

As previously noted, a company's leverage becomes different because of internationalization. Factors that influence this difference in domestic companies are not the same as those for multinationals. Therefore, before presenting the literature that specifically focused on foreign subsidiaries, we review the studies that did not discriminate between companies regarding control but that examined the factors that influence capital structure. In general, empirical studies have identified a large number of variables that may be associated with leverage; the most common are factors that are inherent to a specific company (firm factors) and macroeconomic factors.

This review begins with studies that analyzed the influence of macroeconomic factors in capital structure decisions. Rajan and Zingales (Rajan, Zingales, 1995) used companies in the developed countries of the G7 and found the companies' leverage to be similar. They concluded that in addition to aspects of the firms, macroeconomic factors specific to each country also played an important role in the companies' decisions about indebtedness. Booth et al. (Booth et al., 2001) used 10 developing countries to analyze company indebtedness. They concluded that the relevant variables for company indebtedness in developing countries were the same as those of developed countries; however, there were differences in how specific factors affected leverage, e.g., GNP growth, interest rates, inflation, and development of the capital market.

In contrast to the previously cited works, Terra (Terra, 2007) found that the macroeconomic factors that should have influenced companies' indebtedness strategies were not decisive in choosing capital structures in Latin American

countries such as Argentina, Brazil, Chile, Colombia, Mexico, Peru, and Venezuela. During the period of analysis from 1986 to 2000, company-specific variables predominated over macroeconomic variables, namely, GNP growth, inflation, interest rates, and stock returns. This study analyzed companies in general and did not distinguish between foreign and domestic control.

Other studies focused on multinational subsidiaries acting in other countries. Lee and Kwok (Lee, Kwok, 1988) and Burgman (Burgman, 1996) classified companies as multinationals if they paid at least 10% of their taxes abroad, even if their control was not necessarily foreign. Desai et al. (Desai et al., 2004) focused on the capital structure of American multinationals' subsidiaries located in several countries around the world, including both emerging and developed countries. The authors concluded that multinationals structured their debt according to the tax rates and capital market conditions of the country in which they were located. Thus, American subsidiaries had an advantage over their local competitors because of their access to the global financial market through their headquarters. Lehmann et al. (Lehmann et al., 2004), in addition to obtaining results similar to those of Desai et al. (Desai et al., 2004), hypothesized that the indebtedness of multinationals' subsidiaries worked as a hedge between local revenue and the multinationals' consolidated results. Based on American multinationals' subsidiaries in 62 countries, Aggarwal and Kyaw (2008) found that external debt (debt owed to third parties) increased in countries with high credit availability, high levels of corruption, low political risk, and increased exchange rate depreciation.

The main study on the subject in the Brazilian context was developed by Novaes and Werlang (Novaes, Werlang, 1998). Their results showed that foreign subsidiaries were more leveraged in comparison with Brazilian companies in the same categories (same year, sector, and approximate size). Moreover, the increase in leverage was influenced by an increased perception of political risk. Another important Brazilian study by Brito and Lima (Brito, Lima, 2005)

found that foreign companies were generally less leveraged than private national companies but more leveraged than state-owned companies. The available evidence is therefore conflicting and offers an opportunity for another analysis of the period from 1998 to 2008.

To better examine the macroeconomic factors on which the hypotheses to be tested are based, our review is organized into three subsections: Exchange Rate Risk, Differences in Financing Rates, and Macroeconomic Scenario.

2.1. EXCHANGE RATE RISK

In addition to political risk, exchange rate risk is also relevant in multinationals' capital structure decisions. Loans in local currencies by multinationals' subsidiaries reduce their companies' exposure when the local currency loses value (Lee, Kwok, 1988). Concurring with this proposition, Burgman (Burgman, 1996) suggested that multinationals' leverage was positively related to exchange rate risk. This evidence was consistent with the author's hypothesis that multinationals increased their subsidiaries' debt to protect themselves (*hedge*) from exchange rate risk.

Lehmann et al. (Lehmann et al., 2004) also concluded that loans in the local currency of the country where the subsidiaries are located may be incurred so the head office can protect itself from the foreign currency's exchange rate variation. Because multinationals' global results are consolidated in their country of origin, a branch office's leverage is a way for the company to protect itself against currency depreciation.

Given these arguments, *the first hypothesis (H1) states that the greater the exchange rate risk, the greater the leverage of foreign subsidiaries in comparison with Brazilian companies.*

1.1. DIFFERENCES IN FINANCING RATES

Difficulties in obtaining credit and the unavailability of resources resulting from an underdeveloped financial system can affect the leverage of local and foreign companies in different ways. Desai et al. (Desai et al., 2004) concluded that when foreign subsidiaries are faced with an underdeveloped credit market

and high financing rates, they opted for debts to the head office, substituting external debts (debts to third parties) with intercompany loans. The authors found that these funding substitutions corresponded to approximately three-quarters more indebtedness to head offices than to local credit markets. The authors suggested that such an alternative intercompany funding source was significantly advantageous for a subsidiary. In countries where the credit market was underdeveloped and financing rates were high, local companies had no other alternative to raising funds at the higher rates. In accordance with Desai et al. (Desai et al., 2004), Lehmann et al. (Lehmann et al., 2004) confirmed the results of less leverage held by foreign branch offices in countries with undeveloped credit markets.

Regarding the differences in financing rates between countries, Graham and Harvey (Graham, Harvey, 2001) found that 44% of their study's respondent companies considered loan interests abroad to be important or very important in making decisions on financing. On the choice between domestic and external indebtedness, Allayannis et al. (Allayannis et al., 2003) found that the difference between local and foreign interest rates is negatively associated with the use of synthetic local currency debt (i. e., hedged foreign currency debt) for East Asian companies. Finally, Aggarwal and Kyaw (Aggarwal, Kyaw, 2008) showed that multinationals used internal debt (from the head office) to overcome financing costs and difficulties.

Given that multinationals' subsidiaries access the global market through their headquarters, differences in interest rates between countries may represent an opportunity for arbitrage.

Thus, *the second hypothesis (H2) is that the greater the difference between the financing rates in Brazil and a multinational's country of origin, the less the financial leverage of the foreign subsidiaries.*

1.1. MACROECONOMIC SCENARIO

Analysis of the macroeconomic scenario between 1998 and 2003 shows that Brazil faced a trust crisis in the second half of 1998

caused by the external shock of the Russian moratorium. In the beginning of 1999, the Brazilian Central Bank made an exchange rate policy transition from a board regime to a floating regime. This transition, which became known as *dollar overshooting*, raised expectations for inflation. In July 1999, a milestone regime for inflation was implemented, and the Special Clearance and Escrow System (Sistema Especial de Liquidação e Custódia – Selic) milestone was raised (with a descending trend) in an attempt to reduce the Brazil's market volatility. In 2000 and 2001, the markets calmed down, inflation was controlled, the Real became stable in relation to the dollar, and financing rates began to drop. In 2002, in addition to the Argentinean crisis, the instability of Brazil's macroeconomic situation was aggravated by the “Lula-risk”: Lula's favored status to win the presidential election caused investors to mistrust the country and again increased the dollar's value over the Re-

al. In short, the period from 1998 to 2002 was marked by economic instability.

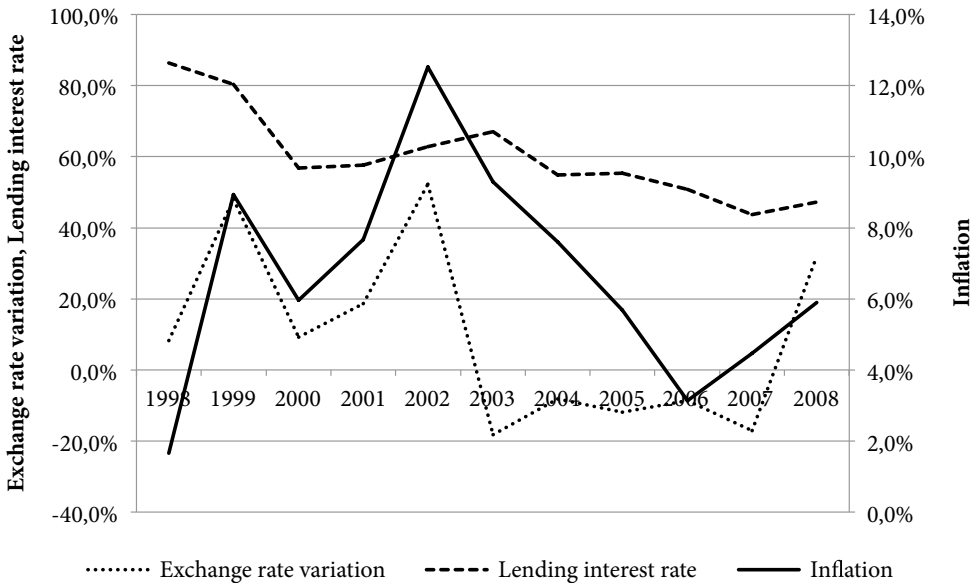
The period after 2003 was more stable. The Lula government retained the previous government's economic policies, and the global economy generally experienced sustainable growth, with controlled inflation and low levels of unemployment. In Brazil, this situation was reflected in the valuation of the Real, a reduction in inflation, and a reduction in financing rates, as presented in Figure 1. Therefore, there was a structural economic break in 2003

The third hypothesis (H3) is that a more stable macroeconomic scenario leads to a less local leverage behavior of foreign subsidiary.

3. Sample and Methodology

The main source of data used in this study is the non-financial company database provided by the Brazilian Institute of Economics (In-

Figure 1. Exchange rate variation, lending interest rate and inflation between 1998 and 2008, Brazil

Source: Elaborated by the authors

Table 1. Possibilities for dependent variables based on the reviewed authors

Leverage	Abbrev.	Definition	Author
Total Financial	TF	Total financial local debt over total assets (%)	Lehmann et al. (Lehmann et al., 2004)
Long Term Financial	LTF	Long term financial local debt over total assets (%)	Novaes and Werlang (Novaes, Werlang 2004)
Short Term Financial	STF	Short term financial local debt over total assets (%)	Novaes and Werlang Werlang (Novaes, Werlang 2004)

Source: Elaborated by the authors

stituto Brasileiro de Economia – IBRE) of the Getúlio Vargas Foundation of Rio de Janeiro (Fundação Getúlio Vargas do Rio de Janeiro – FGV-RJ) for the period from 1998 to 2008. Companies with net revenue below R\$ 50 million/year are excluded from the sample due to their reduced relevance. This criterion excludes 7,816 observations and 1,761 individual company names. Classification as under national or foreign control is based on the definition of control according to Law n. 6.404/1976 (Law of S.A.), Article 243, in the first and second paragraphs: the controller is he who possesses at least 50% of the company's voting shares. Companies for which explicit information on their stock division is missing are excluded from the sample.

The remaining sample consists of 812 individual companies, 616 of them national and 196 foreign, for which 5,461 observations are available.

3.1. The Study's Variables

Table 1 shows the candidates for dependent variables, Table 2 lists the possible control variables, and Table 3 shows the variables for the macroeconomic factors. Table 1 presents the various definitions of leverage found in the reviewed articles, including total financial local (TF), long-term financial local (LTF) and short-term financial local (STF).

Table 2 presents five control variables linked to firm factors: profitability, size, tangibility, growth and a binary variable for foreign

Table 2. Control Variables

Firm Factors	Abbrev.	Definition	Expected Sign of Coefficient	Author
Profitability	PROF	Proportion of net profits over total assets – ROA (%)	Negative	Titman and Wessels (Titman, Wessels, 1988); Booth et al. (Booth et al., 2001); Fan et al. (Fan et al., 2012)
Size	SIZ	Natural logarithm of net revenue	Positive	Rajan and Zingales (1995); Novaes and Werlang (1998)
Tangibility	TANG	Proportion of tangible assets over total assets (%)	Positive	Titman and Wessels (Titman, Wessels, 1988)
Growth	GROW	Assets growth rate (%)	Positive	Rajan and Zingales (Rajan, Zingales, 1995); Novaes and Werlang (Novaes, Werlang, 1998)
Foreign Subsidiary	FOR	Binary variable that takes on 1 for firms under foreign control	Negative	

Source: Elaborated by the authors

control. For each variable, the table also shows its abbreviation, definition, the expected sign of the coefficient to be estimated, and the authors who referenced the variable. These factors are the most cited in the literature (Titman, Wessels, 1988; Frank, Goyal, 2003).

Each row in Table 3 presents the exogenous variables of interest, i.e., the variables that are linked to the macroeconomic factors: inflation, exchange rate risk, difference in interest rates and a structural break for time period after 2003.

3.2. ECONOMETRIC MODEL

Because the sample combines observations of various companies over a given time period, panel data econometrics can be used to analyze the data and test the hypotheses formulated in Section 2. According to Hsiao (Hsiao, 2003) and Baltagi (Baltagi, 2005), this combination provides more informative data, greater variability, less collinearity between variables, and more degrees of freedom. Here, the panel is non-balanced, i.e., the number of observations is not the same for each time period; the balance sheet information for some of the companies is not available over the entire period (1998 to 2008). The following equation is used:

$$\begin{aligned} \text{LEVERAGE}_{it} = & \alpha + \beta_1 \text{PROF}_{it} + \beta_2 \text{SIZ}_{it} + \\ & + \beta_3 \text{TANG}_{it} + \beta_4 \text{GROW}_{it} + \beta_5 \text{FOR}_{it} \\ & + \beta_6 \text{INFL}_t + \beta_7 \text{EXCH}_t + \beta_8 \text{EXCH}_t^* \\ & * \text{FOR}_{it} + \beta_9 \text{DIFF_INT}_t + c_i + \mu_{it} \end{aligned}$$

where i indexes firms and t indexes the time periods. *LEVERAGE* can be the three types of leverage defined in Table 1 (TF, LTF, STF); *PROF*, *SIZ*, *TANG*, *GROW* and *FOR* refer to the control variables described in Table 2 and can change across i and t ; *INFL*, *EXCH* and *DIFF_INT* are interest variables described in Table 3 and change across i but not t ; c_i is the effect specific to firm i ; and μ_{it} are the idiosyncratic errors. An interaction between the dummy variable *FOR* and *EXCH* is also included in the model. The purpose of this procedure is to identify whether, holding other factors fixed, there are differences in the effect of the *EXCH* variable between foreign subsidiaries and Brazilian companies.

A second model is also considered. Its difference from the preceding one is that it includes the interest variable *BREAK*, which is a binary variable that takes on 1 for time period after 2003, and its interaction with *FOR*.

Since there are usually few changes in balance sheet accounts of companies from one year to another, the errors terms μ_{it} may be serially correlated. Therefore, a test for first order serial correlation was conducted (Wooldridge, 2002, p. 282–283).

The regressions were estimated in two alternative specifications: 1) considering the specific effect c_i as fixed, therefore through the estimation of fixed effect regressors; 2) considering the effect c_i as random, therefore through the estimated equation's formulation with compos-

Table 3. Variables of interest: Macroeconomic Factors

Macroeconomic Factors	Abbrev.	Definition	Expected Sign of Coefficient	Source
Inflation	INFL	Annual IPCA (Brazilian National Consumer Price Index) variation (%)	Negative	IBGE
Exchange Rate Risk	EXCH	Annual exchange rate variation (%)	Positive	Central Bank of Brazil
Difference in Interest Rates	DIFF_INT	Mean annual difference between the real interest rates for loans in Brazil and the head office country real rates (%)	Negative/Positive	World Bank
Structural break	BREAK	Binary variable that takes on 1 for time period after 2003	Negative	

Source: Elaborated by the authors

ite errors ($c_i + \mu_{it}$) and the estimation using random effect regressors. The Hausman test was used to select consistent estimators¹.

Results

First, a comparison of the means of the Brazilian and foreign companies' leverage is presented; next, the regression results are analyzed.

Table 4 presents a comparison of means for total financial (TF), long term financial (LTF) and short term financial (STF) local leverage measures. The comparison is made by calculating the difference between foreign

subsidiaries and Brazilian companies' means and testing if the difference is statistically significant. The analysis is undertaken in three different ways: first, considering each year separately; then, taking the entire sampling period (1998–2008); and last, considering two sub-periods, before and after 2003.

Considering the entire sampling period (1998–2008), it is not possible to reject the null hypothesis that foreign subsidiaries and Brazilian companies have the same leverage mean, according to the t-test for equal mean values of the three indices considered. However, the results presented separately for each year show a

Table 4. Difference of Means between Foreign Subsidiaries and Brazilian Companies

Year	Total Financial (TF)	Long Term Financial (LTF)	Long Term Financial (LTF)	Short Term Financial (STF)
1998	0.0064	0.0019	0.0019	0.0045
1999	0.0371*	0.0259	0.0259*	0.0112
2000	0.0489**	0.0393	0.0393**	0.0097
2001	0.0487**	0.0304	0.0304*	0.0183
2002	0.0290	0.0127	0.0127	0.0163
2003	0.0164	0.0000	0.0000	0.0164
2004	-0.0069	0.0027	0.0027	-0.0097
2005	-0.0165	-0.0080	-0.0080	-0.0085
2006	-0.0482***	-0.0321	-0.0321**	-0.0162
2007	-0.0517***	-0.0363	-0.0363***	-0.0154
2008	-0.0500**	-0.0325	-0.0325**	-0.0175
1998–2008	0.0015	0.0005	0.0005	0.0010
Year < 2003	0.0340***	0.0220	0.0220***	0.0120**
Year ≥ 2003	-0.0262***	-0.0177	-0.0177***	-0.0085*

Source: Elaborated by the authors

Notes: 1,335 foreign subsidiaries observations, 4,126 Brazilian companies' observations. Types of leverage according to Table 1. P-values reported for t-test with H0: foreign and national companies have the same mean. ***, **, and * denote significance for p-values ≤ 0.01, ≤ 0.05, and ≤ 0.10, respectively.

1 In the case where there is a correlation between explicative variables and the specific effect, i.e., the case in which the Hausman test rejects the null hypothesis, the fixed effect estimators are consistent and possibly efficient, while the random effect estimators are inconsistent. Conversely, if there is no correlation between the specific effect and the model's explicative variables, the use of fixed effect estimators would lead to an unnecessary loss of information because the intra-transformation would eliminate the time-invariant variables and the effects. In this case, because there is no correlation between the specific time-invariant effect and the explicative variables, the specific effect c_i could be treated as orthogonal to the independent variables and therefore as the composite error. This alternative represents the null hypothesis of the Hausman test which, if not rejected, favors the use of random effect estimators over fixed effect estimators because they are efficient in this case, even if both are consistent.

trend in which the foreign companies become less leveraged than the Brazilian ones.

Considering the sub-period until 2003, the leverage of the foreign companies remains higher, and the hypothesis of equality between the two classes of companies is rejected. For the sub-period beginning in 2003, this trend is inverted, and Brazilian companies become more leveraged than the foreign ones. The reason for this result may lie in the influence of macroeconomic factors during the two periods, i.e., before and after 2003, as discussed previously in section 2.3.

The regression results are discussed next. The Hausman test was significant at the 1% level for all models. However, this test assumes homoskedasticity. In addition, the test for first order serial correlation was significant. Hence, the Mundlak test – which copes with heteroscedasticity and serial correlation – was applied. The result proved significant, thus rejecting the null hypothesis that the coefficients estimated by the random effects estimator are consistent. Our analysis will then consider results obtained with the fixed effects estimator, which are reported on Table 5.

First, we will examine the results of model 1. Foreign companies show lower levels of short term leverage: controlling for other factors, subsidiaries have a ratio of short term financial leverage over total assets (STF) by 7.9 p. p. lower than Brazilian companies, according to the coefficient associated to FOR. This occurs because in the short term they prefer to raise funds with the head office. However, when long term financial leverage (LTF) is considered, the difference is not statistically significant.

Coefficients on exchange rate risk (EXCH) are in line with hypothesis 1 (H1). Considering total financial leverage (TF) as the dependent variable, a 1 p. p. increment in exchange rate variation, holding other factors fixed, increases by 0.03 p. p. Brazilian companies ratio of local leverage over total assets, and by 0.08 p. p. foreign subsidiaries ratio. If long term leverage (LTF) is considered the effect is of about 0.03 p. p. and 0.07 p. p. for Brazilian companies and foreign subsidiaries, respectively. However, for short term leverage (STF) the effect is not statistically significant, even at the 10% level. In line with previous studies by Lehmann et al. (Lehmann et al.,

Table 5. Panel Regressions, 1998 to 2008

	Model 1			Model 2		
	TF	LTF	STF	TF	LTF	STF
Cons	6.76	−4.95	11.71***	−2.73	−11.25**	8.52**
PROF	−0.27***	−0.13***	−0.14***	−0.26***	−0.12***	−0.14***
SIZ	1.13***	1.13***	0.00	1.90***	1.64***	0.26
TANG	−0.02	0.03**	−0.05***	−0.03*	0.02*	−0.05***
GROW	0.01*	0.01**	0.00	0.01	0.01*	0.00
FOR	−11.24***	−3.34	−7.91***	−0.21	4.95*	−5.17**
INFL	0.15**	0.00	0.15***	0.16***	0.00	0.16***
EXCH	0.03***	0.03***	0.01	0.03**	0.02***	0.00
EXCH*FOR	0.05***	0.04***	0.01	−0.03*	−0.02	−0.01
DIFF_INT	0.17***	0.08***	0.10***	0.06*	−0.01	0.07***
BREAK				−0.66	−0.32	−0.33
BREAK*FOR				−7.81***	−5.90***	−1.91**

Source: Elaborated by the authors

Notes: 1,335 foreign observations, 4,126 national observations. Types of leverage according to Table 1. ***, **, and * denote significance for p-values ≤ 0.01, ≤ 0.05, and ≤ 0.10, respectively.

2004) and Aggarwal and Kyaw (2008), the positive relationship between local financial leverage and exchange rate risk suggests exchange rate risk hedging by the multinationals. However, it must be noted that exchange rate risk hedging through leverage occurs in the long term rather than the short term because foreign subsidiaries are concerned with exchange rate depreciation in the long term. Lehmann et al. (2004) found similar results regarding the term of indebtedness. Increased leverage brought about by exchange rate risk occurs in the long term due to uncertainty about governmental interference in the currency market.

When it comes to the effect of the difference between the financing rates in Brazil and a multinational's country of origin (DIFF_INT), results are the opposite of what would be expected, according to H2. One p. p. variation in DIFF_INT increases foreign subsidiaries local leverage ratio by 0.17 p. p. Thus, there is no evidence that the subsidiaries in the sample replace their local debt for debts with the head office. We expected that the difference between local financing rates and the financing rates in the headquarters' country would make a multinational use more inter-company debts; however, this expectation is not confirmed by the results.

Other results of interest related to the control variables indicate that profitability has a negative relationship with the various types of leverage. When return on assets (PROF) increases by 1.0 p. p., total leverage reduces by 0.27 p. p., all else constant. The results for this variable are justified by the *Pecking Order* theory, according to which more profitable companies have more resources of their own to invest in projects, thus discarding new debts. Our results are in accord with Titman and Wessels (Titman, Wessels, 1988), Rajan and Zingales (1995), and Booth et al. (Booth et al., 2001) for foreign studies and with Brito and Lima (Brito, Lima, 2005) and Oliveira et al. (Oliveira e.a., 2012) for national studies.

Size is positively associated with leverage. Therefore, the results favor the theory that the larger the company, the greater its tendency to take on debt because it has better access to

the means of financing, a better credit history, less risk of *default*, and less financial costs. These results agree with the Brazilian study by Novaes and Werlang (Novaes, Werlang1998) and the international work of Bae and Goyal (Goyal, 2009).

Regarding tangibility, the results are distinct for both the short term and the long term. For short-term leverage, a negative relationship with indebtedness is found, contrary to what we expected but in accordance with the *Pecking Order* theory. In the case of long-term leverage, the positive effect corroborates the expected relationship, whereby tangible assets are used as a guarantee to reduce the costs of indebtedness. As a matter of planning and to preserve liquidity, companies generally prefer long-term debts over short-term debts. Therefore, less tangibility may lead to reductions in the terms of debts, making this relationship negative (Moreira, Brito, 2006).

We next examine the results of model 2, which differs from model 1 by the inclusion of binary variable BREAK and its interaction with FOR. The coefficient on BREAK captures the effect of a breakpoint after 2003 on leverage measures, holding other factors fixed, for Brazilian companies. The sum of the coefficients on BREAK and BREAK*FOR estimates the same effect for foreign subsidiaries.

Coefficients on BREAK and FOR are in line with hypothesis 3 (H3). They suggest that even controlling for macroeconomics factors as inflation rate, exchange rate variation and difference in interest rates, the new scenario after 2003 brought a reduction in leverage. However this effect is significant only for foreign subsidiaries, as only the coefficient associated to the interaction term BREAK*FOR is statistically significant.

Conclusions

We analyze the capital structure of foreign subsidiaries acting in Brazil during the period from 1998 to 2008 and examine how macroeconomic factors influence foreign companies' leverage. We empirically study the impact of ex-

change rate risk, differences in financing rates and differences in macroeconomics scenarios on multinational subsidiaries leverage decisions.

Overall, the foreign subsidiaries were more leveraged than the Brazilian companies. However, the results over time showed a change in trend in 2003, when the Brazilian companies became more leveraged than the foreign subsidiaries. A brief macroeconomic analysis of these two periods, until and after 2003, reveals a change in Brazil's overall situation, whereby the first period was politically and economically less stable.

Our results also suggest that multinational subsidiaries use local debt to hedge their local income against potential Brazilian currency devaluation. This finding is in line with previous studies by Lehmann et al. (2004) and Aggarwal and Kyaw (2008), who found a positive relationship between local financial leverage and exchange rate risk. It should be noted that these results hold for long-term leverage only.

As macroeconomic scenario become more stable, foreign subsidiaries tend to use less local debt to hedge their local income. Controlling for macroeconomics factors as inflation rate, exchange rate variation and difference in interest rates, we found a reduction in local leverage for foreign subsidiaries after 2003 new Brazilian scenario.

Finally, in contrast to what was suggested by costly external financing literature, the higher the difference between Brazilian financing rate and the head office country rate, the higher the local debt for foreign subsidiaries.

The present study takes a more hedge approach. It considers the strategy of hedging against local currency devaluation and sees local currency loan as one way to partially overcome them. Difficulties in measuring foreign subsidiaries' composition of debt within a year require detailed investigation. There are also significant differences in tax rates between countries. This effect may cause tax inefficiencies due to compensation amounts and may incentivize or inhibit global companies from taking on debts in other countries. This is an exciting but challenging agenda for future research on capital structure, and particularly for foreign subsidiaries in emerging markets.

References

- Aggarwal R., Kyaw N. (2008). Internal Capital Networks as a Source of MNC Competitive Advantage: Evidence from Foreign Subsidiary Capital Structure Decisions. *International Business and Finance*, 22(3). 409–439.
- Allayannis G., Brown, G. W., Klapper L. F. (2003). Capital Structure and Financial Risk: Evidence from Foreign Debt Use in East Asia. *The Journal of Finance*, 58(6). 2667–2709.
- Bae, K. H., Goyal V. (2009). Creditor Rights, Enforcement, and Bank Loans. *The Journal of Finance*, 64(2). 823–890.
- Baltagi B. H. (2005). *Econometric Analysis of Panel Data*. 3rd ed. New York: John Wiley & Sons. 314.
- Booth L. [et al.]. (2001). Capital Structures in Developing Countries. *The Journal of Finance*, 56(1). 87–130.
- Brito R. D., Lima M. R. (2005). A escolha da estrutura de capital sob fraca garantia legal: o caso do Brasil. *Revista Brasileira de Economia*, 59(2). 177–208.
- Burgman T. A. (1996). An Empirical Examination of Multinational Corporate Capital Structure. *Journal of International Business Studies*, 27(3). 553–570.
- Desai M. A., Foley C. F., Hines Jr., J. R. (2004). A Multinational Perspective on Capital Structure Choice and Internal Capital Markets. *The Journal of Finance*, 59(6), 2451–2487.
- Fan J.P.H., Titman S., Twite G. (2012). An International Comparison of Capital Structure and Debt Maturity Choices. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*, 47(1). 23–56.
- Frank, M.Z., & Goyal, V.K. (2003). Testing the Pecking Order Theory of Capital Structure. *Journal of Financial Economics*, 67(2). 217–248.
- Graham J., Harvey C. (2001). The Theory and Practice of Corporate Finance: Evidence from the Field. *Journal of Financial Economics*, 60. 187–243.
- Hsiao C. (2003). *Analysis of panel data*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 384.
- Kesternich I., Schnitzer M. (2009). Who is afraid of political risk? Multinational firms and their choice of capital structure. *Deutsche*

Bundesbank Discussion Paper, Series 1: Economic Studies, (02). 42.

La Porta R. [et al.]. (1998). Law and Finance. *The Journal of Political Economy*, 106(6). 1113–1155.

Lee K. C., Kwok C. C. Y. (1988). Multinational Corporations vs. Domestic Corporations: International Environmental Factors and Determinants of Capital Structure. *Journal of International Business Studies*, 19(2). 195–217.

Lehmann A., Sayek S., Kang H.G. (2004). Multinational Affiliates and Local Financial Markets. *IMF Working Paper*, 04(107). 26.

Moreira M. L. M., Brito R. D. (2006). Fatores determinantes da duração da dívida corporativa no Brasil. *Revista de Economia e Administração*, (5). 450–469.

Novaes, W., & Werlang, S. R. C. (1998). Capital Structure Choice of Foreign Subsidiaries: Evidence from Multinationals in Brazil.

Ensaios Econômicos EPGE, 340, 36 p.

Oliveira G. R. [e.a.]. (2012). Determinantes da Estrutura de Capital das Empresas Brasileiras: uma abordagem em regressão quantílica. *Trabalhos para Discussão Banco Central do Brasil*, 272. 1–37.

Rajan R., Zingales L. (1995). What do we Know About Capital Structure? Some Evidence from International Data. *Journal of Finance*, 50(5). 1421–1460.

Terra P.R.S. (2007). Estrutura de capital e fatores macroeconômicos na América Latina. *Revista de Administração de Empresas*, 42(2). 192–204.

Titman S., Wessels, R. (1988). The Determinants of Capital Structure Choice. *The Journal of Finance*, 43(1). 1–19.

Wooldridge J. M. (2002). *Econometric Analysis of Cross Sections and Panel Data*. Cambridge, MA: The MIT Press. 1096.

Информация об авторах

Жоа Пауло Мартинс Линарес,
Sumitomo Mitsui Banking Corporation
173, Camilo str., São Paulo, Brazil
jplinhares@yahoo.com.br
ORCID: 0000-0003-2291-4367

Ся Хуа Шенг, профессор, Департамент финансов
Getuio Vargas Foundation (FGV-EAESP)
474, Itapeva Str., São Paulo, Brazil
hsia.sheng@fgv.br

Даниэла Верзола Ваз, профессор, Департамент экономики, Федеральный университет Сан-Паулу
1500, Sena Madureira Str., São Paulo, Brazil
daniela.vaz@unifesp.br

Нилтон Деодора Мореира Кардозо Жуниор, профессор, департамент экономики, INSPER
300, Olimpia Str., São Paulo, Brazil, 04546-042
nilton_cardoso@hotmail.com

About the Authors

João Paulo Martins Linhares,
Sumitomo Mitsui Banking Corporation
173, Camilo str., São Paulo, Brazil, 05045-020
jplinhares@yahoo.com.br
ORCID: 0000-0003-2291-4367

Hsia Hua Sheng, Professor, Department of Finance,
Getuio Vargas Foundation (FGV-EAESP)
474, Itapeva Str., São Paulo, Brazil, 01332-000
hsia.sheng@fgv.br

Daniela Verzola Vaz, Professor, Department of Economics Federal University of São Paulo
1500, Sena Madureira Str., São Paulo, Brazil, 06110-295
daniela.vaz@unifesp.br

Nilton Deodoro Moreira Cardoso Junior,
Professor, Department of Economics, INSPER
300, Olimpia Str., São Paulo, Brazil, 04546-042
nilton_cardoso@hotmail.com

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-114-129

Виктор Александрович КРАСИЛЬЩИКОВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
flvictor@mtu-net.ru
ORCID: 0000-0003-1402-3310

Бразилия: от успехов – к системному кризису

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется социально-экономическое развитие Бразилии с середины 1990-х гг. до наших дней. Особое внимание уделено процессу деиндустриализации, которая выражается в уменьшении доли обрабатывающей промышленности в ВВП, занятости и товарном экспорте страны, тогда как возрастает роль первичного, аграрно-сырьевого сектора в экономике и внешней торговле Бразилии. В статье отмечаются достижения Бразилии в снижении массовой бедности и социального неравенства, в развитии образования и расширении каналов социальной мобильности. В то же время утверждается, что модель развития, казавшаяся успешной до 2012 г., объективно исчерпала себя. Она предполагала баланс интересов разных социальных сил, но этот баланс разрушился в изменившихся условиях, а те социальные силы, которые могли бы осуществить переход к новой модели развития, оказались слабее тех, которые заинтересованы в специализации Бразилии на аграрно-сырьевом экспорте. Автор трактует политические события 2015–2017 гг., включая импичмент президенту Дилме Руссефф, как контрнаступление консервативных сил на фоне коррупционного скандала Lava Jato, потрясшего основы бразильской политической системы. Главный вы-

вод автора состоит в том, что выход из кризиса, в котором оказалась Бразилия, будет долгим и болезненным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бразилия, деиндустриализация, Дилма Руссефф, кризис, Лула да Силва, социальная политика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Красильщиков В.А. (2017). Бразилия: от успехов – к системному кризису. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 114-129. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-114-129

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира».

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-114-129

Victor A. KRASILSHCHIKOV

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

f1victor@mtu-net.ru

ORCID: 0000-0003-1402-3310

Brazil: From Successes to the Systemic Crisis

ABSTRACT. *The paper focuses on the socioeconomic development of Brazil from the mid-1990s up to today. The author puts a special attention to the process of deindustrialisation, which has been expressed in the diminishing share of manufacturing industry in GDP, employment and the structure of goods' export whereas the role of the primary sector increases in economy and the external trade. The paper scrutinises the achievements of Brazil in reduction of poverty and social inequality, in development of education and enlargement of the social mobility's channels. At the same time, the author argues that the model of development, apparently successful in 2003–2012, has exhausted itself in the changed conditions. It presupposed the balance of different interests, but this balance has been destroyed. Meanwhile, the social forces that could realise a transition to the new model of development have been weaker than the forces interested in exportation of commodities. The author treats political events in the country in 2015–2017, including the impeachment to Dilma Rousseff, as the counteroffensive of conservative forces in the context of Lava Jato ("car-wash") corruption scandal which has shaken the fundamentals of Brazil's political system. The main conclusion the author makes from his analysis is that any exit from the deep crisis the country undergoes now will be long and painful.*

KEYWORDS: *Brazil, crisis, deindustrialisation, Dilma Rousseff, Lula da Silva, social policy*

FOR CITATION: Krasilshchikov V.A. (2017). Brazil: From Successes to the Systemic Crisis. *The Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 114–129 DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-114-129

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Division of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macroeconomies of the Modern World".*

На протяжении почти десяти лет, с 2003 по 2012 г., Бразилия представлялась одной из наиболее успешно развивающихся стран. Демонстрируя высокие темпы экономического роста, страна добилась больших успехов в искоренении бедности и нищеты, в развитии массового образования и в снижении социального неравенства, хотя последнее по-прежнему остается очень высоким. Но с 2013 года дела в Бразилии начали идти все хуже и хуже. Рост экономики сменился затяжным спадом, упала конкурентоспособность страны на мировом рынке, возросла соци-

альная напряженность. Бразилию сотрясла серия коррупционных скандалов. В результате импичмента была отстранена от должности президент Дилма Руссефф, а в отношении нынешнего президента Мишеля Темера также проводится антикоррупционное расследование. В целом сегодняшнее положение дел в Бразилии можно охарактеризовать как системный кризис, который, однако, был во многом подготовлен предыдущим этапом развития страны.

Экономика: от роста к спаду

Для лучшего понимания того, как видимые успехи привели к нынешнему состоянию, нужно рассмотреть, как развивалась страна на протяжении достаточно большого промежутка времени. Условной отправной точкой отсчета можно считать 1992 г., когда за коррупцию был отрешен от должности президент страны Фернанду Коллор ди Мелу, пытавшийся бороться с инфляцией методом «шоковой терапии» и взвинтивший ее до 2000% в годовом исчислении. С тех пор, казалось, время «простых решений» в бразильской экономике закончилось и страна приступила к устранению не симптомов проблем, а их причин. Назначенный после отставки Коллора на пост сначала министра иностранных дел, а потом, в мае 1993 г., министра финансов Фернанду Энрике Кардозу подошел к проблеме инфляции не как экономист-технократ, а как ученый-социолог. Осуществленный им «План Реал» по стабилизации денежно-кредитной системы исходил из того, что у инфляции есть свои «герои», заинтересованные в ее продолжении. Это в первую очередь политики, раздающие обещания, которые предполагают денежную эмиссию. Во-вторых, это банкиры, которые наживались за счет колебаний курса национальной валюты и других спекулятивных операций в условиях инфляции. В-третьих, это предприниматели, которые в своих контрактах заранее завышали цены в ожидании

инфляции. К ним, в-четвертых, примыкали организованные в профсоюзы рабочие, которые требовали индексации заработной платы, чем пользовались их работодатели, чтобы заранее оправдать повышение отпускных цен. И только самые бедные и незащищенные слои населения больше всех страдали от инфляции, не получая от нее никаких выгод (Cardoso, 2013, p. 225–228).

Значит, стремясь обуздать инфляцию, нужно было создать механизмы, которые бы сделали ее невыгодной, по крайней мере для большинства бразильцев.

Нередко «План Реал» сводят к тому, что в обращение наряду с обесценивавшейся на глазах денежной единицей крузейро была введена новая – реал, приравненная к американскому доллару и вскоре вытеснившая крузейро из обращения. На самом деле «План Реал» включал в себя меры по сокращению бюджетных расходов и наличного обращения. У него было и социальное измерение. Ведь ранее банковские счета (индексируемые в условиях инфляции!) открывались только тем, чьи месячные доходы были не менее шести минимальных заработных плат. Естественно, огромные массы тружеников, получив зарплату, тут же бросались ее отovarивать, что создавало дополнительное инфляционное давление на рынке. «План Реал» покончил с такой дискриминационной мерой по отношению к большинству бразильцев, дав им возможность пользоваться современной банковской системой. И одновременно были сбиты инфляционные ожидания, подогревавшие саму инфляцию.

В результате осуществления «Плана Реал» инфляция с десятков процентов уменьшилась сначала до нескольких процентов в месяц, а потом и в год – впервые за многие десятилетия (Таблица 1). Успех в обуздании инфляции открыл Кардозу путь к президентству. В октябре 1994 г. он в первом же туре победил своего бывшего союзника по борьбе против диктатуры – левого кандидата Луиса Инасиу Лулуда Силву.

В сочетании с продуманной программой приватизации госсектора подавление инфляции благотворно сказалось на инвестициях и динамике экономического роста, который стал более стабильным, хотя и не столь высоким, как в годы экономического «чуда» (1967–1975 гг.) при военном режиме (Таблица 2).

Укреплению финансовой стабильности способствовал Закон о фискальной ответственности, проведенный Кардозу в 2000 г. вопреки сопротивлению различных групп бизнеса и региональных элит. Согласно этому закону, все бюджетные расходы должны контролироваться Счетным трибуналом (аналогом Счетной палаты) и

Таблица 1. Динамика потребительских цен в Бразилии, 1990–2017 гг., годовой прирост в процентах

1990	1992	1994	Средн. за 1990–1994	1995	Средн. за 1996–2000	Средн. за 2001–2005	Средн. за 2006–2010
2862,4	981,8	2111,6	1376,4	66,0	7,2	8,7	4,7
2011	2012	2013	2014	2015	Средн. за 2011–2015	2016	2017 а)
6,6	5,4	6,2	6,3	9,0	6,7	8,8	3,7

а) – оценка по данным за 9 месяцев года.

Источники и расчеты автора по: CEPAL/ECLAC. 1996. P. 100–101; CEPAL/ECLAC. 2002. P. 94–95; CEPAL/ECLAC. 2010. P. 172; CEPAL/ECLAC. Anuario...2016. Santiago de Chile, NU, 2017, la versión electrónica. URL: http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/2.3.1.2.xls. (Accessed: 02.10.2017); IBGE. Sistema Nacional de Índices de Preços ao Consumidor. Séries Históricas, versão electrónica. URL: https://ww2.ibge.gov.br/home/estatistica/indicadores/precos/inpc_ipca/defaultseriesHist.shtm. (Accessed: 11.10.2017)

Таблица 2. Темпы роста экономики в Бразилии, 1990–2017 гг. (в процентах к предыдущему году)

1990	1992	1994	Средн. за 1990–1994	1995	Средн. за 1996–2000	Средн. за 2001–2005	Средн. за 2006–2010
–4,4	–0,5	5,9	1,3	4,2	2,1	2,9	4,5
2011	2012	2013	2014	2015	Средн. за 2011–2015	2016 а)	2017 б)
3,9	1,9	3,0	0,1	–3,8	0,1	–3,6	–1,4

а) – IV квартал 2016 г. к IV кварталу 2015 г.

б) – II квартал 2017 г. ко II кварталу 2016 г.

Источники и расчеты автора по: CEPAL/ECLAC. Anuario estadístico... 2016, la versión electrónica. URL: http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/2.1.1.1.xls, (Accessed: 02.10.2017); IBGE. Contas Nacionais Trimestrais, versão electrónica. URL: <https://ww2.ibge.gov.br/home/estatistica/indicadores/pib/defaultcnt.shtm>. (Accessed: 11.10.2017)

его соответствующими подразделениями на уровне штатов, городов и муниципий. При этом федеральное правительство не отвечает за долги штатов и предприятий, находящихся в госсобственности, а власти штатов – за долги городов, муниципалитетов и т.д. Одновременно само правительство старалось придерживаться принципа первичного профицита бюджета, хотя на первых порах и не достигало этой цели. Либерализация внешней торговли в сочетании со стабильным курсом реала к доллару способствовала росту импорта, что вело к отрицательному сальдо внешней торговли, которое покрывалось за счет притока как прямых, так и спекулятивных инвестиций и краткосрочных займов, а правительство и Центральный банк Бразилии, сдерживая инфляцию, поддерживали высокую учетную ставку процента. Так, за 20 с небольшим лет, с 1996 по 2017 г., она ни разу не опускалась ниже 7,12% (с середины января до начала июня 2013 г.), а в периоды обострения атак финансовых спекулянтов и угрозы ускорения инфляции в 1998–1999 гг. и вовсе превышала 40%¹.

Неудивительно, что при завышенной ставке банковского процента и паритете реала и доллара бразильская валюта стала предметом финансовых спекуляций. В январе 1999 г. правительство согласилось на плавающий курс реала, что означало отказ от одного из основных принципов первоначального плана. С тех пор курс реала колебался в диапазоне от 4 реалов за доллар в 2003 г. до 1,56 реала – в 2011 г. с последующей девальвацией до 3,3 реала в середине 2017 г.².

Колебания курса реала помогли преодолеть отрицательное сальдо по торговле товарами, которое сохранялось вплоть до 2000 года, после чего стало положительным и остается таковым до сих пор (исключение – 2014 г.). Правда, учитывая экспорт и импорт услуг, положительное торговое сальдо просуществовало всего с 2002 по 2009 год, а с 2010 г. общий торговый баланс вновь стал отрицательным – из-за превышения импорта услуг над их экспортом. И только в 2016 г. положительное сальдо по товарам превысило отрицательное сальдо по услугам³.

Однако вроде бы благополучные показатели внешней торговли Бразилии сочетаются с процессом деиндустриализации – сокращением доли обрабатывающей индустрии в занятости, ВВП и экспорте страны.

Доля обрабатывающей промышленности в бразильском ВВП достигла своего максимума в 1985–1986 гг. – 32,5%. С тех пор она неуклонно снижалась, опустившись к 2015 г. до 9,8% при подсчете в текущих ценах и до 10,8% – в постоянных долларовых ценах 2010 года. Правда, абсолютный объем стоимости, добавленной переработкой в обрабатывающей индустрии (в постоянных ценах) страны продолжал, хотя и с колебаниями, увеличиваться вплоть до 2013 года. Но с 2014 г. и этот объем начал сокращаться⁴.

Соответственно сократились как абсолютное число, так и доля тех, кто работал в обрабатывающей промышленности страны. Максимум этого показателя, согласно данным Бразильского Института географии и статистики, был достигнут в благо-

1 Данные Центрального Банка Бразилии (Banco Central do Brasil. URL: <http://www.bcb.gov.br/Pec/Copom/Ingl/taxaSelic-iasp#notas> (Accessed: 05.09.2017)

2 International Monetary Fund, Exchange Rate Archives. URL: https://www.imf.org/external/np/fin/data/rms_mth.aspx?SelectDate (Accessed: 05.09.2017)

3 Данные Министерства промышленности, внешней торговли и услуг (Ministério da Indústria, Comércio Exterior e Serviços). URL: <http://www.mdic.gov.br/index.php/comercio-exterior/estatisticas-de-comercio-exterior/series-historicas> (Accessed: 12.10.2017)

4 Databases of UNCTAD. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>. (Accessed: 12.10.2017); CEPAL/ECLAC. Anuario.../Statistical Yearbook... 2016. Santiago de Chile, NU, 2017 – la versión electrónica. URL: http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/... 2.1.1.3.xls, 2.1.1.5.xls, 2.1.1.28.xls, 2.1.1.38.xls. (Accessed: 12.09.2017)

получном 2007 г. – 13,1 млн человек; в середине 2017 г. в этом секторе экономики трудилось около 12 млн человек, что составило 11,6% от общего числа занятых (IBGE, 2017, p. 21)⁵.

Наконец, уменьшилась доля готовых промышленных изделий в товарном экспорте Бразилии – с 58,9% в 1993 г. и 58,4% – в 2000-м до 39,5% в 2009-м и до 34,1% в 2011-м (34,8% – в 2014 г.). Некоторое увеличение этой доли до 38,1% в 2015 г. можно объяснить падением цен на аграрно-сырьевые товары, в первую очередь на соевые бобы, говядину и железную руду, экспортировавшиеся Бразилией. В абсолютном объеме экспорт готовых промышленных товаров в последние годы также сокращался: с 88,3 млрд долл. в 2008 г. до 77,5 – в 2014-м и 71,9 млрд – в 2015-м (с временным увеличением до 86,6 – в 2011 г.)⁶. Зато основными статьями экспорта страны стали соевые бобы и железная руда. В 2010–2015 гг. они в сумме составляли в среднем за год 21,2% всего экспорта (т.е. включая и товары, и услуги), тогда как в 2000–2001 гг. на первом месте в бразильском экспорте стояли пассажирские самолеты – 6,3 и 5,8% соответственно⁷.

Следует отметить, что деиндустриализацию в Бразилии называют незрелой, преждевременной, а также негативной – в противоположность деиндустриализации, которая протекает в развитых странах вследствие прогрессивных технологических изменений (Bresser-Pereira, 2012, p. 13; Dávila-Fernández, 2015, pp. 577, 581, 585, 595–597; Feijó, Carvalho, Almeida, 2005, pp. 1–3, 5, 13, 16; Oreiro, Feijó, 2010, p. 223; Marconi, Rocha, 2012; Salama, 2012a,

pp. 224–225, 242–246; Salama, 2012b, pp. 66–68; Salama, 2014, pp. 98–100). Считается, что в Бразилии этот процесс начался под влиянием внешних факторов, прежде всего иностранной конкуренции со стороны более успешных развивающихся стран. В частности, немалый «вклад» в бразильскую деиндустриализацию внесло как развитие отношений с Китаем, так и само экономическое наступление КНР по всему миру.

В условиях кризиса 2008–2009 гг. бразильская экономика переориентировалась с хорошо знакомых рынков США и Западной Европы на Китай. Конечно, предпосылки для такой переориентации складывались в течение предыдущих лет, когда быстро возрастали объемы бразильско-китайской торговли и китайских инвестиций в бразильскую экономику. Но именно благодаря кризису Китай выдвинулся на первое место среди торговых партнеров Бразилии и занимает его до сих пор. Так, если в 2000 г. доля КНР во внешнеторговом обороте Бразилии составляла всего 1,9%, то в 2009-м она поднялась до 12,9%, в 2010-м – до 14,7%, а в 2015 и 2016 гг. была равна соответственно 18,3 и 18,1%⁸.

Безусловно, связи с Китаем помогли Бразилии, как и другим странам Латинской Америки, пройти кризис 2008–2009 гг. с минимальными потерями. Но эти связи способствовали ослаблению конкурентоспособности бразильской индустрии. По существу же торгово-экономические отношения двух стран напоминают отношения между промышленно развитым центром, коим выступает Китай, и аграрно-сырьевой перифе-

5 См. также: IBGE. Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios Contínua – Trimestral. URL : https://ww2.ibge.gov.br/home/estatistica/indicadores/trabalhoerendimento/pnad_continua/default.shtm (Accessed: 12.10.2017)

6 CEPAL/ECLAC. Anuario.../Statistical Yearbook... 2016. Santiago de Chile, NU, 2017 – la versión electrónica. URL: http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/2.2.2.2.xls, 2.2.2.4.xls (Accessed: 06.09.2017)

7 Источник и расчеты автора по: CEPAL/ECLAC. Anuario.../Statistical Yearbook... 2016. Santiago de Chile, NU, 2017 – la versión electrónica. URL: http://interwp.cepal.org/anuario_estadistico/Anuario_2016/datos/2.2.2.20.xls. (Accessed: 13.09.2017)

8 Расчеты автора по данным Министерства промышленности, внешней торговли и услуг. URL: <http://www.mdic.gov.br/comercio-exterior/estatisticas-de-comercio-exterior/balanca-comercial-brasileira-acumulado-do-ano> (Accessed: 12.10.2017)

рией, на положении которой оказалась Бразилия. Такие отношения не могут способствовать дальнейшей модернизации Бразилии; наоборот, они, скорее, препятствуют ей.

Но можно ли объяснять деиндустриализацию в Бразилии только давлением внешней конкуренции и доминированием финансового сектора, который отвлекает ресурсы от инвестирования в индустрию?

На самом деле предпосылки нынешней бразильской деиндустриализации уходят корнями в период ее бурного роста при военном режиме. Именно тогда при увеличении инвестиций в промышленность и инфраструктуру началось падение прибыльности в промышленности и ее эффективности в целом, которое продолжалось до середины 1990-х годов. Инвестировать в этот сектор экономики становилось все менее выгодным, зато на фоне его уменьшающейся доходности становился все более привлекательным финансовый сектор (Gaulard, 2011, pp. 177–185). Некоторый рост эффективности капитала вместе с ростом производительности труда в промышленности во второй половине 1990-х гг. не мог, однако, переломить тенденцию, наметившуюся ранее.

Выход из сложившегося положения совершенно справедливо представляется на путях технологической модернизации экономики, повышения производительности и выхода на внешние рынки с товарами, которые содержат высокую долю добавленной стоимости. Но достаточно ли для этого пересмотреть финансово-экономическую политику, снизив ставку процента и девальвируя реал? Не слишком удачный опыт осуществления двух взаимосвязанных друг с другом программ, принятых последовательно при Луле и Дилме Руссефф – Программы ускорения роста (2007–2010 гг.) и Плана Большой Бразилии (2011–2014 гг.) – заставляет сомневаться в том, что одних экономических мер достаточно для решения проблемы деиндустриализации.

Социальная модернизация в Бразилии: достижения и новые проблемы

Несмотря на всю остроту экономических проблем, с которыми сейчас столкнулась Бразилия, главными для страны являются все же не экономические, а социальные и институциональные проблемы, которые препятствуют экономической и технологической модернизации.

Одна из главных таких проблем, унаследованных от прошлого, – существование обширного класса людей, выходцев из деревни, не находивших себе применения на селе и искавших «удачи» в быстро растущих городах, где они, однако, могли рассчитывать только на плохо оплачиваемую, неквалифицированную работу. Эти новые обитатели городов вместе с теми, кто оставался в деревне, работая по найму, образовывали специфический класс субпролетариата (*subproletariado*) (Singer, 1981, p. 22–24, 85–94, 105–120, 131–133). По разным оценкам, его численность в Бразилии достигала от одной трети до половины населения страны, увеличившись за годы экономического «чуда» под эгидой авторитарного режима.

К рубежу 1980–1990-х годов треть населения страны жила за чертой бедности, а еще одна треть по своим доходам лишь немного возвышалась над этой чертой (Jaguaribe [e. a.], 1986, p. 17–21, 41–44; Jaguaribe, 1993, p. 11–13). Ситуация начала меняться в середине 1990-х гг., когда при неолиберальной экономической политике правительства Кардозу было принято к исполнению около полусотни социальных программ, направленных на снижение бедности и социального неравенства. Среди них стоит упомянуть программы «Школьный кошелек» (*Bolsa Escola*), которая при Луле да Силве трансформировалась в программу «Семейный кошелек» (*Bolsa Familia*), и «Свет для всех» (*Luz para Todos*). Первая из них предусматривала выплату пособий бедным семьям, чтобы их дети могли посещать школу, а потом

была расширена с целью снижения бедности, но по-прежнему условием получения пособия оставалось посещение детьми школы. Вторая означала электрификацию отдаленных глухих уголков Севера и Северо-Востока страны. Наконец, благодаря программе «Голод – ноль» (Fome Zero), осуществленной при Луле, в стране было покончено с голодом среди бедного населения. И самое главное – в стране за время правления Кардозу и Лулы (1995–2010 гг.) существенно увеличились расходы на образование и здравоохранение (Таблица 3).

В целом же к концу благополучного периода, т.е. к 2012–2013 гг., более 70 процентов всех государственных расходов – 73,5% в 2005–2010 гг. – направлялись на социальные нужды. Во всей Латинской Аме-

рике только Уругвай немного, менее чем на один процентный пункт превосходил Бразилию по этому показателю.

Увеличившиеся социальные расходы – наряду с повышением минимальной заработной платы, которая в реальном выражении увеличилась с 1995 по 2016 г. в 1,7 раза, – сократили долю бедных за 1995–2014 гг. на 20 процентных пунктов. Особенно заметным это сокращение было за годы правления Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф с их Партией Трудящихся, когда более 30 миллионов бразильцев вырвались из бедности и нищеты⁹. Одновременно в Бразилии, как и в большинстве стран Латинской Америки, за последние двадцать лет снизился уровень неравенства в доходах, хотя это неравенство по-прежнему остается очень высоким. Дина-

Таблица 3. Государственные расходы в Бразилии на образование, здравоохранение и социальные нужды в целом, 1995–2012 гг., в постоянных долларах США 2005 г. и в процентах ВВП, в среднем за соответствующие годы

	1993– 1994	1995– 1996	1997– 1998	1999– 2000	2001– 2002	2003– 2004	2005– 2006	2007– 2008	2009– 2010	2011– 2012
Все социальные расходы на душу населения, долл. 2005 г.	750	865	901	930	963	1028	1120	1291	1444	1512
– в т.ч. в процентах ВВП	18,2	20,0	20,5	21,4	21,6	22,4	23,1	24,6	26,6	–
Расходы на образование на душу населения, долл. 2005 г.	176	202	209	225	204	221	224	273	311	–
Расходы на образование в процентах ВВП	4,3	4,7	4,8	5,2	4,6	4,8	4,7	5,3	5,8	–
Расходы на здравоохранение на душу населения, долл. 2005 г.	125	174	167	169	175	194	212	244	276	–
Расходы на здравоохранение в процентах ВВП	3,0	4,0	3,8	3,9	4,0	4,3	4,4	4,7	5,1	–

Источник: CEPAL. Panorama Social de América Latina 2013, anexo estadístico, la versión electrónica en Excel, cuadros 32–33, 35–36, 39–40 URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/35904/6/Cuadros_estadisticos_2013_es.xlsx (Accessed: 18.10.2017)

⁹ По критериям СЕПАЛ (Экономической Комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну) семья считается бедной, если тратит на покупку продуктов питания 50 и более процентов своих текущих расходов. Соответственно уровень нищеты равен половине уровня бедности.

мика указанных изменений представлена в Таблице 4.

Уменьшению бедности способствовало также создание новых рабочих мест и расширение формальной занятости (т.е. с трудовыми книжками и банковскими карточками). Благодаря этому безработица в стране уменьшилась с 10,0% в 2001 г. до 6,7% в 2012 г., однако в самые последние годы она вновь увеличилась, составив в начале 2017 г. 13,7%¹⁰.

Проблема, однако, состоит не столько в возросшей безработице в последние годы, сколько в качестве той занятости, которая увеличивалась в предшествующий период. Большая часть новых рабочих мест создавалась в сфере услуг, где не требовалась высокая квалификация работников. И в то же время в Бразилии заметно вырос уровень образования экономически активного населения, хотя в стране по-прежнему остро стоит проблема качества образования, особенно школьного

в бедных районах Северо-Востока. Так, доля тех, кто обучался 10 и более лет, среди городского населения в возрасте от 25 до 59 лет выросла с 33,1% в 1999 г. до 55,5% в 2013-м, среди сельского – с 7,2% до 20,4% соответственно. У молодежи в возрасте от 15 до 24 лет эти показатели, естественно, еще выше: среди горожан доля лиц, обучавшихся 10 и более лет, увеличилась за те же годы с 30,4% до 53,1%, среди сельского населения – с 10,0% до 32,8% соответственно¹¹. Благодаря общему уменьшению бедности и программам «Фонда Студенческого Финансирования» и «ПроУни», по которым студентам из бедных семей выделяются стипендии для обучения в государственных и частных университетах, в 2015 г. высшим образованием были охвачены 18,4% бразильцев в возрасте от 18 до 24 лет – по сравнению с 11,4% в 2005 году. При этом среди студентов государственных колледжей и университетов увеличилась доля тех, кто вышел из семей, принад-

Таблица 4. Изменение показателей минимальной заработной платы, бедности и социального неравенства в Бразилии, 1996–2016 гг.

	1996	1999	2002	2005	2008	2011	2014	2016
Минимальная заработная плата, реал/месяц	112	136	200	300	415	540	724	880
Доля бедных в населении страны,%%	35,8	37,5	37,8	36,4	25,8	20,9	16,5	
Количество бедных, млн человек	57,9	63,2	68,0	68,3	49,5	41,9	34,0	
Коэффициент Джини по всему населению	0,637	0,640	0,634	0,613	0,594	0,559	0,548	

Источник и расчеты автора по: Salário Mínimo. URL: <http://www.salariominimo.net.br/> (Accessed: 23.09.2017); CEPAL/ECLAC. 2002. P. 173; CEPAL/ECLA. 2007. P. 23; CEPAL/ECLAC. 2010. P. 23; CEPAL/ECLAC. 2015. P. 19; CEPAL. Panorama Social de América Latina 2015. Santiago de Chile: NU, 2016, anexo estadístico, la versión electrónica en Excel, cuadros 4 y 14. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39965/7/S1600175Ganexo_es.xlsx (14.10.2017); IBGE.2015.P.87 (gráfico 5.5)

10 IBGE. Pesquisa Nacional por Amostra de Domicílios Contínua. Divulgação trimestral. Abril a Junho de 2017. Divulgada em 17 de agosto de 2017. Tabela 27. Taxa de desocupação das pessoas de 14 anos ou mais de idade URL: https://ww2.ibge.gov.br/home/estatistica/indicadores/trabalhoerendimento/pnad_continua/default.shtm (Accessed:23.09.2017)

11 CEPAL. Panorama Social de América Latina 2014. Anexo estadístico (versión electrónica). Cuadros 26, 27. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37626/anexo_estadistico2014_es.zip?sequence=5 (Accessed: 16.10.2017)

лежавших по уровню душевых доходов к двум нижним квинтилям – с 8,1% в 2005 г. до 22,3% в 2015-м. Среди студентов частных высших учебных заведений эта доля увеличилась соответственно с 2,9 до 14,8% (IBGE, 2016, pp. 62–65). Налицо, таким образом, заметное расширение каналов социальной мобильности для тех, для кого еще недавно они были практически перекрыты.

Однако в условиях деиндустриализации в Бразилии обозначилось такое явление, как потеря «ренity от образования» – относительное уменьшение заработной платы тех, кто имеет высокий образовательный уровень, по сравнению с возросшей минимальной заработной платой. Так, в 2012–2013 гг., на излете периода успешного развития, в сфере телекоммуникаций и обработки данных в Бразилии работало чуть меньше полутора миллионов человек, но средняя заработная плата рядового оператора в этой сфере составляла 706 реалов в месяц – всего на 14% больше минимума, установленного тогда законом (Singer A., 2013, p. 27).

Такое положение вызывало социальную напряженность, которая прорвалась наружу в середине 2013 г., когда власти крупных городов решили повысить плату за проезд в автобусах и метро на 10–15 процентов, чтобы компенсировать возросшие расходы на подготовку к Чемпионату мира по футболу 2014 г. и Олимпийским играм 2016 г. Десятки тысяч людей вышли на улицы, протестуя против такого решения. Примечательно, что демонстранты протестовали не только против повышения тарифов, но и против коррупции, неэффективной, по их мнению, социальной политики властей, против нерационального использования бюджетных средств, показав тем самым возросшую зрелость гражданского общества в стране. Подтверждением тому стали некоторые

лозунги демонстрантов: «Стадионы как в первом мире, а больницы как в третьем мире?», «Долой футбол – давай школу», «Хороший профессор стоит дороже футболиста». Всё это казалось настолько необычным, что Кардозу, скорее не как бывший президент, а как ученый-социолог, заметил в интервью газете «Фолья де Сан-Паулу»: «Ни один теоретик прошлого не мог бы понять, что сегодня происходит на улицах»¹². По мнению ветерана бразильской социологии, за протестами стояло нечто большее, чем сугубо материальный интерес, хотя и он имел значение, а именно – проблема качества жизни, которая лежит как бы поверх социально-классовых различий, но, конечно, по-разному проявляется для бедных и для богатых.

Социальная политика ПТ, сделав упор на рост потребления бедных, что само по себе в условиях Бразилии было настоятельной необходимостью, недооценила формирование постматериальных потребностей – наряду с потребностями материальными – городского среднего класса: в здоровой окружающей среде, особенно в больших городах, в безопасности, в возможности профессионального роста, не говоря уж о качественном образовании и здравоохранении. Далеко не случайно ядро демонстрантов в больших городах в середине 2013 г. составили люди в возрасте до 39 лет, а 70–80 процентов из них имели высшее образование или учились в университетах (Singer A., 2013, pp. 27–28).

Протесты против повышения платы за проезд в метро и автобусах на самом деле обозначили предел модели развития, сложившейся, в свою очередь, как ответ на исчерпанность этатистской модели индустриализации 1930–1980 гг. По оценкам бразильских экономистов и социологов, чтобы продолжать социальные реформы как при Луле, т.е. как в первом

12 Folha de São-Paulo. 22 de Junho de 2013. URL: <http://www1.folha.uol.com.br/poder/2013/06/1299535-nenhum-partido-va-ganhar-com-protestos-afirma-fhc.shtml>. (Accessed: 05.10.2017)

десятилетия нынешнего века, нужно было бы обеспечить рост экономики темпом около 5% в год (Singer A., 2015, p. 46). Но обеспечить такую динамику при сложившейся структуре экономики и общества, при данной внешнеэкономической конъюнктуре было невозможно. Возникла кризисная ситуация с неизбежным обострением социально-политических конфликтов. И за уличными демонстрациями 2013 г. должны были последовать новые события, которые не заставили себя ждать.

История с автомойкой и государственный переворот

Поводом для обострения конфликтов послужила история с автомойкой Lava Jato, которая представляет собой тот случай, когда говорят: «Погорели на спичках». На автозаправочной станции с мойкой, закусочной, магазином и прачечной, расположенной недалеко от правительственного квартала в столице, был пункт обмена валюты. Существование этого пункта как бы вне банка (!) – ситуация не совсем обычная для Бразилии – привлекло внимание федеральной полиции, которая утром 17 марта 2014 года провела в нем обыск и закрыла его, начав расследование. Тем более что хозяин Карлуш Хабиб Шатер, потомок иммигранта из Ливана, в прошлом уже имел осложнения с законом на почве финансовых афер.

Оказалось, что на этой автомойке не только заправляли топливом и мыли автомобили, но и отмывали огромные деньги. И что одни концы ведут к центру города, где заседают депутаты Конгресса и министры, а другие – в штат Техас, где бразильский государственный нефтяной гигант «Петробраз» купил нефтеперерабатывающую компанию «Пасадена». Причем в 2006 г. «Петробраз» заплатил бельгийской «Астра-Ойл», владевшей компанией, 359 миллионов долларов за 50% ее акций в «Пасадене», тогда как годом раньше бельгийцы заплатили за все свои активы в ком-

пании всего 42 миллиона. А в 2012 г. «Петробраз» выкупил у бельгийцев оставшуюся у них часть за... 820 миллионов. Встал вопрос: а стоила ли эта компания таких денег?

Расследование выявило, что руководители «Петробраз» брали взятки с предпринимателей за предоставление им выгодных контрактов. Далее в «дело» вступали посредники, которые передавали деньги «нужным» политикам и высокопоставленным чиновникам. При этом в него были вовлечены хозяева и управляющие крупных частных компаний, занятых в агробизнесе, пищевой промышленности, телекоммуникациях, строительстве (конечно же!) и даже в таких благородных сферах, как ядерная энергетика. В 2015 г. на «чистую воду» стали «выплывать» политики. Одним из первых «всплыл» сенатор от штата Алагоас... Фернанду Коллор, бывший президент страны. Как говорится, взялся за старое... Всего же в этой истории оказалось замешано около двухсот человек, в том числе более сотни высокопоставленных и влиятельных политиков, включая председателей обеих палат Конгресса, бывших и действующих министров, префектов городов и губернаторов штатов, действующего и предыдущего президентов. По мере продвижения расследования начались судебные процессы. В марте 2017 г. был отправлен в тюрьму на 15 лет бывший председатель Палаты депутатов Конгресса Эдуарду Кунья, один из главных недоброжелателей Дилмы Руссефф. В июне 2017 г. был осужден к 12 годам тюрьмы бывший министр финансов при Луле, бывший глава администрации президента (Casa Civil) при Руссефф Антонио Палоччи. Под расследование попала и его преемница на посту главы Casa Civil Гляйзи Елена Хоффманн – вместе со своим мужем Паулу Бернарду, бывшим министром планирования в правительствах Лулы и Руссефф. Вновь угодил в тюрьму и Жозе Дирсеу, бывший руководитель администрации Лулы в ранге министра (с 1 января 2003 г. до 16 июня 2005 г.), однаж-

ды уже осужденный за коррупцию¹³. Сам же Лула начал препятствовать расследованию, когда оно коснулось его ближайших друзей и сподвижников. Сейчас бывший президент осужден на девять с половиной лет тюрьмы по обвинению в коррупции. Ему, в частности, вменяется получение взятки в 3,7 миллиона реалов, покровительство коррупции других и препятствование расследованию. Пока же (в сентябре 2017 г.) он оставался на свободе, поскольку вышестоящая судебная инстанция рассматривает апелляцию адвокатов.

Наконец, обвинения в коррупции прозвучали и в адрес Дилмы Руссефф, но в ходе и полицейского, и парламентского расследований они не подтвердились.

В настоящее время расследование продолжается, и список окончательно осужденных на тюремные сроки 26 человек, очевидно, скоро пополнится новыми именами.

На самом деле скандал Lava Jato выявил незавершенность политической модернизации Бразилии, что отражает и незавершенность социально-экономической модернизации страны. Попытка президента Дилмы Руссефф продвинуться дальше по пути такой модернизации встретила серьезное сопротивление и в конце концов стоила ей президентской должности.

Еще в 2012 г. ее правительство постаралось активизировать политику развития с упором на обрабатывающую промышленность, инфраструктуру и поощрение инноваций – в продолжение своего Плана Большой Бразилии. На пост министра финансов был назначен Гидо Мантега, сторонник активной промышленной политики и усиления государственного вмешательства в экономику. В свою очередь, Центральный банк Бразилии снижал учетную ставку процента с августа

2011 г. (с 12,42%) до начала марта 2013 г. (до 7,12%)¹⁴. Одновременно правительство, учитывая рост производительности в электроэнергетике, в 2012 г. снизило тарифы на электроэнергию для населения и промышленности на 20%.

Однако это не помогло ускорить рост экономики. Зато на фоне начинавшейся стагнации ускорилась инфляция, а финансовые круги стали открыто критиковать денежную политику властей. И уже с 18 апреля 2013 г. Центральный банк повысил ставку процента до 7,4. А в 2015–2016 гг. годовая ставка процента по краткосрочным кредитам и вовсе составила около 14 (13,75–14,25%) и только в начале 2017 г. снизилась до 13%, а с июля 2017-го была установлена на уровне 9,25%, что значительно перекрывает уровень инфляции¹⁵.

В Бразилии сторонники и противники развития условно называются «продуктивистами» и «рентистами». Первые выступают за реиндустриализацию на современной технологической основе, развитие научно-технологического потенциала и образования. Вторые – за модернизацию и инновации лишь в той мере, в какой это необходимо для эффективного функционирования финансово-банковской системы и экспорта сырья и сельскохозяйственной продукции (commodities), т.е. за модернизацию источников и способов получения ренты – как природной, так и финансовой. И те, и другие представлены на политической сцене разными коалициями, и в зависимости от конкретной ситуации состав каждой из них может меняться. Во время правления ПТ существовал баланс интересов «продуктивистов» и «рентистов», что выражалось в странном на первый взгляд политическом альянсе левой ПТ с правоцентристами. Так, еще в 2002 г., борясь за пост президента, Лула

¹³ Тогда Дирсеу не брал, а раздавал взятки депутатам от оппозиции, чтобы те голосовали в Конгрессе за законы «в пользу бедных».

¹⁴ См. примечание 3.

¹⁵ Там же.

пригласил в вице-президенты текстильного магната Жозе Аленкара, который выступал сначала от Либеральной партии, а потом от отколовшейся от нее Бразильской Республиканской партии. Аленкар проработал на своем посту в течение обоих президентских сроков Лулы. Баллотировавшись в президенты в 2010 г., Дилма Руссефф пригласила в вице-президенты Мишеля Темера от правоцентристской ПМДБ (Партии Бразильского Демократического Движения – Partido do Movimento Democrático Brasileiro). За этим альянсом стояли не только сугубо тактические соображения, а частичное совпадение интересов тех больших социальных групп, которых представляли его участники.

Дело в том, что социальная политика ПТ не могла за короткое время превратить десятки миллионов субпролетариев в современных работников. Около трети экономически активного населения страны – более 30 миллионов человек к концу правления Лулы (2009–2010 гг.) – оставались неготовыми к сложному промышленному труду и другим современным видам деятельности (Souza J. e.a., 2009, pp. 21–22, 122, 479–480). Но при этом они не хотели терять свои возросшие доходы и были заинтересованы в финансовой стабильности не меньше, чем экспортеры сырья и финансисты, извлекающие доходы на мировых финансовых рынках и благодаря высокой ставке процента. Финансовая стабильность с высоким курсом реала обеспечивала сторонникам ПТ рост личного потребления, в том числе благодаря притоку дешевых товаров из других стран Латинской Америки и из Китая. Она же позволяла пользоваться и потребительским кредитом для покупки бытовой техники.

В то же время, направляя силы и ресурсы на борьбу с бедностью, ни Лула, ни Руссефф не решились, однако, приступить к борьбе с клиентелизмом в экономической политике (а это – основа коррупции в широком смысле слова) и к глубокой реформе налогообложения, кото-

рая уже давно назрела. Действительно, максимальная ставка налога в Бразилии составляет 27,5% – это ниже, чем в США, не говоря уж о странах ЕС и Японии, а налог на наследство составляет всего от 2 до 4% стоимости наследуемого имущества. В Бразилии не облагаются налогами дивиденды, полученные физическими лицами. В то же время существуют высокие косвенные налоги, которые платят бедные, в частности, через тарифы на электричество и цены на продукты. Получается, что своими налогами бедные частично сами оплачивают те программы, которые вроде бы призваны улучшить их жизнь.

Очевидно, что сохранять баланс между сторонниками разных, во многом противоположных моделей развития можно было при продолжающемся росте экономики. Но рост остановился, и балансы начали разрушаться. В 2012–2013 гг. первой раскололась «продуктивистская» коалиция. Временный альянс предпринимателей-промышленников в лице Федерации индустрии штата Сан-Паулу и ряда профсоюзов работников обрабатывающей индустрии, заключенный во имя реиндустриализации и модернизации промышленности, распался. «Тяжесть» социальных программ, рост забастовочной активности промышленных рабочих и повышение их заработной платы при ухудшившейся конъюнктуре способствовали падению прибылей в обрабатывающей индустрии. Это заставило промышленный капитал вспомнить о своих непосредственных интересах и поддерживать финансовый сектор, с которым он, впрочем, давно был тесно связан. Примечательно, что в это же время ускорилось перемещение остатков старой индустрии, особенно текстильной и швейной промышленности, в соседний Парагвай, где рабочим можно платить на 30–40% меньше и не нужно тратить на столь обширные социальные программы.

Фактически таким образом силы, нацеленные на полномасштабную модернизацию страны, начали утрачивать свою

роль. Зато заметно укрепились и в экономике, и в политике позиции «сырьевиков» и агробизнеса, связанных с финансовыми рынками. И далеко не случайно в 2014 г. наряду с переизбранием Дилмы Руссефф на второй президентский срок Бразилия получила самый консервативный по своему составу Национальный Конгресс после 1985 г., когда военные передали власть гражданским политикам. Это сделало неизбежным – на фоне ухудшающейся экономической ситуации – открытый конфликт между Конгрессом и президентом, между правыми и левыми силами.

В этом конфликте Руссефф отступает, несмотря на свою победу на выборах. Альянс с ПМДБ уже не ограничивается повторным приглашением Мишеля Темера на пост вице-президента. В начале своего второго срока Руссефф назначает сенатора от ПМДБ Катю Абреу из штата Токантинс на важный пост министра сельского хозяйства. Эта дама открыто представляет интересы крупного агробизнеса. Тем самым автоматически предполагается если не полное сворачивание, то существенное замедление аграрной реформы, которая еще при Луле сбавила темп по сравнению с периодом правления Кардозу.

Действительно, с 2015 г. активизировалось сопротивление аграрной реформе, главным образом на Севере, Северо-Востоке и Западе страны, со стороны баронов агробизнеса с их отрядами вооруженной милиции. Нередко на их стороне выступают и государственные силы правопорядка в лице военной и гражданской полиции. Часто это сопротивление принимает крайне жесткие формы. Так, в апреле 2017 г. в штате Мату-Гроссу были убиты девять крестьян, участников Дви-

жения безземельных трудящихся (МСТ – MST, Movimento dos Trabalhadores Rurais sem Terra). В мае этого же года в штате Парá десять человек были убиты и еще четырнадцать ранены по приказу собственника земли, которую они заняли; владелец посчитал недостаточной ту компенсацию, которая полагалась ему по закону. За весь 2016 г. в ходе конфликтов по поводу владения землей был убит шестьдесят один человек (в 2015 г. – 55), больше, чем в 2003 г., когда эти конфликты обострились на фоне ускорения аграрной реформы еще в конце второго мандата Кардозу. Причем репрессии осуществлялись не только в отношении тех активистов МСТ, которые требовали продолжения аграрной реформы и захватывали чужие необрабатываемые земли. Они проводились и против экологов, обеспокоенных вырубкой амазонских лесов в интересах агробизнеса.

В то же время представители «рентистов» перешли в наступление на уровне федерального законодательства. Смещение Дилмы Руссефф с поста президента в августе 2016 г. под предлогом нарушения ею Закона о фискальной ответственности¹⁶ – лишь кульминация такого наступления. Не столь громким, но не менее важным стало то, что в течение одного лишь 2016 г. в Конгресс было внесено 11 принципиальных законопроектов и 29 проектов декрет-законов (т.е. правительственных постановлений, имеющих силу законов), направленных против социальных преобразований последних даже не тринадцати (время президентства Лулы и Руссефф), а двадцати лет (начиная с социал-демократа Кардозу). В частности, были пересмотрены законы, касающиеся лесного и водного хозяйства, ограни-

16 Президента обвинили в том, что она, минуя Конгресс, переводила деньги с одной статьи бюджета на другую и использовала часть денег банков развития, включая Национальный банк экономического и социального развития (BNDES – Banco Nacional do Desenvolvimento Econômico e Social), для финансирования социальных программ, причем использовала в долг, в объеме около 1% ВВП. Естественно, это увеличивало общий внутренний госдолг, что должно было лечь дополнительной нагрузкой на бюджеты следующих лет.

чивавшие вырубку лесов и защищавшие права индейских общин Амазонии. Было также дано «добро» на то, чтобы «демонетизировать» часть заработной платы, давая нанимателям право включать расходы на питание и проживание рабочих в состав их заработка¹⁷. Очевидно, что это касается главным образом низкооплачиваемых и обездоленных работников, занятых на временных и сезонных работах.

Наконец, после того, как Темер занял пост президента, был ограничен рост социальных расходов и резко, примерно вдвое, урезаны расходы на охрану окружающей среды. Одновременно было решено сократить площади природных заповедников и охраняемых территорий на 600 тысяч гектаров. И все это ради расширения посевных площадей с последующим увеличением аграрно-сырьевого экспорта, в первую очередь в Китай.

Таким образом, глубокий политический и экономический кризис в Бразилии сопровождается контрнаступлением консервативных сил, что только усугубит его течение. Очевидно, что это контрнаступление – в контексте дискредитации политических партий и государственных институтов из-за коррупционных скандалов – будет встречать сопротивление. Но смогут ли бразильские левые – в широком спектре, от леворадикальных групп до умеренно левых центристов – сохранить достигнутое за двадцать лет, с 1995 по 2014 г., и двинуться вперед? Найдутся ли вообще в стране силы, способные продвинуть вперед процесс модернизации? К сожалению, сегодня ответить на эти вопросы можно только словами «может быть». Ясно лишь, что выход из системного кризиса, в котором оказалась крупнейшая страна Латинской Америки, будет долгим и болезненным.

Список литературы / References

- Bresser-Pereira L.C. (2012). A taxa de câmbio no centro da teoria do desenvolvimento. *Estudos Avançados*, 29 (75). 7–28.
- Cardoso F.H. (com Brain Winter). (2013). *O Improvável Presidente do Brasil – recordações*. 2ª ed. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira. 368.
- Dávila-Fernández M.J. (2015). Desindustrialização e o investimento na infraestrutura como instrumento conciliador de uma política industrial base no Brasil. *Revista de Economia Política*, 35 (3). 576–600.
- Feijó C.A., Carvalho P.G., Almeida J.S.G. (2005). *Ocorreu Uma Desindustrialização no Brasil?* São Paulo: IEDI (Instituto de Estudos para o Desenvolvimento Industrial). 28.
- Gaulard M. (2011). Les causes de la désindustrialisation brésilienne. *Revue Tiers Monde*, (205). 171–190.
- Jaguaribe H. [e.a.]. (1986). *Brasil, 2000. Para um novo Pacto Social*. 3-a ed. Rio de Janeiro: Paz e Terra. 196.
- Jaguaribe H. (1993). *Crise na República: 100 anos depois. Primeiro ou Quarto Mundo?* Rio de Janeiro: Thex. 134.
- Marconi N., Rocha M. (2012). Taxa de câmbio, comércio exterior e desindustrialização precoce – o caso brasileiro. *Economia e Sociedade*. Campinas, (21). 853–888.
- Oreiro J.L., Feijó C.A. (2010). Desindustrialização: conceituação, causas, efeitos e o caso brasileiro. *Revista de Economia Política*, 30 (2), pp. 219–232.
- Salama P. (2012a). China-Brasil: Industrialización y “desindustrialización temprana”. *Cuadernos de Economía*, (31). 223–252.
- Salama P. (2012b). *Les économies émergentes latino-américaines: Entre cigales et fourmis*. Paris: Armand Colin. 225.
- Salama P. (2014). *Des pays toujours émergents?* Paris: La Documentation Française. 158.

17 Delcourt L. Brésil – Le coup d’État des ruralistes. Le regard du CETRI. Louvaine-la Neuve, 29 juin 2017. URL: <http://www.cetri.be/Bresil-Le-coup-d-Etat-des?lang=fr> (Accessed: 30.06.2017)

Singer A. (2013). Quatro notas sobre as classes sociais nos dez anos do lulismo. Perseu Abramo e Fundação Friedrich Ebert (org.). *Classes? Que Classes? Ciclo de Debates Sobre Classes-Sociais*. São Paulo: Fundação Perseu Abramo. 21–38.

Singer A. (2015). Cutucando Onças com Varas Curtas. O ensaio desenvolvimentista no

primeiro mandato de Dilma Rousseff (2011–2014). *Novos Estudos*, (102). 43–71.

Singer P. (1981). *Dominação e Desigualdade: Estrutura de classes e repartição da renda no Brasil*. Rio de Janeiro: Paz e Terra. 185.

Souza J. [e.a.]. (2009). *Ralé Brasileira: Quem É e Como Vive*. Belo Horizonte: UFMG. 484.

Информация об авторе

Виктор Александрович Красильщиков, доктор экономических наук, заведующий сектором, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
flvictor@mtu-net.ru

About the Author

Victor A. Krasilshchikov, Doctor of Economics, Head of a Sector, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
flvictor@mtu-net.ru

Проблемы Старого Света

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143

Анна Сергеевна ЧЕТВЕРИКОВА

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
chetverikova.anna@gmail.com

Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС

АННОТАЦИЯ. Миграционные вызовы, стоящие перед Евросоюзом, обострили многие внутренние противоречия объединения. Вишеградская группа и ее фактически общая политика в отношении беженцев является отражением части современных процессов в рамках ЕС. Несмотря на отсутствие сформированной «четверки», страны Вишеградской уже более двух лет регулируют миграционные вопросы на своем региональном уровне, привлекая соседние государства. В статье исследуется деятельность стран Вишеградской группы в условиях миграционного кризиса в ЕС, которая включает участие в общеевропейских мерах по борьбе с наплывом беженцев, а также начинания в рамках самой Вишеградской группы и ее отдельных стран-участниц. Хотя Венгрия, Польша, Словакия и Чехия затронуты в разной степени миграционным кризисом, они смогли выработать общую позицию в отношении наплыва беженцев. Ключевым для этих стран стал отказ от принятия квотного распределения. Пока, несмотря на давление со стороны Еврокомиссии и критику ряда международных организаций, «четверка» не намерена включаться в систему

квот. Современный миграционный кризис не стал причиной разногласий и ослабления Вишеградской группы, о чем порой говорят некоторые эксперты. Напротив, существующие вызовы дали возможность этой субрегиональной группировке быть более услышанной на уровне ЕС. Свою роль сыграло и председательство Словакии в Совете ЕС во второй половине 2016 г., в рамках которого Словакия попыталась перенести идеи субрегиональной группировки на общеевропейский уровень. В статье также дается обоснование Вишеградского видения миграционных проблем, основанного как на социально-экономических, так и политических факторах. Среди них можно выделить ориентацию в иммиграционной политике преимущественно не на страны Африки и Ближнего Востока, откуда идет современный поток беженцев. Свою роль играет более низкий уровень социально-экономического развития стран Вишеградской группы по сравнению с другими членами ЕС, что превращает «четверку» в территорию транзита. Важна роль и политических сил, которые в текущее время возглавляют страны Вишеградской группы и являются противниками массовой иммиграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграционный кризис, беженцы, Вишеградская группа, регулирование иммиграции, квоты расселения, украинский фактор

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Четверикова А.В. (2017). Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС. *Контуры глобальных*

трансформаций: политика, экономика, право, 10 (4). 130-143. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-07-00040 «Структурная трансформация интеграционного процесса в ЕС под влиянием глоболизирующих миграционных потоков».

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143

Anna S. CHETVERIKOVA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

chetverikova.anna@gmail.com

Position of the Countries of the Visegrad Group in Conditions of the Worsening European Migration Crisis

ABSTRACT. Migration challenges facing the EU aggravated many internal contradictions of the union. The Visegrad Group and its actually common policy in relation to refugees is a reflection of a part of current processes within the EU. Although formal institutions are not formed, the countries of the V4 are regulating migration questions on a regional level involving the neighboring countries during more than two years. The article is devoted to a research of the Visegrad Group's actions in conditions of the European migration crisis that includes participation in pan-European measures to tackle refugee's inflow and initiatives of the Visegrad Group itself and its member countries. Although Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic are affected differently by the migration

crisis, all countries were able to develop a common position in relation to inflow of refugees. The key position of the countries became a rejection of the European resettlement scheme and quota allocation. So far, despite the pressure from the European Commission and the criticism from several international organizations the V4 does not intend to take part in the quota system. The current migration crisis did not cause disagreement and weakening of the Visegrad Group, as several experts sometime say. On the contrary, the existing challenges gave an opportunity to this sub-regional group to be more heard at the EU level. Slovakia's presidency of the EU Council in the second half of 2016 played a part in this process, in which Slovakia tried to transfer ideas of the sub-regional grouping to an

all-European level. The article provides a substantiation of the Visegrad Group's vision of migration problems based on both socio-economic and political factors. It is possible to single out the orientation in the immigration policy mainly not in the countries of Africa and the Middle East, where the main flow of refugees is coming from. The lower level of socio-economic development of the V4's countries compared to others members of the EU makes the Visegrad Group into transit territory. The political forces are important also, which currently head the countries of the Visegrad Group and are opponents of mass migration.

KEYWORDS: *migration crisis, refugees, the Visegrad Group, regulation of immigration, relocation quotas, Ukrainian factor*

FOR CITATION: Chetverikova A.S. (2017). Position of the countries of the Visegrad Group in conditions of the worsening European migration crisis. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 130-143. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the grant of the Russian Foundation for Basic Research (№17-07-00040) "Structural transformation of the integration process in the EU under the influence of globalized migration flows".*

Миграционный кризис в ЕС, вызванный дестабилизацией в Африке, Ближнем и Среднем Востоке, стал крупнейшим со времен Второй мировой войны – от 10 до 20 млн человек были вовлечены в процесс вынужденных перемещений. Однако этот поток беженцев, по мнению экспертов, вскоре дополняют воссоединяющиеся члены семьи и другие категории населения, создающие дополнительную нагрузку на принимающие страны (Гонтмахер, Гришин, Цапенко, 2016, с. 95). Пока же, по результатам 2016 г., ЕС удается справляться с наплывом мигрантов: число прибытий по сравнению с 2015 г. сократилось почти втрое и составило около 388 тыс. Основную массу прибывших составляют жители Сирии, Афганистана, Нигерии и Ирака¹, которые направлялись в наиболее «благополучные» европейские государства. Представители Вишеградской группы к числу территорий, притягательных для иммиграции, строго говоря, никогда не относились, что лишний раз подтверждают и текущие события. Затронутые кризисом в меньшей степени, чем ряд других европейских государств и не имея богатого опыта управления в сфере миграции, участники Вишеградской «четверки» заняли особую позицию, пытаясь ее отстаивать на общеевропейском уровне.

Как известно, Вишеградская группа фактически не институализирована: изначально она создавалась без каких-либо институтов, которые были бы способны самостоятельно вырабатывать политику сотрудничества. Взаимодействие стран-участниц строится на основе регулярных встреч разного уровня: от встреч премьер-министров, проходящих ежегодно, до встреч экспертов различного профиля. Работу группы в течение года координирует председательствующая страна, сменяющаяся в середине года². Этот формат не исключает и более частых двусторонних встреч, например, которые проводят Чехия и Словакия. Подобного взаимодействия оказалось достаточно для выработки общей политики в рамках миграционного кризиса, за время которого все страны – участницы «четверки», за исключением Венгрии, уже занимали пост председательствующей страны. Так, с середины 2016 г. координирует работу Польша, в цели которой на время главенства в группе входит задача по уси-

мающие страны (Гонтмахер, Гришин, Цапенко, 2016, с. 95). Пока же, по результатам 2016 г., ЕС удается справляться с наплывом мигрантов: число прибытий по сравнению с 2015 г. сократилось почти втрое и составило около 388 тыс. Основную массу прибывших составляют жители Сирии, Афганистана, Нигерии и Ирака¹, которые направлялись в наиболее «благополучные» европейские государства. Представители Вишеградской группы к числу территорий, притягательных для иммиграции, строго говоря, никогда не относились, что лишний раз подтверждают и текущие события. Затронутые кризисом в меньшей степени, чем ряд других европейских государств и не имея богатого опыта управления в сфере миграции, участники Вишеградской «четверки» заняли особую позицию, пытаясь ее отстаивать на общеевропейском уровне.

1 Mixed migration flows in the Mediterranean and beyond. International Organization for Migration. 2016. URL: http://migration.iom.int/docs/2016_Flows_to_Europe_Overview.pdf (Accessed: 15.06.2017).

2 Visegrad Group. URL: <http://www.visegradgroup.eu> (Accessed: 15.06.2017)

лению позиции Вишеградской группы на уровне ЕС, в том числе по миграционной проблематике, а также вопросы безопасности и усиления взаимодействия.

Изначально создаваясь с целью лучшего взаимодействия с другими странами, Вишеградская группа реализует эти задачи и в рамках регулирования миграционных вопросов, налаживая работу с соседними государствами, также затронутыми кризисом, вне зависимости от их членства в ЕС. Тем самым, можно говорить о том, что в рамках миграционного кризиса в ЕС Вишеградская группа функционирует как субрегиональная интеграционная группировка с единой позицией.

Позиции стран Вишеградской группы в отношении миграционного кризиса

Позиции стран – членов ЕС в отношении миграционного кризиса достаточно разнятся в зависимости от географического положения государства (проходят ли по его территории основные коридоры перемещений беженцев), исторически сложившейся модели социокультурной адаптации, заинтересованности принимающих стран в мигрантах и ряда других факторов (Квашнин и др., 2017, 104). В этой связи особую позицию заняли участники Вишеградской группы, в разной степени затронутые миграционным кризисом. Миграционная проблематика активизировала работу «четверки» и стала основной темой встреч представителей стран-участниц, а также Австрии, Болгарии, Македонии, Хорватии и ряда других государств, ситуация в которых влияет на обстановку в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. Общим для всех государств группы стало «избирательное» отношение к общеевропейским мерам по урегулированию текущего кризиса. Поддержку «четвер-

ки» нашли общеевропейские меры по созданию условий для возвращения мигрантов на родину, по расселению в соседних странах к Сирии и Ираку. Страны группировки настаивали на позиции усиленного контроля на внешних границах, что способно снизить миграционное давление. Венгрия, Польша и Чехия внесли свой вклад в службу быстрого реагирования, созданную для регулирования порядка на границах ЕС. Группа оказывает помощь территориям, наиболее пострадавшим от наплыва беженцев, предоставляя специалистов, силовые подразделения, необходимое оборудование, финансовую помощь. В рамках механизмов регулирования миграции за пределами ЕС страны осуществляют поддержку через отдельные фонды. Тем самым «четверка» активно участвует в ряде мер текущего регулирования миграционных процессов, включая реализацию основной долгосрочной цели ЕС по искоренению самих причин миграции из развивающихся стран.

Негативную же реакцию как политических и общественных деятелей, так и населения «четверки» в 2015–2016 гг. вызвало обязательное расселение мигрантов. С течением времени общественное мнение в рассматриваемых странах сильно не изменилось. Согласно опросам, и в 2015-м, и в 2016 г. Венгрия, Чехия и Словакия находились среди группы европейских государств, где наблюдалась наибольшая доля респондентов с негативным отношением к мигрантам, прибывающим из стран вне ЕС. В 2015 г. в Словакии отмечались худшие результаты в ЕС – 86% негативно относились к подобным мигрантам. В 2016 г. в Словакии показатели снизились до 79%, однако в других странах они остались примерно на том же уровне: в Чехии – 82%, в Венгрии – 81%, в Польше – 64%³. При этом в 2016 г. Чехия стала единственной страной ЕС, где более половины населения (55%) высказались против политики ЕС в отношении миграции.

3 European Commission. Standard Eurobarometer 86. Autumn 2016. P. 30. URL: <http://ec.europa.eu/COMMFrontOffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2137> (Accessed: 15.06.2017)

Другие результаты исследований, проведенных в 2015–2016 гг., выявили основные причины столь негативного отношения населения «четверки» к мигрантам. Особую обеспокоенность у жителей вызывает то, что иммигранты могут распространять специфические болезни (таковых 57–69%, за исключением Польши с 30%); что в случае политической нестабильности иммигранты будут более лояльны к своим странам происхождения (таковых оказалось от 53% опрошенных в Польше до 69% в Чехии и Словакии); что иммигранты отбирают работу у местных жителей (от 36% в Польше до 43% в Чехии); что иммигранты влияют на изменение культуры (от 30% в Польше до 56% в Чехии); что поток иммигрантов влияет на ухудшение жизни в стране (от 37% в Польше до 65% в Чехии) (Simonovits, Bernat, 2016, p. 33–34).

Негативное отношение населения Вишеградской группы не имеет прямой зависимости от наплыва беженцев: Чехия и Венгрия, имея одинаковые показатели при опросе общественного мнения, характеризуются совершенно разным притоком беженцев. Согласно данным о заявлениях о предоставлении убежища, на Вишеградскую группу пришлось в 2014 г. 8,3%, в 2015 г. – 14,5%, в 2016 г. – 3,4% от всех заявлений в ЕС. Наибольшие последствия кризисной ситуации на Ближнем Востоке испытала Венгрия, где отмечалась как наиболее значительная доля заявлений о предоставлении убежища среди стран «четверки», так и основная масса этих заявлений от жителей Сирии, Афганистана, Пакистана и других стран региона (Таблица 1). В Польше, Словакии и Чехии показатели хотя и возросли, однако оставались в тех пределах, с которыми страны уже сталкивались в предыдущие годы. Общим для Польши, Чехии и Словакии стали последствия украинского кризи-

са: в этих странах увеличился приток выходцев из Украины, которая входила в пятерку лидирующих стран по количеству заявлений. При этом участники объединения в условиях миграционного кризиса в целом сохранили прежнюю национальную структуру просящих убежище, хотя последствия ситуации на Ближнем Востоке и Украине внесли определенные коррективы.

Не являясь с самого начала кризиса сторонниками квотной системы, каждая из стран объединения, мотивируя своими причинами, тормозила процесс принятия мигрантов. Наиболее активно свои интересы отстаивали Венгрия и Словакия, которые подали иски на решение по квотному расселению, рассмотрение которых началось в Европейском Суде в начале 2017 г. Их поддержала и Польша. В то же время Венгрия имела возможность не участвовать в механизме распределения, если бы приняла предложение Еврокомиссии стать наравне с Италией и Грецией страной временного пребывания.

В результате за все время миграционного кризиса, к марту 2017 г., в Чехию прибыло в рамках системы переселения из Италии и Греции только 12 человек (все из Греции) из 2691 по решению Совета, в Словакию – 16 человек (все из Греции) из 902. Венгрия и Польша не приняли никого из положенных квот в 1294 и 6182 человек соответственно⁴, отказываясь наравне с Австрией участвовать в квотном механизме. Тем самым участники Вишеградской группы попали в немногочисленную группу стран, выполнивших пока решение по квотам на 0–2%. Для сравнения лучшей из стран ЕС, реализующей решение по квотному распределению, стала Мальта, принявшая уже 73% мигрантов от квоты, а также Ирландия (53%) и Финляндия (51%). Столь низкие показатели «четвер-

4 European Commission. Report from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council. Tenth report on relocation and resettlement. Annex 3. Brussels. March 2 2017. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20170302_tenth_report_on_relocation_and_resettlement_annex_3_en.pdf (Accessed: 15.06.2017)

Таблица 1. Заявления о предоставлении убежища в Вишеградской группе

Страна	2014			2015			2016		
	Количество заявлений (шт.) / доля от всех заявлений по стране (%)								
Венгрия	Косово	21455	50,2	Сирия	64585	36,5	Афганистан	11050	37,5
	Афганистан	8795	19,2	Афганистан	46230	26,1	Сирия	4980	16,9
	Сирия	6855	16,0	Косово	24455	13,8	Пакистан	3875	13,2
	Палестина	875	2,1	Пакистан	15155	8,6	Ирак	3450	11,7
	Ирак	495	1,2	Ирак	9280	5,2	Иран	1285	4,4
	Всего	42775	100	Всего	177135	100	Всего	29430	100
Польша	Россия	4000	49,9	Россия	7870	64,6	Россия	8990	73,1
	Украина	2275	28,4	Украина	2295	18,8	Украина	1300	10,6
	Грузия	720	9,0	Грузия	390	3,2	Таджикистан	880	7,2
	Армения	135	1,7	Таджикистан	340	2,8	Армения	340	2,8
	Таджикистан	105	1,3	Сирия	300	2,5	Грузия	125	1,0
	Всего	8020	100	Всего	12190	100	Всего	12305	100
Словакия	Афганистан	95	28,8	Ирак	170	51,5	Украина	25	17,2
	Сирия	40	12,1	Афганистан	35	10,6	Афганистан	15	10,3
	Вьетнам	25	7,6	Украина	25	7,6	Сирия	15	10,3
	Украина	25	7,6	Косово	13	3,9	Ирак	15	10,3
	Сомали	20	6,1	Грузия	9	2,7	Пакистан	15	10,3
	Всего	330	100	Всего	330	100	Всего	145	100
Чехия	Украина	515	44,9	Украина	695	45,9	Украина	505	34,2
	Сирия	110	9,6	Сирия	135	8,9	Ирак	155	10,5
	Вьетнам	65	5,7	Куба	130	8,6	Куба	85	5,8
	Россия	40	3,5	Вьетнам	80	5,3	Сирия	80	5,4
	Куба	40	3,5	Армения	45	3,0	Китай	70	4,8
	Всего	1145	100	Всего	1515	100	Всего	1475	100

Источник: Евростат

ки» стали причиной начала процесса принятия «санкционных» мер Еврокомиссии в отношении Польши, Венгрии и Чехии.

Позиция стран Вишеградской группы имела возможность быть более услышанной со стороны других стран ЕС благодаря председательству Словакии в Совете ЕС во второй половине 2016 г. Осенью 2016 г. именно Словакия озвучила новый принцип «гибкой солидарности» (в дальнейшем «эффективной солидарности») в отношении решения миграционного кризиса, согласно которому каждое государство должно иметь возможность самостоятельно определять свой вклад в разрешение ситуации с притоком беженцев, основываясь на своих возможностях в управлении миграциями. Формы участия государств могут быть самыми различными – от финансовой помощи до участия в операциях по высылке беженцев. Участие стран также должно было зависеть от степени обострения миграционной ситуации. Однако после многократных обсуждений в течение председательства Словакии принцип «эффективной солидарности» так и не удалось продвинуть (Потемкина, 2016, с. 49).

Миграционный кризис стал поводом для увеличения взаимодействия в рамках самой субрегиональной группировки. Уже в 2015 г. главы правительств выступили с заявлением по проблемам миграции, включающим готовность оказать полное содействие Венгрии как наиболее пострадавшей территории. В дальнейшем миграционная проблематика стала одной из главных тем совместных заявлений премьер-министров и соответствующих министерств. Реальное же взаимодействие включало, например, направление сил полиции из Польши, Словакии и Чехии в Венгрию. Кроме того, в конце 2016 г. участники объединения приняли решение об учреждении кризисного центра, который будет оказывать поддержку беженцам в зонах конфликта, способствовать обмену лучшими практиками. Создание этого центра стало своевременным событием, поскольку в начале 2017 г. поток беженцев в ЕС снова вырос.

Венгрия: последствия наплыва беженцев

Общность позиции участников «четверки» не исключает определенной миграционной специфики каждой из стран. Наиболее жестких принципов в отношении регулирования прибывающих мигрантов занимает Венгрия, через которую проходит один из маршрутов передвижения беженцев в ЕС. В сентябре 2015 г. границы страны, являющиеся внешними границами ЕС, были закрыты, и проход стал возможен только на двух пропускных пунктах на венгеро-сербской границе. Дополнительно были созданы два центра для принятия беженцев в западной части Венгрии, введен контроль на границе со Словенией. Однако все увеличивающийся поток беженцев привел к более кардинальным мерам: сооружению ограждений вдоль сербской и хорватской границ. Вторую линию заграждений вдоль сербской границы начали возводить в 2017 г. Подобная политика критикуется ЕС и международными организациями, однако находит поддержку Вишеградской группы.

Вместе с усилением охраны границ в Венгрии активизировался процесс изменения и зачастую ужесточения миграционного законодательства. Так, были внесены поправки в закон о предоставлении убежища, позволившие ускорить этот процесс, в акты по ограничению незаконной миграции. Одним из последних в марте 2017 г. вступил в силу закон, согласно которому венгерские власти запретили свободное передвижение беженцев по стране и теперь могут задерживать мигрантов в специальных лагерях на границе. Однако вопрос квот не смог перейти в законодательную плоскость и пока остается открытым. После проведения референдума 2016 г., который оказался недействительным в силу низкой явки, премьер-министр Венгрии не смог реализовать свое предложение по внесению поправок в Конституцию, которые позволили бы не осуществлять программу расселения согласно квотам, – парламент отверг эту

Таблица 2. Мигранты в Венгрии

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность мигрантов , тыс. чел.	142,2	197,8	206,9	143,4	141,4	140,5	145,9	156,6
Доля мигрантов в населении , %	1,4	2,0	2,1	1,4	1,4	1,4	1,5	1,6
Численность нелегальных мигрантов , тыс. чел.	-	3,3	3,8	6,4	8,3	56,2	424,1	18,3
Количество заявлений о предоставлении убежища , шт.	1609	2104	1693	2157	18900	42777	177135	29432
Доля от всех заявлений о предоставлении убежища по ЕС , %	0,7	0,7	0,5	0,6	4,1	6,5	12,7	2,3

Источник: Центральное статистическое управление Венгрии; Евростат

инициативу. Сами же результаты референдума показательны: 98% из проголосовавших 3,3 млн человек высказались против квот. Уже в 2017 г. венгерские власти начали опрос населения, озаглавленный «Давайте остановим Брюссель», где один из пунктов касается действий Венгрии по отношению к нелегальным мигрантам и беженцам. При этом в некоторых исследованиях отмечается, что власти Венгрии в лице парламента и правительства намеренно иницируют отрицательное отношение к беженцам, заменив для общественности человека, ищущего защиту, на нелегального мигранта с исключительно злыми намерениями (Nazy, 2016, p. 1080).

Сопротивление Венгрии наплыву мигрантов частично мотивировано стратегическими целями в рамках социальной политики: решать демографические и экономические проблемы власти планируют за счет улучшения качества жизни собственных граждан, а не за счет иммигрантов. В текущей ситуации беженцы и мигранты не играют важной роли в жизни страны (Veto, 2016, p. 5). Как Словакия и Польша, Венгрия остается транзитной страной для мигрантов, чья доля не достигает и 2% населения (Таблица 2). Вследствие этого Венгрия имеет небогатый опыт интеграции мигрантов, особенно из Ближневосточного региона. По нацио-

нальному составу преобладающим большинством среди мигрантов в Венгрии являются румыны, на которых приходится около 19% всех мигрантов. Подобный миграционный опыт частично объясняет столь жесткое реагирование венгерских властей на наплыв беженцев, который испытала страна в 2015 г., когда их численность значительно превысила численность всех мигрантов, находящихся к тому моменту в Венгрии.

Отношение к действиям Венгрии не столько однозначно и «открыто для интерпретаций», одна из которых заключается в полном соответствии действий венгерских властей условиям массовой миграции (Veto, 2016, p. 8, 13).

Миграционная ситуация в Чехии и Словакии

Миграционный кризис имел незначительные последствия для Чехии и Словакии, однако их власти придерживались многих общих для «четверки» приоритетов, тем самым поддерживая Венгрию и Польшу.

В 2015 г. в Чехии была утверждена новая стратегия миграционной политики, отвечающая современным вызовам. Ключевыми приоритетами стратегии стали 7

направлений, среди которых противодействие нелегальной миграции, выполнение обязательств в рамках предоставления убежища, усиление действий по оказанию помощи беженцам за рубежом с целью предотвращения притока мигрантов в страну. Также Чехия планировала активно участвовать в общеевропейской дискуссии по вопросам миграции с целью поиска решений для существующих проблем. В части предоставления убежища данная стратегия включает отказ страны от обязательного распределения квот на и возможность пересмотра существующей Дублинской системы⁵. При этом в документе подтверждаются намерения Чехии последовательно выполнять свои обязательства в области миграции.

Обострение кризиса вынудило чешские власти пойти и на другие инициативы. На законодательном уровне была закреплена возможность закрытия границы в случае чрезвычайной ситуации по решению Министерства внутренних дел, также были ужесточены условия получения убежища. Кроме того, разработана новая программа по интеграции беженцев в чешское общество, запущенная в 2016 г. Основой обновленной программы интеграции с объемом финансирования в 7,4 млн. евро стало создание единого координирующего центра по предоставлению услуг в рамках интеграции⁶.

Новые инициативы Чехии позволяют ей лучше регулировать миграционные процессы, однако пока приток в страну невелик, а опыт гуманитарных переселений далек от успешного. Одобренное правительством принятие 1500 мигрантов в 2015–2017 гг. пока не выполнено. Гуманитарная программа по переселению 153 беженцев из Ирака показала, что прибывшие стре-

мятся уехать в Германию или вернуться на родину. Не вызывает оптимизма и начавшийся процесс переселения нескольких десятков сирийских мигрантов из Турции.

В этой связи для Чехии свое значение сохраняют украинские мигранты: их поток, включая трудовых мигрантов, сохраняется, хотя ситуация на Украине после 2014 г. не оказала значительного влияния на рост иммигрантов в Чехию (по крайней мере легальных) (Drbohlav, Jaroszewicz, 2016, p. 122). Однако украинцы стремятся в Чехию не только напрямую, но и через территорию Польши⁷, что затрудняет их учет. В настоящее время в стране находится порядка 100 тыс. украинцев, но их число может возрасти в условиях сложной социально-экономической ситуации в самой Украине, с одной стороны, и наличием различных программ по привлечению рабочей силы из Украины – с другой.

Уже сейчас украинцы являются наиболее многочисленной группой среди мигрантов, за которой следуют словаки и вьетнамцы. В совокупности выходцы из этих трех стран составляют более 55% всех мигрантов (Таблица 3). С другой стороны, в Чехии проживает всего около 10–20 тыс. мусульман, что сказывается на неприятии обществом новых подобных мигрантов в силу малого опыта интеграции. Среди стран «четверки» Чехия является единственной страной назначения, практически достигнувшей пятипроцентного порога, присущего центрам иммиграции. Однако Чехия не стремится увеличивать приток выходцев вне стран Восточной Европы и СНГ, что определяет ее общность позиций с «четверкой».

Как и Чехия, Словакия не столкнулась в рамках современного кризиса с большим наплывом мигрантов, что обу-

5 Strategie migrační politiky České republiky. Ministerstvo vnitra ČR. 2015. P. 2, 12–13. URL: <http://www.mvcr.cz/clanek/strategie-migracni-politiky-cr.aspx> (Accessed: 15.05.2017)

6 European Commission. Czech Republic: Updated State Integration Programme. January 4, 2016. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/czech-republic-updated-state-integration-programme> (Accessed: 15.05.2017)

7 Many Ukrainian workers coming to CR through Poland. Praguemonitor. March 21.2017. URL: <http://praguemonitor.com/2017/03/21/In-many-ukrainian-workers-coming-cr-through-poland> (Accessed: 15.06.2017)

Таблица 3. Мигранты в Чехии

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность мигрантов , тыс. чел.	278,3	424,3	434,2	435,9	439,2	449,4	464,7	496,4
Доля мигрантов в населении , %	2,7	4,0	4,2	4,2	4,2	4,3	4,4	4,7
Численность нелегальных мигрантов , тыс. чел.	9,8	2,9	3,4	3,6	4,2	4,8	8,6	5,3
Количество заявлений о предоставлении убежища , шт.	3590	775	750	740	695	1145	1515	1475
Доля от всех заявлений о предоставлении убежища по ЕС , %	1,5	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1

Источник: Статистическое управление Чехии; Евростат

словило сохранение основных направлений миграционной политики. В Словакии продолжает действовать миграционная политика до 2020 г., утвержденная в 2011 г., среди целей которой стимулирование легальной иммиграции и интеграции, усиление эффективности пограничного контроля, применение общеевропейских принципов предоставления убежища, борьба с эмиграцией квалифицированной рабочей силы.

В рамках реальных мер действия властей Словакии были направлены на решение проблем безопасности: был утвержден новый план по контролю за национальными границами на 2015–2018 гг., увеличена численность силовых структур. Кроме того, Словакия пошла на «нетипичный» для Вишеградской группы шаг. В рамках соглашения по взаимодействию с Австрией с лета 2015 г. Словакия предоставила места проживания для 1000 беженцев, прибывших в Австрию и теперь ожидающих решения австрийских властей по вопросу предоставления убежища. Другим направлением стала гуманитарная помощь. Так, власти страны согласились принять вне квотного распределения 100 беженцев-

христиан из Сирии, но на конец 2016 г. в Словакии проживало всего несколько сирийских женщин с детьми. Из Ирака к концу 2015 г. прибыло 149 христиан, однако осталось только 89 человек: остальные вернулись обратно на родину.

«Религиозный вопрос» остается одной из важных тем для населения, что дает возможность словацким властям заявлять о неприемлемости определенных категорий мигрантов. Например, в 2016 г. премьер-министр Р. Фицо открыто заявлял о намерении препятствовать образованию мусульманской общины в Словакии. Но власти страны принимают во внимание и финансовую сторону проблемы, и другие факторы. Ведь Словакия, как Чехия и Польша, относится к числу стран, где вклад иммигрантов в общественные финансы составлял отрицательную величину (менее -0,5% ВВП)⁸. Свою роль играет и национальный состав мигрантов: наиболее многочисленными являются украинцы, чья доля превышает 14% всех мигрантов (Таблица 4). В совокупности с выходцами из Сербии и РФ они составляют чуть более 25% всех мигрантов. Позиция властей подкрепляется ролью Словакии как территории

8 The refugee Surge in Europe: economic challenge. IMF. 2016. P.27.

Таблица 4. Мигранты в Словакии

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность мигрантов, тыс. чел.	-	67,9	70,7	72,9	59,2	61,9	65,8	93,2
Доля мигрантов в населении, %	-	1,3	1,3	1,4	1,1	1,1	1,2	1,7
Численность нелегальных мигрантов, тыс. чел.	-	1,4	1,2	1,4	1,0	1,2	2,3	1,9
Количество заявлений о предоставлении убежища, шт.	3350	540	490	730	440	330	330	145
Доля от всех заявлений о предоставлении убежища по ЕС, %	1,5	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	Менее 0,1	Менее 0,1

Источник: Статистическое управление Словакии; Евростат

транзита, что обеспечило слабое влияние кризиса на внутреннюю ситуацию.

Таким образом, Чехия и Словакия мало затронуты миграционным кризисом как в силу объективных причин (географического положения, их экономической привлекательности для беженцев и проч.), так и вследствие проводимой политики, однако это не помешало им отстаивать интересы всей интеграционной группировки.

Польша в условиях миграционного кризиса

События в политической сфере страны нашли свое отражение и в миграционных вопросах. Миграционная стратегия, которая вступила в силу в 2011 г. и была направлена в том числе на привлечение иммигрантов (в первую очередь трудовых, а также студентов), их интеграцию и возвращение эмигрантов, в условиях миграционного кризиса была отменена. Еще одной причиной отмены стратегического документа стал недоучет им возросшего потока из Украины, который оказывал большое влияние на внутреннюю ситуацию и, по мнению экспертов, является новым миграционным феноменом в Поль-

ше (Drbohlav, Jaroszewicz, 2016, p. 87). В результате сложившаяся обстановка вынудила новое руководство страны начать пересматривать миграционную политику с учетом беженцев и украинской ситуации.

Как и другие участники «четверки», власти Польши являются противниками квотной системы, что обосновывается соображениями безопасности, и видят решение проблемы в оказании помощи странам происхождения беженцев. Стоит отметить, что предыдущее руководство согласилось принять беженцев в рамках квотного распределения, однако выборы 2015 г. привели к власти тех представителей, которые отказались выполнять принятые ранее обязательства. Однако в рамках гуманитарной линии в Польшу все же было переселено почти 160 христиан из Сирии, 86 из которых покинули страну почти сразу, а большинство из оставшихся – в последующие месяцы. Эти события также оказали определенное влияние на общественное мнение в отношении квотного распределения (Kowalski, 2016, p. 973).

В целом на протяжении 2000-х гг. Польша отличалась лояльным отношением к мигрантам, которое стало меняться после 2012 г. Среди причин, обуславливающих антииммигрантские настроения в Польше, исследователи выделяют пять

основных категорий: культурные страхи, социальные страхи, вызванные быстрыми изменениями после притока мигрантов, экономические опасения по поводу распределения государственных ресурсов, политические опасения (утрата доверия к правительству, влияние наднациональных органов на национальный суверенитет) и страхи безопасности из-за увеличения преступности и терроризма⁹. Большинство из этих причин имеют место и в других странах Вишеградской группы в качестве основ общественного мнения.

Но, несмотря на существующие настраения, численность мигрантов в Польше постепенно возрастает (Таблица 5). Их основу составляют выходцы из бывших советских республик, включая Белоруссию, Украину, Россию. Напротив, выходцев из Африки и Азии не так много. Например, в Польше проживает всего около 20 тыс. мусульман, что составляет менее 0,1% всего населения. Тем самым в силу отсутствия обширных мусульманских общин и относительной социально-экономической непривлекательности Польша остается в стороне от основного потока беженцев с

Ближнего Востока, при этом продолжая притягивать жителей Восточной Европы. Согласно официальным данным, Польша пока остается страной транзита. При этом официальные цифры несколько разнятся с заявлениями польских властей. Например, одной из причин отказа страны участвовать в квотах стал тот факт, что Польша в силу своей относительно либеральной миграционной политики в отношении украинских мигрантов и так приняла более 1 млн украинцев. Еще одной особенностью Польши является постепенный рост нелегальных мигрантов, контроль за которыми, по мнению экспертов, далек от идеального по причинам складывающейся ситуации на рынке труда, характеризующейся нехваткой дешевой рабочей силы. Однако проблема нелегальной миграции является общеевропейской, которая пока не поддается решению и остается одной из самых злободневных (Кондратьева, 2015, с. 14).

Миграционный кризис незначительно коснулся Польши: большее влияние на миграционную ситуацию оказывали события на Украине, что не помешало польским властям придерживаться общей политики Вишеградской группы.

Таблица 5. Мигранты в Польше

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность мигрантов, тыс. чел.	278,3	424,3	434,2	435,9	439,2	449,4	464,7	496,4
Доля мигрантов в населении, %	2,7	4,0	4,2	4,2	4,2	4,3	4,4	4,7
Численность нелегальных мигрантов, тыс. чел.	9,8	2,9	3,4	3,6	4,2	4,8	8,6	5,3
Количество заявлений о предоставлении убежища, шт.	3590	775	750	740	695	1145	1515	1475
Доля от всех заявлений о предоставлении убежища по ЕС, %	1,5	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1

Источник: Управление по делам иностранцев Польши; Евростат

9 Bachman B. Diminishing solidarity: polish attitudes toward the European migration and refugee crisis. Migration policy institute. Online journal. 16.06.2016 URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/diminishing-solidarity-polish-attitudes-toward-european-migration-and-refugee-crisis> (Accessed: 15.06.2017)

Миграционный кризис в ЕС подтолкнул Вишеградскую группу к усилению взаимодействия в рамках своей субрегиональной интеграционной группировки и отстаивании своих позиций на общеевропейском уровне, что практически лишено шансов на успех в случае действий поодиночке. «Четверка» стала тем форматом, где каждая из стран-участниц могла решить свои миграционные задачи. При этом Венгрия, Польша, Словакия и Чехия реализовывали схожие мероприятия в рамках борьбы с кризисом, хотя часть проводимых мер была присуща только отдельным участникам группы и определялась внутристрановой спецификой. Общая позиция стран «четверки» как субрегиональной группировки определяется общими факторами миграционной ситуации этих стран. Среди причин особого мнения стран Вишеградской группы выделяются причины как социально-экономического, так и политического характера. Одной из подобных причин является низкая привлекательность стран-участниц для мигрантов в силу их социально-экономического развития. Не являясь основными странами назначения в рамках ЕС, страны «четверки» не располагают богатым опытом и разработанными механизмами и инфраструктурой для принятия и интеграции большого числа мигрантов, и в особенности беженцев из мусульманских стран. Ведь на протяжении многих лет основу приезжающих в страны Вишеградской группы составляли выходцы из других европейских государств, а также бывших советских республик. Отсутствие необходимого опыта, социально-культурные страхи повлияли и на настроение жителей «четверки», где неоднократно проходили акции протеста против притока беженцев. Свою роль как в формировании общественного мнения, так и в выработке общей политики сыграло нахождение у власти стран политических сил, являющихся в той или иной степени противниками массовой иммиграции и иммигрантов-мусульман в частности. Не

способствуют открытости Вишеградской группы и экономические факторы. Например, заинтересованность в экономических мигрантах страны-участницы удовлетворяли за счет восточноевропейских государств, включая Украину. К тому же страны не располагают достаточными финансовыми возможностями для принятия большого числа мигрантов. Большинство вышеизложенных факторов носит долгосрочный характер, что предопределяет сохранение существующей позиции Вишеградской группы в отношении миграционного кризиса в обозримой перспективе. Принятое же в июне 2017 г. решение Еврокомиссии о начале процесса введения мер в отношении стран Вишеградской группы, за исключением Словакии, по причине их неучастия в системе квотного расселения формально раскололо группировку на две части. Хотя реализация решения Еврокомиссии займет продолжительный период времени, можно ожидать, что это событие будет влиять на выработку общей позиции в силу нахождения стран в неодинаковых условиях. Однако поскольку на функционирование Вишеградской группы влияют и другие, более фундаментальные факторы, а страны и ранее не всегда выступали единогласно, не стоит ожидать резкого изменения функционирования «четверки» как единой субрегиональной группировки.

Список литературы

- Гонтмахер Е.Ш., Гришин И.В., Цапенко И.П. (ред.). (2016). *Социальный контекст экономического развития в XXI веке*. М.: ИМЭМО РАН. 238.
- Квашнин Ю. (и др.). (2017). Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов. *Мировая экономика и международные отношения*, 61 (1). 97-107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107
- Кондратьева Н.Б. (ред.). (2015). *Миграционные проблемы в Европе и пути их решения*. М.: Институт Европы РАН. 144

Потемкина О.Ю. (2016). Вишеградская группа и «гибкая солидарность». *Современная Европа*, 6(72). 43-52. DOI: 10.15211/soveurope620164352

Drbohlav D., Jaroszewicz M. (eds.). (2016). *Ukrainian migration in times of crisis: forced and labor mobility*. Prague: Charles University. 180.

Kowalski M. (2016). From a different angle – Poland and the Mediterranean refugee crisis. *German Law Journal*, 17 (6). 967–980.

Nazy B. (2016). Hungarian asylum Law and policy in 2015–2016: securitization instead of loyal cooperation. *German Law Journal*, 17 (6). 1033–1082.

Simonovits B., Bernat A. (eds.). (2016). *The social aspects of the 2015 migration crisis in Hungary*. Budapest: TÁRKI Social Research Institute. 155.

Veto G. (2016). *National interests in the European asylum policy – Hungary in the European migrant crisis: Persistent Objector or Agenda-setter?* Budapest: Hungarian Academy of Sciences. 21. URL: <http://www.uaces.org/documents/papers/1640/veto.pdf> (Accessed: 15.06.2017)

economic Development in the 21st century. Moskva: IMEMO RAN. 238.

Kondrat'eva N.B. (ed.). (2015). *Migration Problems of Europe and the Approaches to their Solution*. Moskva: Institut Evropy RAN. 144

Kowalski M. (2016). From a different angle – Poland and the Mediterranean refugee crisis. *German Law Journal*, 17 (6). 967–980.

Kvashnin Yu. [et al.]. (2017). The European Migrant Crisis: common challenge and national responses. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61 (1). 97-107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107

Nazy B. (2016). Hungarian asylum Law and policy in 2015–2016: securitization instead of loyal cooperation. *German Law Journal*, 17 (6). 1033–1082.

Potemkina O.Yu. (2016). Visegrad Group and “Flexible Solidarity”. *Sovremennaya Evropa*, 6(72). 43-52. DOI: 10.15211/soveurope620164352

Simonovits B., Bernat A. (eds.). (2016). *The social aspects of the 2015 migration crisis in Hungary*. Budapest: TÁRKI Social Research Institute. 155..

Veto G. (2016). *National interests in the European asylum policy – Hungary in the European migrant crisis: Persistent Objector or Agenda-setter?* Budapest: Hungarian Academy of Sciences. 21. URL: <http://www.uaces.org/documents/papers/1640/veto.pdf> (Accessed: 15.06.2017)

References

Drbohlav D., Jaroszewicz M. (eds.). (2016). *Ukrainian migration in times of crisis: forced and labor mobility*. Prague: Charles University. 180.

Gontmakher E.Sh., Grishin I.V., Tsapenko I.P. (red). (2016). *Social Context of the Eco-*

Информация об авторе

Анна Сергеевна Четверикова, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
chetverikova.anna@gmail.com.

About the Author

Anna S. Chetverikova, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
chetverikova.anna@gmail.com.

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
a.fedorovsk@imemo.ru

Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах

АННОТАЦИЯ. Анализируются цели, возможности и риски участия Республики Корея в интеграционных проектах. Приводится характеристика базовых принципов южнокорейской внешнеэкономической стратегии, включая преимущество подходов правящих администраций к решению задачи обеспечения внешнеэкономической экспансии. Показаны изменения механизмов отстаивания интересов национального производителя: от защиты внутреннего рынка в пользу большей конкуренции и в контексте обеспечения доступа к внешним рынкам. Дается оценка роли двусторонних соглашений о свободной торговле и региональных мегапроектов в южнокорейской внешнеэкономической дипломатии. Проводится сопоставление соглашений о свободной торговле, заключенных Республикой Корея с Европейским Союзом, США и Китаем. Характеризуется сдвиг во внешнеэкономических связях страны в пользу Китая и других стран Восточной Азии. Исследуются результаты первого года реализации соглашения о свободной торговле между КНР и Республикой Корея, в том числе отмечаются выявленные ограничения, сдерживающие углубление экономических связей. Показаны факторы, способствующие и противодействующие интеграционному сближению Китая, Японии и Республики Корея. Обосновано наличие заинтересованности Сеула в участии в ин-

теграционных процессах в Восточной Азии, в том числе в рамках развития торгово-экономических связей со странами АСЕАН. Анализируется позиция Республики Корея в отношении интеграционных мегарегиональных проектов в АТР, включая ТПП. Оцениваются современное состояние и возможности развития российско-южнокорейских торгово-экономических отношений. Приводится прогноз приоритетов участия Республики Корея в интеграционных процессах в Северо-Восточной Азии, Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Корея, Китай, США, ЕС, Япония, Россия, Северо-Восточная Азия, Восточная Азия, АСЕАН, ТТП, АТР, региональная интеграция, внешнеэкономическая стратегия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федоровский А.Н. (2017). Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 144-157. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «**Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира**».

Asia: Challenges and Prospects

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

Aleksandr Nikolaevich FEDOROVSKII

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

a.fedorovsk@imemo.ru

Priorities of the Republic of Korea in Integration Projects

ABSTRACT. *The article deals with the main purposes, opportunities and risks of the Republic of Korea's involvement in integration projects. The author stresses the basic principles of South Korean foreign economic strategy, including common views of the different president administrations on key foreign economic priorities, including constant support of business expansion towards the most prominent markets. The analysis focuses also on new methods of support of national business interests: the transition from rigid defense of domestic market to adoption to growing competition at home as far as foreign partners agreed to open their markets to South Korean export. The paper describes role of bilateral Free Trade Agreements (FTA) and regional mega-projects in South Korea's foreign economic diplomacy. Comparison study of bilateral Free Trade Agreements between the Republic of Korea on the one side, European Union, the USA and China on the other sides. The author characterizes growing role of China and other East Asian countries for South Korean economy the ROK-China Free Trade Agreement, including some obstacles and limitations to upgrade development of bilateral economic exchanges. Special attention paid to positive and negative factors, influenced on economic integrations between China, Japan and the Republic of Korea. The paper*

describes Seoul's interests in economic integration projects in East Asia, including involvement in joint economic projects with ASEAN. The author analyses the Republic of Korea's attitude to regional mega-projects in Asia-Pacific region such as Trans-Pacific Partnership. Finally the article describes modern stage and possible development of Russia-South Korea economic relations and contains forecast of the main trends of the Republic of Korea's involvement in integration projects in East Asia and in Asia-Pacific region in general.

KEYWORDS: Republic of Korea, China, USA, European Union, Japan, Russia, regional integration, North East Asia, East Asia, ASEAN, Asia-Pacific region

FOR CITATION: Fedorovskii A.N. (2017). Priorities of the Republic of Korea in Integration Projects. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 144-157. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Subdivision of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macroregions of the Modern World".*

Являясь четвертой экономической державой Азии, но существенно уступая при этом в экономической мощи своим соседям (Китаю и Японии), Республика Корея вряд ли может претендовать на всеобъемлющее лидерство. Тем не менее южнокорейские претензии на заметную роль в региональной и мировой экономике не лишены оснований. Южная Корея как участник международного диалога имеет веские аргументы в свою пользу. В частности, позиции ведущего мирового экспортера ряда промышленных товаров (электроники, морских судов, автомобилей). Отсутствие наследия колонизаторского и экспансионистского прошлого (Япония) и недостаточно понятных внешнеполитических амбиций в настоящем (Китай). Сбалансированное сотрудничество с США, Китаем, Японией и ЕС (первый из стран Тихоокеанской Азии договор о свободной торговле). Способность продемонстрировать азиатским партнерам то, что не могут пока предложить ни Китай, ни АСЕАН (впечатляющий успех рыночной экономики при укрепляющейся демократии, отступающей коррупции, культурном ренессансе). На этой почве повышается международный авторитет Сеула и выстраивается долгосрочная стратегия ответственного роста.

При этом Сеул исходит из того, что региональные интеграционные проекты и решения могут быть полезны в долгосрочной перспективе только тогда, когда они вписываются в стратегию глобального развития. Так, Республика Корея разделяет ожидания относительно того, что Китай и другие развивающиеся экономики могут существенно поддержать мировой рост, однако одновременно надежды на позитивные мировые тренды соотносит с восстановлением устойчивого роста американской экономики.

При этом во властных элитах страны сложился консенсус относительно приоритетов интеграции в мировую экономику. Эта стратегия носит двухуровневый характер. К первому уровню относит-

ся заключение преимущественно двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). На втором – переговоры и проекты, носящие мегарегиональный и глобальный характер. На практике администрация либерального президента Но Му Хёна (2003–2008 гг.) и консервативных руководителей южнокорейского государства Ли Мён Бака (2008–2013 гг.) и Пак Кын Хе (2013–2017 гг.) проводили близкую по своему содержанию внешнеэкономическую политику, которая при президенте Ли Мён Баке получила наименование «пространство свободной торговли» (free-trade network), которая должна способствовать реализации задачи формирования экономики «глобальной Кореи» (Global Korea) (Cooper et al., 2011a, p. 32–33). Причем данная позиция исходит из понимания того, что интеграция на пространстве АТР происходит не столько под влиянием плановых начертаний государственных руководителей, сколько под воздействием рыночных драйверов.

Цель означенной политики состоит в том числе в превращении РК в своего рода региональный пункт притяжения и перераспределения товарных потоков и предоставляемых услуг, инвестиций, научно-технических и информационных обменов, а также подготовки и концентрации высококвалифицированных кадров. Практическая реализация намеченных целей проявляется в подписании двусторонних ССТ.

Двусторонние соглашения РК о свободной торговле с ЕС и США

В начале XXI века продолжался начавшийся еще в 90-е гг. процесс изменения географического распределения южнокорейской внешней торговли. США и ЕС уступали КНР и членам АСЕАН роль ведущих внешнеторговых партнеров РК (Таблицы 1 и 2). Вместе с тем южнокорейская экономика по-прежнему заинтересована как в снятии ограничений, связанных с выходом на американский и европейский

Таблица 1. Основные внешнеторговые партнеры Республики Корея в 2001 г.

Страна	Экспорт из РК (млрд долл.)	%	Импорт в РК (млрд долл.)	%
Китай	18,2	12,1	13,3	9,4
Гонконг	9,5	6,2	1,2	0,9
Тайвань	5,8	3,9	4,3	3,0
АСЕАН	15,3	10,2	14,5	10,3
Япония	16,5	11	26,6	18,9
Всего Восточная Азия	65,3	43,4	59,9	42,5
США	31,4	21	22,4	15,9
ЕС (27)	22,6	15	14,1	10
Россия	0,9	0,6	1,9	1,3
Всего	150,4	100	141,1	100

Рассчитано по: International Trade Center. Trade map. URL: <http://trademap.org/tradestat> (Accessed: 12.09.2017)

рынки, так и в максимальном доступе к научно-техническому потенциалу своих западных партнеров.

После двух лет интенсивных переговоров РК и Европейский Союз (ЕС) 6 октября 2010 г. подписали ССТ, вступившее в силу 1 июля 2011 г. Данное соглашение касалось только регулирования торговых обменов, причем сфера услуг рассматривалась преимущественно с учетом обсуждения этого вопроса в рамках южнокорейско-американских переговоров по заключению ССТ. В целом складывалось впечатление, что РК рассчитывала добиться принятия полномасштабного договора, охватывающего все грани двусторонних экономических отношений с тем, чтобы сформировать базу долгосрочных взаимодействий с ЕС. В то же время в ЕС рассматривали подготовку данного ССТ, скорее, в качестве пилотного проекта, апробация которого была бы учтена в ходе развития отношений с такими экономическими гигантами, как Китай, Индия и Япония.

Южная Корея весьма осторожно подошла к открытию своего сельскохозяй-

ственного рынка для европейских экспортеров. Одномоментно тарифы были сняты и квоты увеличены лишь на 30% объема сельскохозяйственного экспорта из ЕС в РК. Притом что поставки европейского продовольствия и сырья накануне заключения соглашения (данные за 2009 г.) составляли лишь 1,4 млрд долл. (четвертое место поставщиков аналогичной продукции в РК), снятие всех ограничений на импорт европейского продовольствия предусматривается лишь через 20 лет (Cooper et al., 2011a, p. 39).

Что касается отраслей сферы услуг, то стороны согласились обеспечивать равные условия предоставления услуг на своей территории, при некоторых оговорках, касающихся, в частности, страхования. Сеул проявил в этом вопросе гибкость, учитывая, что такая постановка вопроса европейцами имела объективные основания, поскольку рынок услуг регулируется в РК более жестко, чем в ЕС. При этом стороны договорились, что условия допуска европейских компаний в сфере услуг должны быть аналогичны тем, какими будут пользоваться американские конкурен-

Таблица 2. Основные внешнеторговые партнеры Республики Корея в 2016 г.

Страна	Экспорт из РК (млрд долл.)	%	Импорт в РК (млрд долл.)	%
Китай	124,4	25,1	87,0	21,4
Гонконг	32,8	6,6	1,6	0,4
Тайвань	12,2	2,5	16,4	4,0
АСЕАН	79,2	16,0	46,8	11,6
Япония	24,4	4,9	47,5	11,7
Всего Восточная Азия	273,0	55,1	199,3	49,1
США	66,8	13,5	43,4	10,6
ЕС (27)	50,7	10,2	49,2	12,1
Россия	4,8	1,0	8,6	2,1
Всего	495,5	100	406,1	100

Рассчитано по: International Trade Center. Trade map. URL: <http://trademap.org/tradestat> (Accessed: 12.09.2017)

ты после подписания ССТ между США и РК. В любом случае стороны исходили из того, что применение регулирования в этой сфере должно быть прозрачно и понятно всем участникам.

Южнокорейская сторона в ходе переговоров продемонстрировала готовность к уступкам, поскольку для РК договоренность с ЕС носила стратегически важное значение, позволяющее предупредить ослабление, а по возможности и способное нарастить коммерческие обмены с ЕС и за счет этого успешнее диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, избегая усиления чрезмерной зависимости от китайского рынка.

США и РК подписали ССТ в 2007 г., скорректировав его в 2010 г. Однако соглашение вступило в силу только лишь 15 марта 2012 г. после его ратификации сторонами. Документ предусматривает регулирование как торговых, так и инвестиционных обменов двух стран. В частности, с момента вступления соглашения в силу разрешен свободный доступ на южнокорейский рынок 2/3 американской сельскохозяйственной продукции. В течение сле-

дующих 10 лет будет происходить постепенное снижение тарифов и отказ от импортных квот на оставшуюся номенклатуру товаров, кроме говядины. Тарифы на импорт говядины будут снижаться в РК в течение предстоящих 15 лет.

Особенно трудно согласовывались правила торговли автомобилями, что весьма важно для экономики двух стран. Достичь договоренности в значительной мере помогла динамика инвестиционных обменов, обеспечивших резкий рост производства американских автомобилей в РК (с 210 тыс. в год в 2009 г. до 450 тыс. в 2010 г.), а также развитие отраслевых цепочек добавленной стоимости. Либерализация торговли услугами превысила ограничения, устанавливаемые ВТО (на чем настаивали США). В свою очередь, поставки 60% текстиля и одежды немедленно выводились из-под импортных ограничений, что уже больше устраивало Сеул. Для контроля за поддержкой Южной Кореей фармацевтики и условий поставок на внутренний рынок медицинской техники создан независимый контрольный орган (Medicines and Medical Devices Committee) (Cooper et. al., 2011b, p. 61–62).

Южная Корея является седьмым по объему экспортным рынком для американских корпораций. За время действия соглашения (с 2012 по 2016 г.) экспорт товаров и услуг из США в РК увеличился на 23%. При этом Соединенные Штаты сохраняли профицит в торговле услугами (9,4 млрд долл. в 2015 г.) (Junseong, 2017).

Подписание двусторонних соглашений РК с ЕС и США из-за существенного различия экономических потенциалов имеет для РК большее значение, чем для внешних партнеров. По существующим оценкам, подписание ССТ с ЕС позволило РК увеличить прирост ВВП в пределах 1–2%, тогда как ЕС – всего лишь 0,05%. Аналогичное соглашение между Сеулом и Вашингтоном, по мнению американских и южнокорейских экспертов, дало РК прирост ВВП на 0,5%, США – 0,1% (Becker, 2011, p. 52).

Междутем американо-южнокорейское ССТ подверглось жесткой критике со стороны президента Д. Трампа из-за удвоения за время действия соглашения импорта из Южной Кореи и сохраняющегося торгового дисбаланса в пользу РК. При этом следует подчеркнуть, что дефицит в торговле с РК составил в 2016 г. лишь 28 млрд долл. (или 3,8% совокупного внешнеторгового дефицита США), тогда как аналогичные показатели в торговле с Китаем достигли 347 млрд. долл. (43,2%), с Японией – 69 млрд. долл. (9,8%) (Junseong, 2017).

Между тем американская Комиссия по международной торговле в опубликованном в июне 2016 г. докладе дает позитивную оценку действующему двустороннему ССТ. Авторы документа отмечают, что без данного соглашения дефицит в торговле США с РК может увеличиться и составить 44 млрд долл. Иными словами, американские компании имеют возможность благодаря ССТ больше реализовывать товаров и услуг на южнокорейском рынке, а значит, нанимать больше персонала в США, что как раз и соответствует задачам, озвученным президентом Д. Трампом.

Подписанное соглашение позволяет начать процедуру выхода из него через 180 дней после соответствующего уведомления партнера. Однако даже в случае результативных американо-южнокорейских переговоров по пересмотру ССТ новое руководство РК в лице президента Мун Чжэ Ина столкнется с серьезными трудностями при ратификации пересмотренного соглашения, поскольку южнокорейская политическая элита болезненно воспринимает угрозу внешнего давления с целью получения экономических уступок.

Экономический поворот на Восток: южнокорейский вариант

За первые полтора десятилетия XXI века сотрудничество между РК и КНР отличалось высокой динамикой и в результате приобрело значительные масштабы. Так, двусторонний товарооборот увеличился более чем в 7 раз (с 31,5 млрд долл. в 2001 г. до 211,5 млрд долл. в 2016 г.). При этом доля КНР в южнокорейском экспорте выросла с 12% до 25%, а в импорте – с 9% до 21% (Таблицы 1 и 2). В итоге Китай превратился в крупнейший внешний рынок сбыта южнокорейских товаров и в ведущего поставщика потребительской и промышленной продукции.

Вместе с тем в отмеченный период в двусторонних торгово-экономических связях сохранялось немало ограничений тарифного и нетарифного характера, сдерживавших дальнейшее развитие коммерческих обменов. Все это поставило в повестку дня вопрос о либерализации взаимной торговли. Свою стимулирующую роль сыграли и внешние факторы. Оказавшись за рамками переговоров о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Китай и Южная Корея должны были продемонстрировать деловым кругам в своих странах возможные альтернативы участия в мегапроектах. Одним из таких перспективных проектов в странах

Северо-Восточной Азии (СВА) считается возможность заключения трехстороннего ССТ между Китаем, Республикой Корея и Японией. В этом смысле в Пекине и Сеуле демонстрировали двустороннее ССТ как предвестник заключения аналогичного трехстороннего соглашения с участием Токио.

Говоря о политическом фоне двусторонних отношений, следует обратить внимание на то обстоятельство, что нынешний глава КНР Си Цзиньпин свой первый государственный визит на Корейский полуостров осуществил в 2014 г. в Сеул, а не в Пхеньян. Южная Корея оказалась на пересечении приоритетов американской и китайской тихоокеанской дипломатии. «Для Пекина ключевым приоритетом в соревновании региональных держав является стремление удержать Сеул от сближения с Токио и Вашингтоном» (Guidetti, 2014, р. 110–111). В ходе китайско-южнокорейских переговоров большое внимание было уделено торгово-инвестиционному и инновационному сотрудничеству, притом что в поездке Си Цзиньпина сопровождали 200 представителей китайского бизнеса.

Руководители первой и четвертой экономик Азии, чей товарооборот в 2016 г. составил 211 млрд долл. (а с учетом Гонконга – около 250 млрд долл.), исходили из того, что обе страны сталкиваются в своем развитии с решением сходных задач. Речь идет о структурной перестройке в пользу высокотехнологичных отраслей, развитии фундаментальной и прикладной науки, модернизации инфраструктуры. Достигнута договоренность о совместных программах в освоении биотехнологии, новых материалов и возобновляемых источников энергии. Обе страны уже длительное время находятся в поиске путей оптимизации своего участия в региональных интеграционных процессах, что побуждает Пекин и Сеул согласовывать свои внешнеэкономические решения. В итоге обе страны подписали ССТ, вступившее в силу 20 декабря 2015 г., а также договорились приступить к использованию во взаимных

расчетах национальные валюты (что на практике означает очередное продвижение «валютного наступления» Китая).

Двум странам еще предстоит преодолеть немало проблем. Так, с 1996 г. остается нерешенным вопрос о согласовании морской зоны исключительных экономических интересов. События 2016–2017 гг., связанные с размещением на Корейском полуострове американской системы ПРО, были крайне негативно истолкованы в Пекине, что отрицательно отразилось на двусторонних экономических связях. Тем не менее существуют фундаментальные причины, создающие основы сохранения долгосрочных отношений между Пекином и Сеулом. При этом обе стороны пытаются проявить гибкость в своей политике. Китай – дабы продемонстрировать конструктивность своей внешнеэкономической экспансии, РК – с тем, чтобы продолжать успешно балансировать между США и Китаем.

С одной стороны, РК выражает свой положительный подход к заявке Китая на глобальное и региональное лидерство, в том числе путем реализации проекта «Один пояс – один путь». С другой стороны, поскольку четких параметров китайской стратегии все еще нет, контуры южнокорейской позиции также очерчены не вполне ясно и остаются достаточно подвижными.

Президент Пак Кын Хе провозгласила стратегию евразийского направления в качестве приоритетного внешнеполитического курса. Примечательно, что, несмотря на жесткую критику политического наследия отправленной в результате импичмента в отставку своей предшественницы на посту президента, избранный в 2017 г. главой южнокорейского государства Мун Чжэ Ин не отвергает этот аспект внешнеполитической и внешнеэкономической доктрины страны. При этом термин «евразийское направление» дает возможность избежать обязывающих или содержащих политический вызов формулировок. Чего нет в южнокорейской позиции, так это ан-

тизападничества. «Южной Корее приходится следовать «дипломатии средней державы», стараясь быть нейтральной в отношении соперничества США и Китая» (Kim Joop Hyung. 2013, p. 29).

С точки зрения решения практических экономических задач, ставка делается на укрепление экономических отношений с Китаем, в том числе в рамках подписанного Сеулом и Пекином ССТ. Одновременно РК стремится обеспечить свою вовлеченность в тех китайских региональных проектах, которые представляют долгосрочный коммерческий интерес. Однако перспективы и оценка возможной результативности делового сотрудничества РК и Китая на этих направлениях все еще в ряде случаев носит вероятный и декларативный характер.

Первые итоги подписания ССТ между РК и КНР

В этом смысле южнокорейско-китайское ССТ рассматривалось сторонами в качестве пилотного проекта, уточняющего контуры работоспособного партнерства в СВА, которое бы придало импульс формированию интеграционного пространства в Восточной Азии. Оценивая в этом контексте достигнутые Сеулом и Пекином результаты выполнения двустороннего экономического соглашения, можно сделать следующие предварительные выводы.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вступившее в силу 20 декабря 2015 г. южнокорейско-китайское ССТ спустя год получает в Республике Корея сдержанные оценки. С одной стороны, позитивно воспринимается тот факт, что подпадающие под действие соглашения товарные группы в 2016 г. в меньшей степени продемонстри-

ровали количественное снижение, нежели весь товарооборот в целом. С другой стороны, тот факт, что достигнутые договоренности не только не увеличили взаимные обмены, но и не смогли предотвратить их сокращение, вызывает разочарование в южнокорейских политических, экспертных и деловых кругах. В частности, экспорт в КНР упал за год на 11%, тогда как в целом объем вывоза южнокорейских товаров сократился за год на 7%. При этом доля поставок из Южной Кореи в общем объеме китайского импорта несколько уменьшилась (с 10,9% до 10,5%), в то время как доля такого южнокорейского конкурента, как Япония, не имеющей аналогичного соглашения с Китаем, увеличилась с 8,9% до 9,6%¹.

Одним из объяснений сложившейся ситуации может быть то обстоятельство, что за рамками двустороннего ССТ остались товары, в производстве которых южнокорейский бизнес сохраняет свои конкурентные преимущества: полупроводники, дисплеи с плоским экраном, автомобили. При этом 35% составляют компоненты и узлы для производства инвестиционных товаров, а также транспортных средств и оборудования. В то же время в южнокорейском импорте из Китая существенная часть принадлежит конечной продукции, прежде всего потребительского назначения (12,1%) (Nicolas, 2012, p.89).

Рассматривая эту проблему шире, следует обратить внимание на то, что стороны оставили вне рамок договоренности значительный круг товаров. Так, Южная Корея взяла обязательство в течение 10 лет отказаться от 79% своих импортных тарифов, а Китай, в свою очередь, – от 71%. Аналогичные соглашения РК с Европейским Союзом подразумевали освобождение от таможенных тарифов в течение 10 лет 98,1% европейских товаров, ввозимых в РК, и 99,6% южнокорейских

1 One year later, no clear winner in S.Korea-China free trade agreement. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_business/775431.html (Accessed: 10.09.2017)

товаров, поставляемых в ЕС. Американо-южнокорейский ССТ предусматривает также в течение 10 лет освобождение 98,3% американских товаров, ввозимых в РК и 99,2% южнокорейских товаров, импортируемых США. Таким образом, степень либерализации южнокорейско-китайской торговли без малого на 20–30 пунктов меньше, чем это демонстрируют соглашения РК с западными партнерами².

При этом помимо количественных отличий южнокорейско-китайское ССТ характеризуется тем, что китайская сторона в ходе проходивших переговоров, несмотря на позицию южнокорейских партнеров, избегала применения договорных стандартов, апробированных в южнокорейско-американском ССТ.

Сохраняются дисбалансы в регулировании торговли сельскохозяйственной продукцией. Освобождению от тарифов на протяжении 20 лет подлежит 64% продукции южнокорейского и 91% китайского сельскохозяйственного экспорта. Кроме того, обращает на себя внимание, что вопросы либерализации инвестиционных обменов и взаимной торговли услугами были выведены за рамки соглашения. Решено их рассмотреть на переговорах не раньше 2018 г. Между тем налицо снижение привлекательности Китая для южнокорейских инвестиций. Если в 2003–2004 гг. на Китай приходилось 40% всех прямых частных капиталовложений, направляемых из РК за рубеж, то к 2011 г. эта доля сократилась до 14% (Nicolas, 2012, p. 90). Затяжка с выработкой инвестиционного соглашения как дополнения к двустороннему ССТ может негативно отразиться на перспективах развития китайско-южнокорейских отношений, что отрицательно скажется на внешнеэкономических планах и той, и другой стороны.

Южная Корея и мегарегиональные проекты в АТР

Между тем одним из важнейших аспектов южнокорейско-китайского взаимодействия как раз и является продвижение основ многостороннего интеграционного сотрудничества в трехстороннем (в СВА) и в многостороннем формате (Восточная Азия и АТР).

В АТР Республика Корея остается сторонником провозглашенной на саммите в Иокогаме в 2010 г. идеи превращения АТЭС в «единую зону свободной торговли» путем сближения тихоокеанских экономик посредством формирования общего подхода к развитию внешнеэкономических связей и адаптации сформировавшихся в регионе зон свободной торговли. В этом контексте этапными для Сеула, помимо ратификации американо-южнокорейского ССТ, стало достижение в мае 2011 г. договоренностей с КНР и Японией, на которые приходится около 1/3 внешнеторгового оборота Республики Корея, о намерении подписать трехстороннее соглашение о свободной торговле.

Впервые идея трехстороннего ССТ была выдвинута еще в 2002 г., однако лишь в последние годы наметилось практическое обсуждение реализации этой идеи. По существующим оценкам, заключение трехстороннего ССТ увеличило бы ВВП Китая в 2015 г. на 2%, Японии – на 0,3% и РК – на 2,8%³. Взаимная заинтересованность в экономическом сближении заставляет Китай, Японию и Корею искать компромиссы и вырабатывать согласованную позицию относительно содержания и перспектив интеграции в СВА. При этом заключение такого рода трехстороннего со-

2 Schott J.J., Euijin Jung. South Korea-China FTA falls short on reform. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/05/29/south-korea-china-fta-falls-short-on-reform/> (Accessed: 15.09.2017)

3 Analysis of a China-Japan-Korea Free Trade Area Analysis of a China-Japan-Korea Free Trade Area: A sectoral approach. URL: <http://keia.org/sites/default/files/publications/02Ahn.pdf> (Accessed: 15.09.2017)

глашения находится в прямой взаимозависимости от продвижения переговоров о создании региональных интеграционных мегапроектов. «Китай, активно отстаивая заключение ССТ с Южной Кореей и поддерживая переговоры о заключении трехстороннего соглашения между КНР, Японией и Республикой Корея, исходил из необходимости противовеса ТПП» (Cheong Inkyo, 2013, p. 66). В свою очередь, РК выступает активным приверженцем трехсторонней интеграции, рассматривая участие в ней как возможность решить свои проблемы взаимоотношений с Китаем и Японией⁴.

Координация «тройкой» институционального строительства может иметь значение не только с точки зрения сближения ведущих экономик Азии, но и с учетом выстраивания интеграционных механизмов и определения «правил игры» на всем тихоокеанском пространстве. Для корейской и японской экономик членство в Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ) даст гарантию американского противовеса доминированию Китая в процессах интеграции в СВА. В свою очередь, экономическое сближение с Токио и Сеулом позволит Пекину подстроить под свои цели развития формирующийся в СВА финансовый и промышленный потенциал, а также крупнейший в мире рынок, опираясь на возможности которого можно будет активно побуждать американских партнеров конструктивно отнестись к учету интересов Китая на региональном и глобальном уровнях.

Взаимная заинтересованность способствует концентрации торгово-инвестиционных связей Китая, Японии и Республики Корея в наиболее перспективных сферах экономики, создавая организационную и технологическую основу для углубления интеграционных отношений. Стороны ищут пути перехода от промыш-

ленной к научно-технической кооперации, возможности улучшить свою и региональную транспортно-логистическую и информационную инфраструктуру, продвигаться в решении таких вопросов, как сохранение окружающей среды, повышение уровня образования, развитие медицинской сферы и индустрии туризма.

В условиях консервации нерешенных застарелых межгосударственных проблем в сфере политики и безопасности (включая территориальные споры и оценки исторического прошлого) в СВА сохраняется ситуация «азиатского парадокса», подразумевающего сочетание экономического сотрудничества на фоне региональной политической нестабильности (Glosserman, Snyder, 2015, p. 71). В то же время потребность обеспечения условий для улучшения параметров экономического роста за счет сотрудничества с партнерами по интеграции в СВА побуждает три государства добиваться обеспечения региональной безопасности за счет преимущественно политического сотрудничества.

Южнокорейская дипломатия, вырабатывая свою политику в отношении АТР, вынуждена маневрировать, дабы избежать ухудшения своих отношений с Китаем и США. В частности, Сеул не поддерживал планы активизации региональной интеграции в рамках ТТП, поскольку Пекин настороженно относился к этой американской инициативе. РК, хотя и в сдержанной форме, критикует курс КНР на поддержку своих госкорпораций. В то же время Сеул полемизирует с США, выступая за всемерное расширение сотрудничества в инновационной сфере, за максимальное снятие ограничений на передачу технологий, в чем он солидаризируется с Пекином и рядом других тихоокеанских государств. Одновременно РК активно лоббирует региональное сотрудничество в образовательной сфере.

4 Kim Young-Sun. ASEAN – S.Korea partnership to grow. URL: <https://www.thestar.com.my/news/regional/2017/05/24/aseans-korea-partnership-to-grow-seouls-industrial-success-can-provide-invaluable-lessons-to-the-reg/> (Accessed: 15.09.2017)

В сложившихся условиях на повестке дня внешнеэкономической политики РК встает вопрос о возможностях и перспективах интеграционных проектов, альтернативных ТТП. Однако планы реализации других региональных мегапроектов либо затруднены (Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство/РВЭП), либо еще недостаточно очерчены («Один пояс – один путь»).

Повод для сомнений дает трудное продвижение концепции РВЭП, созданного в 2012 г. и объединяющего 16 стран АТР, лидером которого претендует стать Китай и в котором Южная Корея рассчитывала занять заметное место. Координация внешнеэкономической политики в рамках РВЭП давало бы РК дополнительную возможность обсудить уровень таможенных и инвестиционных барьеров, адаптировать к новым внешним условиям действующие и создать при необходимости новые институты (требования к которым задавались соглашениям о создании ТТП). Кроме того, 6 членов РВЭП участвовали в переговорах по ТТП. Таким образом, РВЭП в определенной части его деятельности выступал не конкурирующим, а дополняющим ТТП институтом. Однако кризис ТПП поставил вопрос о новых задачах РВЭП. Как ТТП было для РК неприемлемо без участия Китая, так и РВЭП без американского участия и отсутствия альтернативы в лице ТТП в значительной мере теряет свою привлекательность, поскольку в сложившихся обстоятельствах обостряется проблема зависимости от Китая. Поскольку аналогичные риски принимаются другими участниками переговоров, в первую очередь Индией, данное обстоятельство становится одной из причин затягивания принятия основополагающих документов РВЭП.

Сеулу и его партнерам предстоит сложный процесс перезагрузки переговорного процесса, в рамках которого участникам

предстоит определить цели и возможности РВЭП в новых условиях. Между тем РК заинтересована в экономической экспансии на рынки стран Юго-восточной Азии (ЮВА). Для этого использовался формат ССТ с государствами этого региона, а также переговорный форум АСЕАН + 3, в рамках которого десять стран – членов АСЕАН оговаривали принципы экономического взаимодействия с Китаем, Южной Кореей и Японией. Заинтересованность Сеула в этой структуре объясняется шансом экспортировать готовую продукцию на рынки ЮВА как в двустороннем формате, так и с промышленными предприятиями, расположенных в Китае. Однако эта возможность подходит к своему исчерпанию не только в связи с ростом издержек в Китае, но и в связи с тем, что за 2010–2015 гг. совокупный дефицит торговли членов АСЕАН с КНР вырос с 6 млрд до 84 млрд долл., т.е. в 14 раз (Рогожин, 2017, с. 36).

В период с 1995-го по 2010 г. крупный южнокорейский бизнес перенес за рубеж (преимущественно в ЮВА, а также в Восточную Европу) 17% своего промышленного потенциала (Park Yoon-shik, 2014, p. 23). Тем самым снижались издержки, преимущественно связанные с оплатой труда и логистикой. Однако оптимизация такого рода экспортных возможностей подошла к пределу своих возможностей. С этим связан поиск в РК альтернативных внешнеэкономических решений. Стратегия президента Мун Чжэ Ина предусматривает оживление развития малого и среднего бизнеса, сферы услуг, в том числе финансового сектора, а главное – продолжение укрепления инновационных отраслей⁵. В частности, ставится задача приоритетного роста «Индустрии 4.0», в том числе с ориентацией на внешние рынки. В то же время для этого в странах АСЕАН потребуется новое качество трудовых ресурсов, образовательной и институциональной сре-

5 Lee Jong-Wha. Can J-nomics Save South Korea's Economy? URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/moon-south-korea-economic-reform-by-lee-jong-wha-2017-05?barrier=accessreg> (Accessed: 15.09.2017)

ды, что позволило бы поднять в регионе и адекватный спрос, и создание высокотехнологичных производственных цепочек.

Торможение здесь модернизационных и интеграционных процессов может заставить южнокорейский бизнес вновь сконцентрироваться на китайском рынке, чего он стремится избежать⁶. Кроме того, степень интеграции финансовых рынков в Восточной Азии отстает от уровня регионального взаимодействия в сфере торговли. Доля США и ЕС в портфельных инвестициях в 2004–2009 гг. сократилась на 10 процентных пунктов – с 47% до 37% (Park Young-Joon, 2012, p. 81). Однако расширение присутствия местных игроков на рынке портфельных инвестиций и рынке ценных бумаг и краткосрочных кредитов в силу недостатков регулирования и оценки рисков создает атмосферу нестабильности. РК настаивает на неуклонном, но взвешенном подходе к развитию региональных финансовых институтов, а также предлагает свой экспертный потенциал для создания аналитических агентств, осуществляющих мониторинг финансовых рисков в Восточной Азии.

Отсюда также проистекает сбалансированный подход РК при обсуждении перспектив эволюции международной валютной системы. Учитывая привязку мировой торговли к американской валюте, ее роль в международных резервах, Сеул не склонен поддерживать предложения, подразумевающие резкие перемены, способные дестабилизировать существующую иерархию валют. Вместе с тем в РК полагают, что изменение баланса сил в мировой экономике должно сопровождаться постепенной корректировкой валютной сферы, первоначально на региональном уровне. В этом плане Республика Корея положительно оценивает международные своповые соглашения, позволившие в 2000-е гг. оперативно привести в равновесие коле-

бания валютного спроса и предложения. С другой стороны, Республика Корея ожидает, что страны, претендующие на увеличение своей внешнеэкономической роли и чья валютная политика оказывает заметное влияние на мировую торговлю, включая Китай, должны демонстрировать повышенную ответственность при принятии своих экономических решений.

В то же время Южная Корея вместе с другими странами – членами АТЭС продолжает изучение потенциальных возможностей сотрудничества, связанных с принятием в 2016 г. на саммите АТЭС в Лиме Декларации об Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ), идея которой активно продвигалась Китаем. Между тем одобренный в Лиме документ носит достаточно общий характер.

Выжидательная позиция РК связана с неопределенным тезисом о намерении интегрировать уже существующие между членами АТЭС двусторонние и многосторонние ССТ в единый договор, действия которого распространятся на весь регион. Пока дорожной картой намечается проведение инвентаризации этих соглашений, фокусируясь на выявлении существующих различий и противоречий. Затем предполагается поиск подходов к снятию противоречий действующих соглашений о ССТ с последующим переходом к выработке новых норм регулирования (“next generation trade and investment issues”), соотнося выработку своих предложений с ВТО. Однако можно предположить, что сложности вызовет поиск решения, какие принципы ССТ целесообразно принять за базовые, а какими допустимо пожертвовать.

Кризис или замедление реализации региональных мегапроектов подтолкнет ведущие страны региона к переговорам в более камерном формате – на двусторон-

6 Kim Young-Sun. ASEAN – S.Korea partnership to grow. URL: <https://www.thestar.com.my/news/regional/2017/05/24/asean-s-korea-partnership-to-grow-seouls-industrial-success-can-provide-invaluable-lessons-to-the-reg/> (Accessed: 15.09.2017)

нем или субрегиональном уровнях. Таким курсом, по всей видимости, в ближайшие годы предполагает следовать администрация Д. Трампа. В этой связи многое будет зависеть от того, в каком темпе продолжится концентрация торгово-инвестиционных связей Китая, Японии и РК в наиболее перспективных сферах экономики, создающих организационную и технологическую основу для углубления интеграционных отношений.

Приоритеты участия РК в региональных проектах в решающей степени определяются тремя ключевыми факторами. Во-первых, тенденцией снижения роли государства в экономике, готовностью южнокорейского частного бизнеса действовать в конкурентной среде. Во-вторых, необходимостью поддерживать внешнеэкономическую экспансию, опираясь прежде всего на потенциал инновационных отраслей. В-третьих, использовать возможности заключения двусторонних ССТ как механизм продвижения внешнеэкономических интересов, обеспечения диверсификации внешних связей, а также подготовку участия страны в интеграционных мегапроектах.

В этом контексте очевидно, что российско-южнокорейские экономические отношения и с количественной (Таблицы 1 и 2), и с качественной точки зрения пока находятся вне магистральных направлений внешнеэкономической стратегии РК. В торговых обменах нет зримого проявления наличия цепочек добавленной стоимости, в южнокорейском экспорте преобладают товары, связанные с автомобилестроением, а в российском – минеральные и энергетические ресурсы. Более того, доля минеральных ресурсов в южнокорейском импорте из России в 2007–2015 гг. увеличилась с 56% до 81% (Сонг Бьонг Джик, 2017, с. 56–57). В связи с этим будущее российско-южнокорейских отношений зависит от перспектив структурной трансформации экономики РФ, увеличения в ней доли высокотехнологичных отраслей, а также от повышения креативной активности российского частного бизнеса на внешних рынках.

Список литературы

- Рогожин А.А. (2017). Экономические отношения АСЕАН и Китая – взгляд без иллюзий. Мосяков Д.В. (ред.). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Идеология, история, политика, культура, экономика. Выпуск XXXIV. Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион 2016–2017 гг.* М.: ИВ РАН. 34–39.
- Сонг Бьонг Джик. (2017). Структура внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией. *Проблемы Дальнего Востока*, (1). 49–60.
- Becker A.K. (ed.). (2011). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 194.
- Cheong Inkyo. (2013). The TPP and the Guest for East Asian Regionalism. *Global Asia*, 8 (1). 60–71.
- Cooper W. [et al.]. (2011a). The EU-South Korea Free Trade Agreement and Its Implications for the United States. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 27–54.
- Cooper W. [et al.]. (2011b). The Proposed U.S. – South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implications. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers 55–108.
- Glosserman B., Snyder S.A. (2015). *The Japan-South Korea Identity Clash. East Asian Security and the United States*. N.Y.: Columbia University Press. 219.
- Guidetti A. (2014). South Korea and China: A Strategic Partnership in the Making. *Global Asia*, 9 (3). 110–116.
- Junseong An. (2017). *Renegotiation of the South Korea – US Free Trade Agreement: Time to Think Big Strategy*. 6. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/76th%20EAF%20Policy%20Debates.pdf> (Accessed: 15.09.2017)
- Kim Joon Hyung. Letting Off Steam: South Korea Role in Northeast Asia. *Global Asia*, 8(1). 24–29.
- Nicolas F. (2012). Korea and economic integration in East Asia: the way forward. *Korea's Economy*, (28). 87–93.

Park Yoon-shik. (2014). Miracle on the Han River Part II, or Regression to the Mean, South Korea's Economy in Transition. *Global Asia*, 9 (4). 22–25.

Park Young-Joon. (2012). Financial Integration in Asia: Development and Korea's Role. *Korea's Economy* (28). 79–86.

References

Becker A.K. (ed.). (2011). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 194.

Cheong Inkyo. (2013). The TPP and the Guest for East Asian Regionalism. *Global Asia*, 8 (1). 60–71.

Cooper W. [et al.]. (2011a). The EU-South Korea Free Trade Agreement and Its Implications for the United States. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 27–54.

Cooper W. [et al.]. (2011b). The Proposed U.S. – South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implications. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers 55–108.

Glosserman B., Snyder S.A. (2015). *The Japan-South Korea Identity Clash. East Asian Security and the United States*. N.Y.: Columbia University Press. 219.

Guidetti A. (2014). South Korea and China: A Strategic Partnership in the Making. *Global Asia*, 9 (3). 110–116.

Junseong An. (2017). *Renegotiation of the South Korea – US Free Trade Agreement: Time to Think Big Strategy*. 6. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/76th%20EAF%20Policy%20Debates.pdf (Accessed: 15.09.2017)

Kim Joon Hyung. Letting Off Steam: South Korea Role in Northeast Asia. *Global Asia*, 8(1). 24–29.

Nicolas F. (2012). Korea and economic integration in East Asia: the way forward. *Korea's Economy*, (28). 87–93.

Park Yoon-shik. (2014). Miracle on the Han River Part II, or Regression to the Mean, South Korea's Economy in Transition. *Global Asia*, 9 (4). 22–25.

Park Young-Joon. (2012). Financial Integration in Asia: Development and Korea's Role. *Korea's Economy* (28). 79–86.

Rogozhin A. (2017). Economic relations between ASEAN and China – view without illusions. Mosyakov D.V. (ed.). *South-East Asia: current issues of development. Ideology, history, policy, culture, economy*. Vol. XXXIV. *South-east Asia and South Pacific region 2016-2017*. Moskva: IVI RAN. 34–39.

Song Byung Jik. (2017). Structure of Foreign Trade of the Republic of Korea with the Russian Federation. *Problemy Dal'nego Vostoka*. (1). 49–60.

Информация об авторе

Александр Николаевич Федоровский, доктор экономических наук, заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
a.fedorovsk@imemo.ru

About the Author

Aleksandr Nikolaevich Fedorovskii, Doctor of Economics, Head of the Sector of the Asia-Pacific Region Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
a.fedorovsk@imemo.ru

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-158-177

Светлана Юрьевна БАБЕНКОВА

Институт востоковедения Российской академии наук
Рождественка ул., 12, Москва, 107031, Российская Федерация
sbabenkova@ivran.ru

Экономическая трансформация теневой экономики арабских стран в современном мире

АННОТАЦИЯ. Возможно ли такое явление, как теневая экономика в арабских (мусульманских) странах? С точки зрения научного подхода – конечно. В связи с тем что наличие положительной (легальной) экономики всегда будет иметь антипода – наличие отрицательной (теневой или нелегальной), и не важно, какая страна будет иметь данные виды экономики. Конечно, процентное соотношение легальной и теневой экономики в разных странах колеблется. При этом объемы теневой экономики не зависят, например, от основной религии, которую исповедует население, или от части света, где располагается страна (страны, где основной религией является ислам, имеют меньший объем теневой экономики по сравнению со странами, где преобладающей религией является христианство, а богатейшие нефтяные страны региона MENA имеют большие объемы теневой экономики, чем некоторые западноевропейские страны). Проблемы возникновения теневой экономики, предпосылки ее зарождения во многом одинаковы по своей социально-экономической природе. Источники экономических проблем кроются в дисбалансе между ограниченными ресурсами, которые имеются в распоряжении человека или государства, и в неограниченности постоянно растущих потребностей экономических субъектов. Именно на этих противоречиях и возникают многочисленные финансовые и экономические кризисы, также можно отметить, что желание овладеть как можно большим

количеством ресурсов влечет за собой внешнеполитическую борьбу между странами, результатами которых становятся войны, конфликты, экономические санкции. В последнее время страны арабского Востока переживают системный кризис. За последние 10 лет происходит не только перераспределение экономических благ, «перекраивается» карта региона, но и смещаются нравственные ориентиры общества. Это хорошо видно на событиях, которые происходят сейчас в Ливии, Сирии, Ираке, Йемене. Исламские финансовые институты и рынки, которые являлись не столько финансовой, сколько морально-этической основой арабских стран, выдерживают в настоящее время экзамен на «стресс-тестирование». Разоренные войной страны, кризис в нефтяных монархиях, безработица, огромные миграционные потоки, возрастающий в геометрической прогрессии «черный рынок»... Возьмут ли верх над этим всем гуманистические и социальные ориентиры, которые исламские ученые ставят во главу взаимоотношений между людьми, людьми и властью, людьми и Всевышним? Трансформация теневой экономики в арабском регионе достаточно резко произошла именно за последние 10–15 лет, в том числе не без вмешательства великих держав (экономико-статистические отчеты наглядно показывают, что по основным показателям не нефтедобывающие арабские страны, до событий «Арабской весны» и военных конфликтов, имели колоссальный по-

тенциал развития). Средний класс, бизнес-сообщество арабских стран, приспосабливаются к обстоятельствам, которые возникают в современных реалиях, осуществляя свою деятельность в теневом или квазизегальном секторе экономики. Они не ощущают поддержки со стороны государства, которое само озабочено вопросами сохранения стабильности путем введения жестких налоговых, контрольных или ограничительных мер. В этой связи, возможно, уместно выражение о том, что «каждый выживает как может и умеет». Региональные державы борются за свою политическую и экономическую самостоятельность, население этих держав живет, чтобы работать и обеспечить себе и своим семьям хоть какое-то будущее. Вопросы теневой экономики стоят в

плоскости не экономических, а социальных или духовных отношений, которые также трансформируются в современном мире вне зависимости от величины собранных налогов или уровня ВВП.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теневая экономика, средний класс, Ближний Восток, незаконная деятельность, контрабанда, миграционные потоки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бабенкова С.Ю. (2017). Экономическая трансформация теневой экономики арабских стран в современном мире. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 158-177. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-158-177

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-158-177

Svetlana Y. BABENKOVA

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, ul. Rozhdestvenka, Moscow, Russian Federation, 107031
sbabenkova@ivran.ru

Economical Transformation of Shadow Economy of Arab Countries in the Modern World

ABSTRACT. Is such phenomenon as Shadow Economy possible in the Arab (Muslim) countries? In terms of scientific approach as the presence of positive (legal) economy will always have its antipode – the presence of negative (shadow or illegal) economy and no matter which country will have these economic types. Of course, the percentage of legal and shadow economy varies in different countries. At the same time, the volumes of shadow economy are independent of the main religion professed by the population or of the part of the world where the country is situated (countries with Islam as the main religion have a less volume

of shadow economy in comparison with countries having Christianity as a predominant religion, and the richest oil countries in the MENA region have bigger volumes of shadow economy than some Western European countries). The causes of shadow economy and the prerequisites of its inception are largely the same by its socio-economic nature. The sources of economical problems lie in the imbalance between limited resources at the disposal of people or a state and in the open-endedness of ever-growing needs of economic agents. It is precisely on these contradictions numerous financial and economic crises appear. It may also be

noted that the wish to possess the largest possible quantity of resources leads to the foreign-policy struggle between countries which results in wars, conflicts, economic sanctions. Recently, the countries of Arab East have been experiencing systemic crisis. Over the past 10 years economic benefits have been redistributed, the map of the region has been redrawn, and moral guidelines of the society have been shifting. This is acutely seen in the events taking place in Libya, Syria, Iraq, and Yemen. Islamic financial institutions and markets, which were less of a financial and more of moral and ethical basis of the Arab countries, currently are taking an exam on "stress tests". Countries devastated by wars, crisis in oil monarchies, unemployment, enormous migration flows, "black market" growing at a geometric rate – can all these humanistic and social guidelines, which Islamic scientists focus on in the relationships between people, people and authorities, people and God, prevail all this? The transformation of shadow economy in the Arab Region sharply has taken place over the past 10 to 15 years, partly due to the interference of Major Powers (statistics on the economy clearly demonstrate that before the events of Arab Spring and military conflicts non-oil-producing Arab countries had an enormous potential of development on key indicators). The middle class, the business community of Arab countries adapts to circumstances arising in today's realities carrying out its activities in the shadow or quasi-legal sector of the economy. They don't feel support from the state concerned about issues of the maintenance of stability by introducing tough tax, control and restrictive measures. In this regard probably appropriate phrase: "One does what one must to survive!" Regional Powers fight for their political and economical independence, the population of these Powers live to work and secure any future to themselves and their families. The issues of the shadow economy do not fall within economic relationships, they are relevant to so-

cial or spiritual relationships which are transforming in the modern world regardless of the value of taxes collected or level of GDP.

KEYWORDS: *shadow economy, middle class, Middle East, illegal activities, smuggling, migration flows*

FOR CITATION: Babenkova S.Yu. (2017). Economical Transformation of Shadow Economy of Arab Countries in the Modern World. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 158-177. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-158-177

При рассмотрении термина «экономика арабских стран» исследователями достаточно часто вводятся слова – синонимы этого понятия, например, такие, как, «исламская экономика» или «экономика исламских стран». Конечно, можно согласиться, что эти термины тождественны, однако исламские экономические модели частично присутствуют в европейских странах, где разрешены исламские финансовые инструменты и проводимые с ними сделки, а экономика исламских стран может не в полной мере функционировать по законам шариата, имея в своем арсенале и традиционные сектора¹.

Исламские подходы к экономической модели основаны прежде всего на определенных взаимодействиях (транзакциях) между людьми, между человеком и Всевышним, в том числе с точки зрения проблем коммерческой и деловой этики. Эксперты исламской экономики² в своих исследованиях используют аксиологический подход и достаточно часто утверждают ведущую роль этического начала в ней. Эта позиция вступает в противоречие с европейскими концептуальными подходами в исследованиях, посвященных экономическим проблемам мировых стран.

1 100% исламских банков на своей территории имеет только Иран. Под «традиционными» понимается западный подход к экономической (финансовой) системе. (Примеч. авт.)

2 Речь идет о мусульманских ученых. (Примеч. авт.)

Тем не менее, принимая во внимание определенную социальную направленность исламской экономической модели, эксперты, аналитики и ученые в своих исследованиях и отчетах сходятся во мнении о существовании в ней некой противоположной модели, модели со знаком «минус» – теневой экономики³. Теневая экономика характерна для развивающихся стран, в политических процессах которых роль и функции государственного аппарата как контролирующего органа практически сведены к минимуму, однако, если посмотреть на все арабские страны, то незаконная экономическая деятельность присутствует как в богатейших странах Персидского залива, так и в разоренных войнами и революциями странах арабского региона⁴.

Данные по теневой экономике арабских стран, которые находятся в открытом доступе, начинаются с периода середины 90-х гг. XX века и заканчиваются 2007 г. Они представлены в работе немецкого экономиста, профессора Фридриха Шнайдера (Friedrich Schneider) «The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know?»⁵. В целом указанный труд является достаточно интересным, однако в нем не отражены политические и экономические изменения, произошедшие в арабских странах за последние 10 лет, что заставляет нас аппроксимировать значение теневой экономики за период первой половины XXI в.

С целью приведения более актуальных данных по объемам теневой экономики, а также анализа причин возникновения, трансформации и ее влияния на средний класс в арабских странах целесообразно привести некоторые теоретические формулировки и выкладки по ее определению и расчету.

1. Теоретические подходы к теневой экономике

«Теневая экономика», «неформальная экономика», «криминальная экономика» – много различных терминов, обозначающих, пожалуй, один из самых больших структурных и недостаточно изученных экономических объектов. В рамках своих работ, например о предпосылках или последствиях кризисных явлений, происходящих в экономике определенной страны, многие исследователи рассматривают, в той или иной степени, процессы и явления, характерные для теневой экономики.

В настоящее время определенные, точные и качественные данные по объемам (частям), которая занимает теневая экономика в конкретной исследуемой стране отсутствуют. По нашему мнению, это связано прежде всего с отсутствием четкой методологической базы по ее расчету⁶, необходимой и открытой информации (источников), а также единого и всеобъемлющего определения термина «теневая экономика».

Как было изложено выше, под термином «теневая экономика» могут пониматься на первый взгляд синонимичные понятия «нелегальная экономика», «черный (незаконный) сектор экономики», «криминальная экономика» и т.д. При этом в целом по своей экономической и нормативной сущности приведенная выше терминология, в первом приближении, достаточно похожа. Но если попытаться вникнуть немного глубже, то можно найти значительные концептуальные расхождения.

По мнению вышеупомянутого Фридриха Шнайдера, самое распространенное определение «теневой экономики» следующее: «...Теневая экономика включает в себя все незарегистрированные виды эко-

3 В арабских источниках можно встретить термин «черная экономика».

4 В статье не будут в полном объеме рассмотрены процессы, происходящие в Сирии, а также в других арабских странах, на территории которых осуществляют свою деятельность запрещенные в России террористические организации. (Примеч. авт.)

5 Friedrich Schneider. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Discussion Paper No. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

6 Отсутствует единая (универсальная) формула по расчету объемов теневой экономики.

номической деятельности, которые способствуют официальному расчету валового национального продукта»⁷ и «...Теневая экономика, называемая также подпольной, неформальной, или параллельной экономикой, включает не только незаконную деятельность, но и недеklarируемые доходы от законного производства товаров и услуг, получаемые в результате денежных или бартерных операций»⁸.

В своей работе⁹ он приводит цитату Смита (1994), который предлагает следующее определение: «...Теневая экономика – это рыночное производство товаров и услуг законным или незаконным способом, которые не учитываются при расчете валового внутреннего продукта (далее – ВВП)».

Эрнандо де Сото¹⁰ в своей книге «Иной путь. Экономический ответ терроризму» (де Сото, 2008) дает понятие «теневой экономики» как «прибежища для тех, для кого издержки соблюдения существующих законов при ведении обычной хозяйственной деятельности превышают выгоды от достижения своих целей. Кроме деятельности, принимаемой целиком вне рамок закона, понятие «теневая экономика» охватывает еще и тех, для кого государство открыло возможности легализации, но без принятых выгод и защиты, которые закон распространяет на действительно законную деятельность. Во всех случаях, однако, данное понятие характеризует не предприятия, а скорее институциональные рамки, которые определяют границы внезаконной экономической деятельности».

Арабские аналитики предлагают свое видение термина: «Теневая экономика или незаконная экономическая деятельность – это вид деятельности предприятия (фирмы), который не контролируется государственными надзорными органами. В связи с отсутствием официальной регистрации отсутствует публичная отчетность, не производятся налоговые отчисления в бюджет и отсутствуют социальные пакеты для работников предприятия. Доходы, полученные в ходе деятельности таких предприятий, не учитываются и не включаются в расчет валового национального продукта (далее – ВВП) и ВВП»¹¹.

Наряду с этим некоторые эксперты считают, что «нелегальная экономика» может существовать внутри легальной (например, когда на территории государства действуют предприятия, которые легально зарегистрированы, однако они осуществляют свою деятельность нелегальным способом (уходят от налогов, осуществляют мошеннические и схемные операции и т.д.). По нашему мнению, здесь речь может идти о таком понятии, как «квазилегальная экономика или квазилегальный сектор экономики»¹², при этом, исходя из научно обоснованных моделей экономики: традиционной, основанной на натуральном (сельскохозяйственном) производстве; рыночной, основанной на частной собственности, свободе выбора и конкуренции; командной, основанной в противоположность рыночной экономике преимущественно на общественной (государственной) собственности на средства производства...»¹³, теневая

7 Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Discussion Paper No. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

8 Фридрих Шнайдер при участии Доминика Энста. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики. Международный Валютный Фонд. 2002. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues30/rus/issue30r.pdf> (Дата обращения: 07.09.2017)

9 Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Discussion Paper No. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

10 Автор работал над книгой при поддержке Международного центра экономического развития – некоммерческой общественно-политической организации (ICEG) и Института свободы и демократии.

11 URL: <https://www.sasapost.com/shadow-economy-in-egypt/> (Дата обращения: 07.09.2017)

12 Термин введен автором статьи. То есть данный сектор находится внутри легальной экономики (предприятие зарегистрировано легально), но операции, которое оно осуществляет, лежат в области нелегальной экономики.

13 И.К. Станковская, И.А. Стрелец. Экономическая теория. Полный курс MBA. Учебник. М.: Эксмо. 2006. 448 с.

экономика не может полностью и целиком являться отдельной (самостоятельной) экономической системой¹⁴.

Однако процессы, которые происходят в теневой экономике, могут напрямую или косвенным образом оказывать воздействие на различные сферы деятельности политических, финансовых, социальных групп в экономике легальной. Наряду с этим хотелось бы отметить два факта:

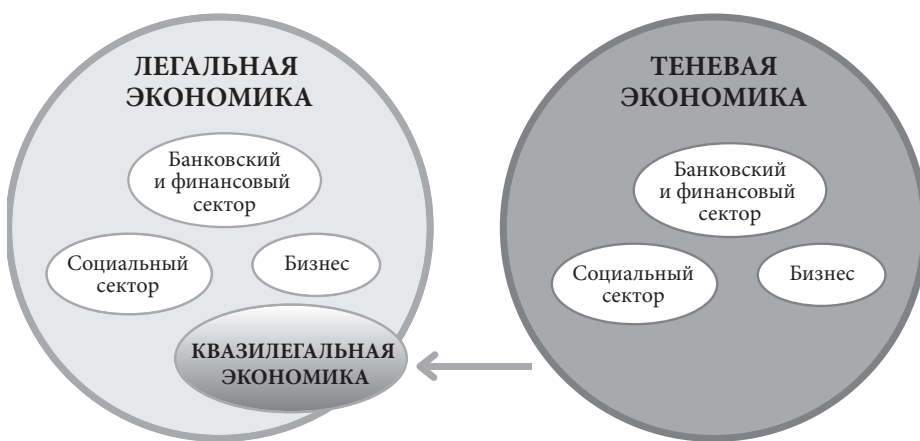
1. Не менее двух третей доходов, полученных в «теневой экономике», сразу же расходуется в экономике официальной, что оказывает на нее значительное положительное, стимулирующее воздействие¹⁵.

2. Правительства некоторых стран предложили включать доходы, полученные от деятельности бизнеса в теневой экономике, в систему национальных счетов (СНС), а также в показатели ВВП и ВВП¹⁶.

Почему же происходит рост теневой экономики? Первое, что можно отметить, – это экономические кризисы и как следствие этого реструктуризация определенных отраслей экономики (например, потеря работы человеком в легальном секторе экономики, постепенное падение его уровня жизни, переход на работу в сектор теневой экономики с целью поддержания и удовлетворения своих материальных по-

Рисунок 1. Модель «квазилегальной» экономики

Figure 1. Model of quasi-legal economy

14 Экономическая система в самом общем виде представляет собой совокупность взаимосвязанных экономических элементов, образующих экономическую структуру общества.

15 Фридрих Шнайдер при участии Доминика Энста. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики. Международный Валютный Фонд. 2002. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues30/rus/issue30r.pdf> (Дата обращения: 07.09.2017).

16 В своих документах ООН предлагает включить операции, проводимые в секторе «теневой экономики», в состав СНС, что указывает на значительные объемы проводимых операций в теневой экономике. Европейская экономическая комиссия ООН опубликовала Руководство по статистике теневой экономики (Guidebook to Statistics of the Hidden Economy), основанное на трех обследованиях стран, проведенных в 1991 г., 2001–2002 гг., 2005–2006 гг. Результаты обследований нашли отражение в отчетах: «Обзор национальной практики в области оценки теневой и неформальной экономической деятельности для национальных счетов» (Inventory of National Practices in Estimating Hidden and Informal Economic Activities for National Accounts) и «Ненаблюдаемая экономика в национальных счетах. Обследование практики стран» (Non-observed Economy in National Accounts Survey of Country Practices). Арабские страны не вошли в перечень исследуемых стран, и данные по ним отсутствуют в отчетах. (Примеч. авт.) Система национальных счетов 2008. Европейская комиссия, МВФ, Организация экономического сотрудничества и развития, ООН. Всемирный банк, Нью-Йорк. 2012. URL: <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf> (Дата обращения: 07.09.2017)

требностей). Второе – слабый контроль государства за экономическими (финансовыми) процессами (например, слабая или неэффективная нормативно-правовая база по вопросам налогообложения, пруден-

циального банковского надзора, надзора за финансовыми рынками, отсутствие законодательства по вопросам контроля за незаконными операциями и т.д.). Третье – увеличение числа (финансовых и нефи-

Таблица 1¹⁷. Причины роста теневой экономики и факторы, влияющие на ее рост
Table 1. Reasons for the growth of shadow economy and factors affecting it

Факторы, влияющие на «теневую экономику»	Влияние на «теневую экономику» (в%)	
	а	б ¹⁸
Рост налогов и взносов в фонд социального страхования	35–38	45–52
Качество государственных институтов	10–12	12–17
Социальные трансферы	5–7	7–9
Регулирование рынка труда	7–9	7–9
Государственные службы	5–7	7–9
«Tax morale»	22–25	-
Влияние всех факторов	84–98	78–96

Параметр «Tax morale» – «налоговая мораль». Эффективность государственного (социального) сектора имеет достаточно большое влияние не только на жизнедеятельность теневой экономики, но и на «налоговую мораль». Соблюдение налогового законодательства осуществляется при заключении между налогоплательщиками и государством так называемого «психологического» договора¹⁹. Исследование влияния «налоговой морали» на «теневую экономику» осуществляется с помощью метода MIMIC-модели. В своих исследованиях Torgler и Schneider (2009) описывают достаточно негативное влияние «налоговой морали» на «теневую экономику»²⁰.

Многие страны сталкиваются с целым рядом проблем в части собираемости налогов, в том числе из-за низких доходов на душу населения, полного отсутствия внутренних сбережений и инвестиций, повсеместного уклонения от уплаты налогов со стороны элитных слоев общества²¹. Исследователями выявлен ряд социально-экономических и институциональных факторов, влияющих на готовность людей платить налоги. Исходя из этого специалисты предлагают переходить от «слепого» или четкого законодательного метода уплаты налогов к аналитическому методу, позволяющему найти взаимосвязь между «налоговой моралью» в развивающихся странах и индивидуальными особенностями политической и экономической конъюнктуры этих стран, в том числе в рамках доверия населения к государственным органам власти и государственным институтам²².

17 Информация, представлена из работы Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Discussion Paper No. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

18 Средние значения по 12 исследованиям. 2 Средние значения эмпирических результатов по 22 исследованиям. Источник: Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Discussion Paper No. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

19 Целесообразно понимать некое самостоятельное (душевное) желание налогоплательщиков платить больше налогов, чем это предусмотрено законодательно.

20 Респонденты, участвующие в опросе, высказались относительно неравномерного социального эффекта, получаемого от налоговых поступлений в государственную казну. В конечном итоге получение более благоприятного социального эффекта прямо не пропорционально налоговой нагрузке. Также исследователи выяснили, что «налоговая мораль» оказывает незначительное влияние на нелегальный рынок труда. (Примеч. авт.)

21 Например, Иордания и Гватемала имеют очень похожий уровень ВВП на душу населения, но при этом налоговые поступления в Иордании составляют около 33% ВВП, в то время как в Гватемале доходы от налогов составляют лишь около 13% от ВВП (почти половина ожидаемого уровня с учетом ее ВВП на душу населения).

22 Мы назовем этот метод «риск-аналитический метод» (форм. авт.). Информация из аналитического материала: OECD (The Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/tax/tax-global/taxanddevelopment.htm> (Accessed: «TAX AND DEVELOPMENT. What drives tax morale?». 2008. URL: http://www.oecd.org/ctp/tax-global/TaxMorale_march13.pdf (Accessed: 07.09.2017)

нансовых) операций в легальной экономике, которые в конечном итоге наносят ей экономический и иной ущерб (например, развитие рынков электронных «квази валют» и «денежных средств»).

Некоторые причины роста «теневой экономики» и факторы, влияющие на ее рост и объемы, представлены в Таблицах 1 и 2.

Как было отмечено выше, термин «теневая экономика» в различных публикациях и исследованиях достаточно часто за-

меняют синонимичными словами, такими, как: «нелегальная экономика»; «подпольная экономика»; «неформальная экономика»; «параллельная экономика»; «скрытая экономика»; «черная экономика»; «криминальная экономика» и т.д. По нашему мнению, нельзя с большой долей уверенности сказать, что по своей экономической сущности эти формулировки являются эквивалентными, однако экономические операции, которые совершаются в этих «экономиках», являются одинаковыми. Виды

Таблица 2. Факторы, влияющие на изменения объемов теневой экономики²³
Table 2. Factors affecting the changes of volumes of shadow economy

Показатели	Краткая характеристика
Денежно-кредитные показатели	Операции проводятся в наличной денежной форме. Повышение активности в теневой экономике, как правило, ведет к увеличению спроса на наличные деньги ²⁴ и вызывает кризис ликвидности в легальной экономике.
Рынок занятости. Продолжительность рабочего дня	По мере роста численности занятых в теневой экономике возможно снижение коэффициентов участия экономических субъектов в легальном секторе. Аналогичным образом, при увеличении числа часов, которые люди работают в скрытом секторе, может сокращаться количество часов, затрачиваемых на работу в легальном секторе экономики.
Статистика объема производства	По мере роста теневой экономики производственные ресурсы (рабочая сила) покидают легальную работу. Такое перемещение ресурсов может сдерживать официальные темпы роста экономики.
Общественные услуги	Проведение операций в теневой экономике приводит к понижению официальных государственных доходов. Эти операции уменьшают возможность органов государственного управления осуществлять свою деятельность. В ответ на это органы государственного управления могут повысить ставки налогов с физических и юридических лиц. Более высокий уровень налогообложения, особенно в сочетании с ощутимым ухудшением качества общественных благ и государственного управления, недостаточностью инвестиций в социальную инфраструктуру активно стимулирует перемещение компаний и работников в теневую экономику, образуя тем самым замкнутый круг.
Социальная поддержка населения	Хорошие пособия по безработице создают у получающих их лиц сильный отрицательный стимул к работе в официальной экономике. Эти социальные пособия могут значительно повышать уровень их общих доходов и не препятствуют их занятости в деятельности «теневое» сектора.

23 Информация представлена из работы Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? Discussion Paper No. 6423. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

24 Что в дальнейшем может привести к кризису ликвидности как среди финансовых институтов, так и среди физических лиц. Указанный вид кризиса впоследствии может привести к более масштабным кризисным явлениям в экономике (Примеч. авт).

Таблица 3²⁵. Некоторые виды нелегальных операций и незаконной экономической деятельности

Table 3. Certain types of illegal operations and illegal economic activities

Виды операций	Краткая характеристика операций
Нелегальные операции	
Денежные операции	Торговля похищенными товарами; наркотиками, их производство; проституция; азартные игры; контрабанда; мошенничество
Неденежные операции (сделки). Незаконное производство	Бартерные операции с наркотическими и психотропными веществами; похищенными или контрабандными товарами. Производство или выращивание наркотического сырья для собственного использования
Незаконная экономическая деятельность	
Уклонение от уплаты налогов	Незадекларированные доходы от самостоятельной занятости. Заработная плата и активы, полученные от незарегистрированной трудовой деятельности, связанной с оборотом товаров и услуг
Умышленное уменьшение налоговых обязательств	Операции с товарами, находящимися в обороте в легальном секторе экономики, но происходит целенаправленное незаконное уменьшение налоговых пошлин или подлог товаров по таможенным накладным.

нелегальных операций и экономической деятельности в вышеуказанных экономических представлены в Таблице 3.

2. Методологический аспект расчета объемов теневой экономики

Расчеты объемов теневой экономики произвести достаточно сложно. Это обусловлено многими факторами, часть из которых была приведена выше (в том числе отсутствие единой математической формулы (модели), включающей в себя не эмпирические, а расчетные данные). Наряду с этим достаточно сложно представить себе, что какая-либо страна опубликует достоверные данные по негативным процессам, которые происходят внутри нее, тем самым понизив себе политический и экономический вес на мировой арене. Сам факт признания

страной наличия теневой экономики как социально-экономического явления будет являться, с одной стороны, достаточно смелым шагом с целью выработки эффективных программ по недопущению ее распространения (как, например, признание наличия болезни для нахождения эффективных лекарств для ее лечения) с другой стороны, страна рискует полностью изолировать себя от внешнего мира, что недопустимо в современных условиях глобализации.

Здесь речь может идти о страновом риске. Страновой риск – это риск, с которым сталкиваются инвесторы при принятии решения об инвестировании в суверенные страны. Он отражает нескольких факторов: экономические, финансовые, политические и институциональные. Этот риск зависит от политических событий, которые могут привести к значительным потерям в стоимости и качестве инвестиций. В настоящее время в мире происходит ряд крупных событий, ко-

25 Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know?. Discussion Paper No. 6423.

которые заставляют инвесторов более осторожно принимать решения. Данный риск имеет тенденции к изменению во временном промежутке. Так, за 10 лет достаточно успешные и инвестиционно привлекательные страны в настоящее время стали испытывать не только экономические, но и социальные проблемы. Аналитиками в последнее время наблюдается несоответствие между страновым риском, основанным на оценке рисков по фактическим процентам по облигациям (их фактической доходностью), и вытекающими из них расчётными показателями риска. Страновой риск в первую очередь зависит от стоимости государственных ценных бумаг, а не от балльно-весовой или рейтинговой оценки агентств политической и экономической ситуации в стране. Именно экономическая составляющая, то есть фи-

нансовые обязательства страны, являются первоочередным индикатором для эффективной реализации Investor Relations. Формула для расчета странового риска: $CRP = \text{Разница в доходности суверенных ценных бумаг } X [\text{Общегодовое стандартное отклонение фондового индекса акций в развивающихся странах} / \text{Общегодовое стандартное отклонение облигаций на суверенном рынке исходя из развитости валютного рынка}]$, где: Разница в доходности суверенных ценных бумаг = Разница между уровнем доходности государственных облигаций в развивающихся странах и Казначейскими облигациями с аналогичными сроками погашения.

В Таблице 4 приведен ряд методов, которые применяются для определения объемов теневой экономики, при этом необходимо отметить, что применение различ-

Таблица 4. Методы оценки (подходы), применяемые для определения объемов теневой экономики

Table 4. Assessment methods (approaches) used for the measurement of volumes of shadow economy

Методы оценки	Краткая характеристика применяемых методов	
Прямые процедуры на микроуровне	Направлены на определение размера теневой экономики в один определенный момент времени	Метод налогового (финансового аудита). Основан на выявлении разницы между декларируемыми (заявленными) доходами и фактическими по результатам завершения проверки
Косвенные процедуры	Макроэкономические показатели используются для того, чтобы проследить развитие теневой экономики в динамике	Метод расчета. 1. Основан на разнице между национальными расходами и статистикой доходов. Объем теневой экономики = Величина расходов – Величина доходов (для расчетов берутся показатели объемов ВВП) 2. Основан на разнице между официальной и фактической рабочей силой. В основе метода лежит предположение, что общее число (общий уровень) постоянно работающих людей постоянно. В случае, если происходит уменьшение этого уровня, то это может служить индикатором (показателем) увеличения трудовой деятельности людей в «теневой экономике» 3. Транзакционный метод. Методика, предложенная Эдгаром Фейге. Для расчета объемов теневой экономики необходимо взять данные по ВВП и величины общего объема совершенных сделок из базового (основного) года, в котором нет теневой экономики, далее взять данные по аналогичным показателям, но по расчётным годам, рассчитать по формулам отношения, сравнить полученные данные с допущениями, согласно которым в базисном году не было «теневой экономики»

Продолжение Таблицы 4 на стр. 168.

Таблица 4. Продолжение

Методы оценки	Краткая характеристика применяемых методов	
Статистические модели	Используются статистические инструменты для оценки теневой экономики как скрытой «ненаблюдаемой» переменной	Метод по расчету потребления электроэнергии
Процедуры MIMIC-модели²⁶	Теневая экономика остается ненаблюдаемым явлением (скрытой переменной), которая может быть оценена с использованием количественно измеримых причин (например, незаконной занятости, налоговой нагрузки и интенсивностью регулирования экономических процессов), а также наличием показателей, отражающих незаконную деятельность, (например, спрос на валюту, официальный ВВП и официальная продолжительность рабочего времени)	MIMIC модель ²⁷ . Метод скрытой переменной. В данном методе при расчете объемов «теневой экономики» производится расчет, в том числе доли прямых налогов, доли косвенных налогов, величина государственного регулирования, индекс Tax Morale, квоты безработицы, доли ВВП на душу населения (в долл. США), доли работающих людей, средней продолжительности рабочего времени в неделю, объемов обмена местной валюты на душу населения
Метод валютного спроса	Используется для приведения абсолютных оценок показателей теневой экономики	В основе метода находится уравнение Танци (1983 г.), в которое входят показатели в части отношения наличности к объему депозитных счетов, средней ставки налога, процента заработной платы в национальном доходе, процента по сберегательным вкладам (депозитам) и дохода на душу населения
Метод исследования	Проводятся интервью, в которых респонденты отвечают на поставленные вопросы	Основан на добровольном анкетировании

ных методов, методик, формул для вычисления приводит в конечном итоге к различным результатам, цифровые значения которых имеют достаточно большой диапазон «разброса» в рамках одних и тех же изучаемых стран.

Перед тем как непосредственно перейти к рассмотрению и анализу теневой экономики в арабских странах и ее трансформации, целесообразно сделать несколько выводов.

Отсутствие единой методологической и нормативной базы по расчёту объемов те-

невой экономики, ее доли в легальной экономике, что прежде всего приводит к получению искаженной, а местами достаточно «разнородной» информации, которую нельзя использовать в случае проведения антикризисных и иных мер. Контролирующая роль государства в регулировании различных секторов экономики в призма процессов, происходящих в теневой экономике, неоднозначна. С одной стороны, жесткие законодательные меры (внедрение достаточно жестких уголовных законов за коррупцию, мошенничество, уход от нало-

26 Основателями модели MIMIC являются Век, Фрей и Вик-Ханнеман. Она построена на предположении, что уровень скрытой экономики является латентной переменной, связанной как с определенным числом наблюдаемых индикаторов (отражающих изменения в объеме теневой экономики), так и с набором наблюдаемых каузальных переменных, которые рассматриваются как некоторые наиболее важные детерминанты скрытой экономической активности. (Копылова Ю.Г. Альтернативные подходы к оценке теневой экономики России и зарубежных государств // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика. Экология*. 2014. № 3 (26). С. 86–92).

27 См. Копылова Ю.Г. Альтернативные подходы к оценке теневой экономики России и зарубежных государств // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экон. Экол.* 2014. № 3 (26). (URL: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.3.9>) (Дата обращения: 07.09.2017)

гов и т.д.) помогут минимизировать многие риски от операций, совершаемых в теневой экономике, а с другой стороны, большая бюрократизированность процессов взаимодействия между бизнесом и государством, увеличение налогового бремени для всех слоев населения дадут толчок к «уходу в тень» как отдельных бизнес-сегментов, так и отраслей в целом.

3. Нелегальная экономика арабских стран

События, которые происходят в арабском мире за последние 10 лет, не могли не отразиться на экономических процессах. Экономические процессы для своего выживания в условиях постоянного системного кризиса приспосабливались к новым реалиям, перенаправляя свои финансовые и человеческие ресурсы в область теневой экономики.

Каковы характерные движущие силы теневой экономики в арабских странах?

1. *Безработица.* По данным ILO (Международная организация труда), уровень безработицы в 2017 году в арабских странах составит 5,6 млн человек²⁸. Уровень занятости в этих странах в период с 2017-го по 2019 г. составит 17,7–17,9%²⁹. Уровень неквалифицированной рабочей силы, большинство которой составляют нелегальные мигранты, в нефтедобывающих монархиях достигает 90%. Наряду с этим большинство молодого трудоспособного населения, имеющего высшее образование, не может устроиться работать по специальности или же просто найти себе хорошо оплачиваемую работу. Этот пласт молодых безработ-

ных людей от необходимости прокормить себя и свои семьи вынуждены довольствоваться случайными заработками либо уходить в сферы теневой экономики.

Рабский труд используется в некоторых арабских странах. В лучшем случае люди используются как домашняя прислуга или чернорабочие, в худшем – на тяжелых производствах без каких-либо социальных гарантий со стороны работодателя, также может использоваться детский наемный труд.

2. *Коррупция.* Коррупция, по существу, представляет собой злоупотребление государственной властью в целях личной выгоды. По данным Transparency International – The Global Anti-Corruption Coalition³⁰, наименьший Индекс восприятия коррупции³¹ (CPI) имеют страны Персидского залива (71–45), далее идут страны Леванта (53–16) и страны Северной Африки (38–36). Рассматривая коррупционную составляющую стран арабского региона, необходимо обратить внимание на ряд «особенностей». Например, что можно считать взяткой, а что благодарностью (подарком) за оказанную работу или услугу, также в законодательстве некоторых стран определено, что при осуществлении аренды помещения арендатор должен заплатить арендодателю определенную сумму сверх необходимых платежей. Инвестиционное законодательство определяет обязательное участие местного населения во владении иностранной компанией, а также обязательное участие представителей органов государственной власти в качестве совладельцев иностранных компаний, создаваемых на территории страны.

3. *Миграционные потоки и денежные переводы*³².

28 World Employment and Social Outlook: Trends 2016 International Labour Office – Geneva: ILO, 2016 (URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/dcomm/-/publ/documents/publication/wcms_443480.pdf) (Accessed: 07.09.2017)

29 ILO calculation based on ILO Research Department's Trends Econometric Models, November 2015.

30 URL: <https://www.transparency.org/> (Accessed: 07.09.2017).

31 Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index) – ежегодный составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции предпринимателями и аналитикам в государственном секторе различных стран. Показатель индекса ранжируется по шкале от 0 до 100 баллов. Ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – наименьший.

32 Более подробно данный аспект проанализирован в статье (Бабенкова, 2017, с. 50–65). В дополнение можно добавить, что Ливия страдает от «мигрантов», под видом которых в страну прибывают члены международных террористических организаций. Италия хочет вернуть значительную часть прибывших мигрантов обратно в Ливию, однако в Ливии отсутствуют лагеря беженцев или другие поселения для них. В настоящее время между Ливией и Италией ведутся переговоры по данному вопросу.

4. *Контрабанда оружием, наркотическими и психотропными веществами, торговля людьми.* Согласно данным за 2013 год³³, в странах Ближнего Востока изъяты большие партии метамфетаминов. В Северной Африке были изъяты большие объемы каннабиса (марихуаны)³⁴. Наркотики перевозятся из стран Юго-Восточной Европы, через такие страны, как Ливан, Турция, Сирия, Иордания, а рынки сбыта располагаются в богатых арабских странах (например, в Саудовской Аравии). В Египте употребление наркотиков среди жителей Каира старше 15 лет возросло с 2011 г. с 6% до 30%. В Алжире конфискуют десятки тонн марихуаны, а дестабилизационную обстановку в Ливии поддерживают организованные трафики для сбыта тяжелых наркотиков.

В связи с тем что в странах Северной Африки резко возрос трафик кокаина, террористические группировки становятся посредниками или непосредственными участниками сделок с контрабандистами. Как следствие этого участились столкновения между контрабандистами и правоохранительными органами, армейскими подразделениями. Неудовлетворительная работа правоохранительных органов и закорумпированность чиновников несут больше «пользы» наркотрафику, чем сами контрабандисты.

Как следует из доклада ООН, после событий в Ливии многие оружейные склады были разграблены, и оружие контрабандным путем через Алжир и Тунис оседает в Египте. Также политические события на Ближнем Востоке способствовали размаху нелегальной деятельности, в том числе способствовали росту спроса на ливийское оружие.

Согласно Глобальному индексу рабства, в 2013 году «2,54%, или приблизительно три четверти миллиона человек, являются рабами на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Также, по некоторым данным, доходы от работорговли составили от 34 до 150 млрд долл. США³⁵. В Ираке преступные группировки под прикрытием полиции похищают женщин и заставляют их заниматься проституцией. Идет торговля малолетними детьми для донорства или продажи в сексуальное рабство (цена колеблется от 300 до 5500 долл. США за ребенка). В Египте малолетних девочек продают богатым мужчинам для «временных браков», далее после «развода» эти девочки не могут вернуться к себе на родину (в семью), вынуждены заниматься проституцией и конечном итоге погибают³⁶.

5. *Слабая законодательная и нормативная база, в том числе по противодействию коррупции, в области миграционной политики, контроля и надзора за финансовыми операциями.*

Расчетные объемы теневой экономики некоторых арабских стран³⁷ (до 2007 г.) и данных из неофициальных источников (интервью, аналитических статей³⁸) (за 2015 г.) приведены в Таблице 5 и на Рисунке 2.

Как видно из вышепредставленных таблицы и диаграммы, теневая экономика и кризисные явления в легальном секторе экономики тесно взаимосвязаны. Нельзя однозначно сказать, что является причиной, а что следствием, потому что, по нашему мнению, эти два явления вытекают одно из другого, образуя замкнутый круг. Как известно, последствия любых кризисных явлений при-

33 The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21583671-north-african-governments-struggle-stem-illegal-flow-arms-and-drugs-boom> (Accessed: 07.09.2017).

34 Из доклада United Nations Office on Drugs and Crime (Управление ООН по наркотикам и преступности). URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/middle-east-and-north-africa.html> (Accessed: 07.09.2017)

35 The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21583671-north-african-governments-struggle-stem-illegal-flow-arms-and-drugs-boom> (Accessed: 07.09.2017)

36 Sharon Buchbinder. Sex, Lies and Crime: Human Trafficking in the Middle East. The Islamic Monthly URL: <http://theislamicmonthly.com/sex-lies-and-crime-human-trafficking-in-the-middle-east/> (Accessed: 07.09.2017).

37 Данные из работы (Schneider 2016).

38 В связи с тем что данные по странам Персидского залива отсутствуют в свободном доступе, приведено примерное эмпирическое значение объемов теневой экономики (Примеч. авт.)

водят к смене либо экономического, либо политического курса. Причем наибольшие риски последствий кризисов, как и действия процессов теневой экономики, несет предпринимательство или средний класс.

Проводя анализ влияния теневой экономики на средний класс в странах Ближнего Востока, необходимо в первую очередь определить, кто составляет средний класс в арабских странах (владелец лавки на базаре, владелец маленькой передвижной тележки, торгующей водой и мелочами, или владелец магазина в крупном супермаркете). Какой необходимый и достаточный уровень доходов дает физическо-

му или юридическому лицу право относиться себя к среднему классу.

Например, Hai-Anh H. Dang, Elena Ianchovichina в своем исследовании «Welfare Dynamics with Synthetic Panels. The Case of the Arab World in Transition»³⁹, рассматривая уровень среднего класса в некоторых арабских странах в период событий «Арабской весны», сталкиваются в том числе с проблемами неоднородности арабского общества, нехватки необходимых исследовательских данных для проведения экономического анализа (например, членство в профессиональных обществах, а также отсутствие единой расчетной ве-

Таблица 5. Объемы теневой экономики некоторых арабских стран, % от ВВП
Table 5. Volumes of shadow economy of certain Arab countries as a percentage of GDP

Наименование страны	Процент от ВВП			
	1999	2002	2007	2015
Катар	19,1	19,0	18,4	20
ОАЭ	26,3	27,4	23,5	20 ⁴⁰
Иордания	19,4	18,9	17,2	44
Саудовская Аравия	18,7	19,2	16,8	20
Бахрейн	18,6	18,0	17,1	20
Кувейт	20,1	20,3	17,9	20
Оман	19,1	18,5	17,6	20
Тунис	19,3	37,8	35,4	50
Египет	35,5	35,7	33,1	60
Марокко	36,5	35,5	33,1	44
Алжир	34,2	33,30	31,2	60 ⁴¹
Ливан	34,1	33,5	32,0	25
Ирак	35	–	65	67
Ливия	34,7	33,8	30,9	40
Сирия	19,3	19,1	18,5	80
Йемен	27,7	27,2	26,8	70

39 Hai-Anh H. Dang, Elena Ianchovichina. Welfare Dynamics with Synthetic Panels. The Case of the Arab World in Transition Policy. Research Working Paper; (7595).

40 35% от ВВП. URL: <http://makkahnewspaper.com/article/263459/البيانات تظهر ان اقتصادنا يتقلص> (Accessed: 07.09.2017)

41 В некоторых источниках приводятся данные о 20–30% ВВП. URL: <http://www.alukah.net/culture/0/73436/> (Accessed: 07.09.2017)

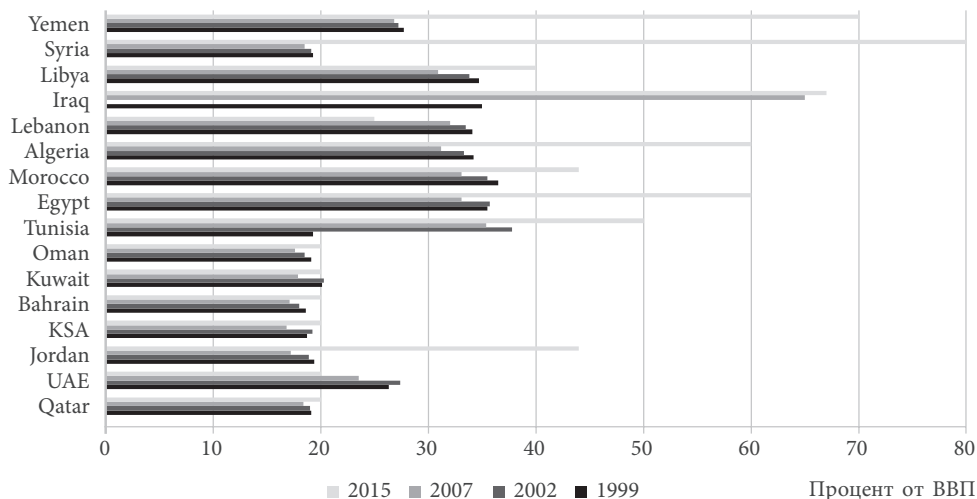
личины прожиточного минимума⁴²). В ходе проведенных исследований различными международными группами уровень среднего класса в некоторых арабских странах колебался от «менее чем 5%» до «более чем 3/4 от населения страны».

Наряду с этим Elena Ianchovichina приводит данные по уровню среднего класса в 5 странах: Иордания, Тунис, Йемен, Сирия, Египет, в периоды событий «Арабской весны», которые приведены на Рисун-

ке 3⁴³. Для построения нижеприведенной диаграммы использовались эмпирические подходы и расчетный метод, согласно которому статус среднего класса присваивается людям с более высоким уровнем доходов, чем существующая, определенная «линия незащищенности», а именно тем, кто гарантированно защищен от падения в нищету. Расчетная величина этой линии незащищенности составляла порядка 4,9 дол. США в день на человека в 2005 г.

Рисунок 2. Объемы теневой экономики в некоторых арабских странах (% от ВВП)⁴⁴

Figure 2. Volumes of shadow economy of certain Arab countries as a percentage of GDP

42 В работе использовалась расчетная величина международной «черты бедности» 2 долл. США в день.

43 Submitted by Elena Ianchovichina. Middle-class dynamics and the Arab Spring. World Bank. URL: http://blogs.worldbank.org/arabvoices/middle-class-dynamics-and-arab-spring?CID=MENA_TT_MENA_EN_EXT, (Accessed: 15.09.2017)

44 Данные по арабским странам взяты из следующих источников: Jordan. BTP 2016 Jordan Country Report. URL: https://www.bti-project.org/fileadmin/files/BTI/Downloads/Reports/2016/pdf/BTI_2016_Jordan.pdf; Saudi Arabia. Underground economy big cause of unemployment or 05.01.2016 (URL: <http://www.arabnews.com/saudi-arabia/news/860401>); Tunisia. In Tunisia, Seeds of Terror Attacks Come from Within by Youssef Mahmoud or 07.2015 (URL: <https://theglobalobservatory.org/2015/07/tunisia-sousse-essid-islamic-state/>); Egypt. Informal system is a 'structural defect' of Egypt's economy: Al-Diwani or 06.2014 (URL: <http://www.dailynewsegypt.com/2014/06/02/informal-system-structural-defect-egypts-economy-al-diwani/>); Morocco. Roland Berger assesses size of the Moroccan informal economy or 05.2016 (URL: <http://www.consultancy.uk/news/12010/roland-berger-assesses-size-of-the-moroccan-informal-economy/>); Algeria. Amid heat of Arab Spring, Algeria purges street vendors or 12.10.2012 (URL: <http://thepeninsulaqatar.com/news/views-in-news/210477/amid-heat-of-arab-spring-algeria-purges-street-vendors>); Lebanon. Year in Review. The business year. 2015 (URL: <https://www.thebusinessyear.com/Content/Publication/5bfbe98b-909f-4f8f-b750-f97a7efbec3e.pdf>); Iraq. or 2012. (URL: <http://www.irfad.org/iraq-labor-force/>); Libya. Political economy of Libya after the Qadhafi regime Emilie Combaz or 14.02.2014 (URL: <http://www.gsdr.org/docs/open/hdq1084.pdf>); Syria. Hamoud al-Mahmoud. The War Economy in the Syrian Conflict: The Government's Hands-Off Tactics or 12.2015 (URL: <http://carnegieendowment.org/2015/12/15/war-economy-in-syrian-conflict-government-s-hands-off-tactics-pub-62202>); Yemen. or 16.08.2016. URL: <https://chronicle.fanack.com/yemen/economy>. (Accessed: 07.09.2017).

Исходя из данных, приведенных в исследовании, доля среднего класса в изучаемых арабских странах составляла 36% населения страны, при этом, начиная от середины 2000-х гг. и до конца десятилетия, она постепенно увеличивалась до 42% (сильный прирост среднего класса особенно просматривался в Сирии и Тунисе), однако в Йемене доля среднего класса опустилась до 10%, а в Иордании за анализируемый период осталась на том же уровне.

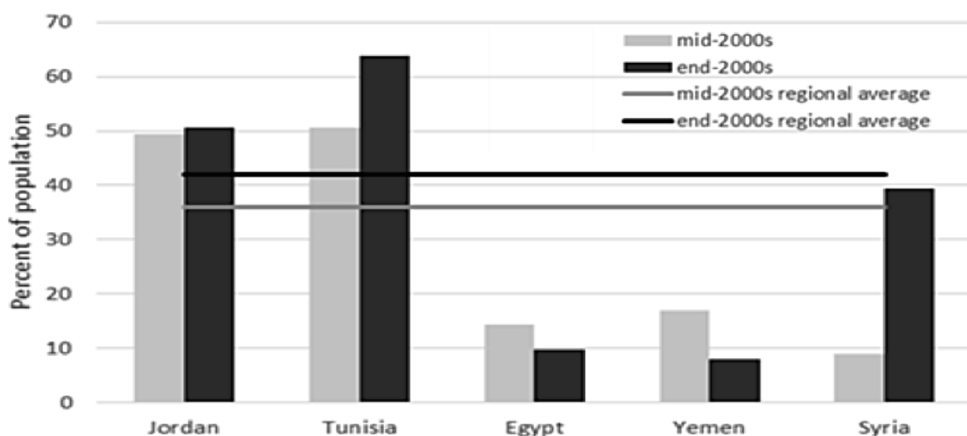
По мнению Ibrahim Saif, средний класс в арабских странах состоит из двух больших категорий: работников государственного сектора и сотрудников органов безопасности, которые в последнее время несут убытки от уменьшения правительственных расходов на содержание государственных структур. Помогать удерживать свой прожиточный уровень им помогает контроль за средствами массовой информации и крупными финансовыми фондами. Представители традиционного (с точки зрения западной экономиче-

ской модели) среднего класса находятся в состоянии некоего упадка и раздельности. Это вызвано прежде всего различиями в политических и социальных взглядах, религиозными различиями, а также отсутствием необходимого понятийного аппарата и навыков для включения их в бизнес-процессы новых финансовых альянсов⁴⁵.

Как было отмечено выше, некоторые экономисты расчет объемов теневой экономики западных стран производят исходя из сумм налоговых платежей и сборов. По нашему мнению, данный показатель для арабских стран не является определяющим, в связи с тем что многие представители среднего класса (в западно-экономическом понимании этого термина) осуществляют свою деятельность без использования, например, контрольно-кассовой техники, не ведут бухгалтерский учет или иные отчеты, по которым можно определить обороты бизнеса и, соответственно, налоговую базу и уровень налогов.

Рисунок 3. Доля среднего класса в населении страны⁴⁶

Figure 3. The share of the middle classes in the population of the country

45 Ibrahim Saif. The Middle Class and the Changing Arab World. Carnegie Middle East Center -25 декабря 2012 URL: <http://carnegie-mec.org/2012/12/25/middle-class-and-changing-arab-world-pub-50645> (Accessed: 07.09.2017)

46 Submitted by Elena Ianchovichina. Middle-class dynamics and the Arab Spring. World Bank. URL: http://blogs.worldbank.org/arabvoices/middle-class-dynamics-and-arab-spring?CID=MENA_TT_MENA_EN_EXT, (Accessed: 15.09.2017)

Занятость среднего класса в теневой экономике в арабских странах приводит не только к непоступлению налоговых платежей в казну (например, в Египте эта цифра достигает 25% от общего объема налоговых поступлений)⁴⁷, к возрастающему уровню коррупции и как следствие увеличивающемуся экономическому и социальному разрыву между слоями населения. В Таблице 6

приведены сводные данные по Индексу восприятия коррупции, Индексу слабости государств, страновому риску арабских стран.

В теневую экономику может входить множество элементов, основными из которых являются:

- законная деятельность предприятий или частных лиц, данные по финансовой отчетности которых не отра-

Таблица 6. Сводная информация странам Ближнего Востока по Индексу восприятия коррупции, Индексу слабости государств, страновому риску⁴⁸

Table 6. Summary of the countries in the Middle East in the Corruption Perceptions Index, the Failed States Index, country risk

Наименование страны	CPI (100)	CRP	FSI
Катар	71	0,77%	50
ОАЭ	70	0,77%	50
Иордания	53	6,95%	80
Саудовская Аравия	52	0,93%	50
Бахрейн	51	3,40%	50
Кувейт	49	0,77%	50
Оман	45	1,09%	50
Тунис	38	5,56%	80
Египет	36	10,05%	90
Марокко	36	3,86%	80
Алжир	36	—	80
Ливан	28	8,50%	90
Ирак	16	—	110
Ливия	16	—	100
Сирия	18	—	110
Йемен	18	—	110

– CPI – Индекс восприятия коррупции (за 2015 г.), расчет которого производит компания Transparency International. Критерии оценки: 0 – самый высокий уровень восприятия коррупции, 100 – самый низкий уровень восприятия коррупции;

– CRP – country risk premium – страновой риск. Риск, с которым сталкиваются инвесторы при принятии решения об осуществлении инвестирования в суверенные страны. Он отражает экономические, финансовые, политические и институциональные факторы и зависит от многих политических событий, которые могут привести к значительным потерям в стоимости и качестве инвестиций. Согласно карте странового риска PwC (за 2016 г.), все страны Ближнего Востока имеют «очень высокий» уровень странового риска, кроме стран Персидского залива, у которых «очень низкий» уровень странового риска, также «высокий» уровень имеют Тунис и Иордания, Марокко.

– Failed States Index – Индекс слабости государств (за 2015 г.). Комплексный показатель, характеризующий способность (и неспособность) властей контролировать целостность своей территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране. Критерии оценки: Надежный 10–30, Стабильный 40–60, Предупреждающий 70–90, Тревожный 100–120.

47 URL: <https://www.alaraby.co.uk/economy/> (Accessed: 07.09.2017)

48 URL: <http://www.pwc.co.uk/services/economics-policy/insights/country-risk-premia-quarterly-update.html> (дата обращения 07.09.2017); URL: <http://gtmarket.ru/ratings/failed-states-index/info> (Дата обращения 07.09.2017); URL: <https://www.transparency.org/> (Accessed: 07.09.2017).

жаются в государственных отчетах (не учитываются государством) и как следствие не попадают в национальные доходы;

- запрещенные виды деятельности во всех секторах экономики.

Теневая экономика – это последствия любого вида деятельности, наносящего финансовый, экономический или любой вред легальной экономике и государству⁴⁹.

Вопросы налоговых платежей, взносов и социальных выплат населению также имеют большое значение при рассмотрении факторов теневой экономики. Прогрессивная налоговая шкала хороша в западных социально благополучных странах⁵⁰, в арабских государствах проблема эффективной налоговой политики стоит очень остро, особенно после возникновения финансовых проблем у стран Персидского залива⁵¹.

Теневая экономика будет всегда и в любой стране до тех пор, пока получение сверхприбыли и сверхбогатств за минимальные издержки будет двигать человечеством. Ее объемы достаточно сложно будет подсчитать (по крайней мере в ближайшее время), так как для этого нужно иметь максимально прозрачную информацию о финансовых и иных доходах всех экономических субъектов. Пока человек продолжит использовать вверенную ему общественную власть для своей личной выгоды, будет процветать коррупция.

Возможно, объемы теневой экономики в некоторых странах достигнут таких мас-

штабов, что властям ничего не останется делать, как включить «серые и черные финансы» в официальные государственные доходы.

Процессы глобализации, в которые включаются арабские страны, не ставят их в одинаковые экономические условия с их западными партнерами. Экспансия Запада, в том числе и военная, приводит к разрушению экономических, политических, социальных, общечеловеческих связей между странами арабского мира, а бесконкурентное внедрение в эти страны аффилированных с государственными органами западных финансовых компаний и холдингов ведет к полной разбалансированности их экономических систем⁵².

Экономическая трансформация теневой экономики арабских стран в современном мире прежде всего связана с политическими ресурсами, которые представляют собой некий вид «капитала». Определенно можно отметить, что без участия этого «капитала» многие политические товары не были бы приобретены и, возможно, экономическая карта Ближнего Востока имела бы вид отличный от сегодняшнего. Ненаблюдаемые процессы, происходящие в теневом секторе, сознательно укрываются их руководителями от государства (это происходит в том случае, когда представители государственной власти и «мастер-процесса» не являются аффилированными лицами) с целью минимизации издержек и получения сверхприбыли. Наряду с этим полагаем необходимым отметить, что слабый контроль государства за финансовыми потоками, в том числе и контроль за расчетными сетями, также является осо-

49 Авт. определение.

50 При этом необходимо отметить, что вопросы нелегальных «арабских» мигрантов, живущих на социальные пособия работающего населения западных стран, вызывают неоднозначную реакцию у общества в целом.

51 Падение мировых цен на нефть, расходы на поддержание военных действий, большое количество незаконных мигрантов, проблемы с формированием доходных статей бюджета.

52 Более подробно см.: Бабенкова С.Ю. Финансовая помощь Ираку: «ashes to ashes». Восточная аналитика, 2017. URL: <http://va.ivran.ru/articles?artid=7084> (Дата обращения: 07.09.2017)

знанным действием для целей дестабилизации экономической системы⁵³.

Проанализировав представленные в настоящей статье данные, можно сделать вывод об относительной экономической стабильности стран Персидского залива и относительной экономической турбулентности всех других государств региона. Конечно, сверхдоходы от нефти достаточно хорошо влияют на все оценки, выставляемые международными агентствами и аналитическими службами, однако наличие благоприятных эмпирических показателей не отражает в полной мере всю многоплановую картину процессов, происходящих в той или иной стране.

Принять решение, какой будет их страна, без учета оценочного мнения со стороны различных международных организаций, должны сами представители этой страны (власть и народ). Решающую роль в выборе курса экономического развития страны должна играть морально-нравственная оценка политических и социально-экономических процессов. Именно она и будет основным показателем наличия и объемов теневой экономики в стране.

Список литературы

Бабенкова С.Ю. (2017). Некоторые финансовые аспекты «исламских» финансов». *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (2). 50–65.

Бабенкова С.Ю. Киселев В.В. (2016). «Теневая экономика» арабских стран как отражение геополитических процессов в Ближневосточном регионе. *Ученые записки Российской академии предпринимательства «Роль и место цивилизованного предпринимательства в экономике России»*. Вып. 49. М.: Издательство Агентство печати «Наука и образование». 16–32.

Гевелинг Л.В. (2001). *Клеттократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти*. М.: Издательство «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований. 590.

де Сото Э. (2008). *Иной путь. Экономический ответ терроризму*. 2-е изд. М.: Издательство «Социум». 384.

Копылова Ю.Г. (2014). Альтернативные подходы к оценке теневой экономики России и зарубежных государств. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика. Экология*, 3 (26). 86–92.

Муртаза Мухаттари. (2010). *Исламское мировоззрение*. М.: Издательство «Исток», Серия «Знакомство с исламом». 112.

Мухаммад Садик, Мухаммад Йусуф. (2008). *Права человека в исламе*. СПб.: Издательство «ДИЛЯ». 288.

Самаруха В.И., Буров В.Ю. (2010). *Теневая экономика в системе предпринимательской деятельности региона*. Иркутск: Изд-во БГУЭП. 243.

Сюкияйнен Л.Р. (2014). *Ислам и права человека в диалоге культур и религий*. Монография. М.: Издательство «Известия». 212.

фон Грюнебаум Г.Э. *Основные черты арабо-мусульманской культуры. Статьи разных лет*. М.: Издательство «Наука». 227.

Hai-Anh H. Dang, Ianchovichina E. (2016). Welfare Dynamics with Synthetic Panels. The Case of the Arab World in Transition Policy. *Research Working Paper*, (7595). URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/24136> (Accessed: 18.08.2007)

Heinemann F, Schneider F. (2011). Religion and the Shadow Economy. *Discussion Paper* № 11-038. URL: <http://ftp.zew.de/pub/zew-docs/dp/dp11038.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

Ibrahim Saif. (2012). The Middle Class and the Changing Arab World. *Carnegie Mid-*

53 В настоящее время в ряде арабских стран стала широко распространяться криптовалюта, а также активно внедряются технологии Fin Tech, основным продуктом которых является построение новых виртуальных расчетных сетей. В связи с тем что государство не может и не успевает жестко контролировать данный вид технологий, сети могут быть использованы и для переводов незаконно полученных денежных средств.

dle East Center. URL: <http://carnegie-mec.org/2012/12/25/middle-class-and-changing-arab-world-pub-50645> (Accessed: 18.08.2017)

Schneider F. (2016). The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *Discussion Paper No. 642*. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

References

Babenkova S.Yu. Kiselev V.V. (2016). "Shadow economy" of the Arab countries, as a reflection of geopolitical processes in the Middle East region. *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship "The Role and Place of Civilized Entrepreneurship in the Russian Economy"*. Issue. 49. Moskva: Izdatel'stvo Agentstvo pechati «Nauka i obrazovanie». 16–32.

Babenkova S.Yu. (2017). Some Non-Financial Aspects of "Islamic" Finances. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (2). 50–65

de Soto E. (2008). The Other Path: *The Economic Answer to Terrorism*. 2nd. end. Moskva: Izdatel'stvo "Sotsium". 384.

fon Gryunebaum G.E. *The main features of the Arab-Muslim culture. Articles of different years*. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka». 227.

Geveling L.V. (2001). *Kleptocracy. Socio-political dimension of corruption and negative economy. The struggle of the African state with destructive forms of organization of power*. Moskva: Izdatel'stvo «Gumanitarii» Akademii gumanitarnykh issledovani. 590.

Hai-Anh H. Dang, Ianchovichina E. (2016). Welfare Dynamics with Synthetic

Panels. The Case of the Arab World in Transition Policy. *Research Working Paper, (7595)*. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/24136> (Accessed: 18.08.2007)

Heinemann F., Schneider F. (2011). Religion and the Shadow Economy. *Discussion Paper № 11-038*. URL: <http://ftp.zew.de/pub/zew-docs/dp/dp11038.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

Ibrahim Saif. (2012). The Middle Class and the Changing Arab World. *Carnegie Middle East Center*. URL: <http://carnegie-mec.org/2012/12/25/middle-class-and-changing-arab-world-pub-50645> (Accessed: 18.08.2017)

Murtaza Mukhattari. (2010). *Islamskoe mirovozzrenie*. Moskva: Izdatel'stvo «Istok», Seriya «Znakomstvo s islamom». 112.

Kopylova Yu.G. (2014). Alternative approaches of assessing the shadow economy of Russia and foreign countries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Ekonomika. Ekologiya*, 3 (26). 86–92

Mukhammad Sadik, Mukhammad Iusuf. (2008). *Human rights in Islam*. St. Petersburg.: Izdatel'stvo «DILYa». 288.

Samarukha V.I., Burov V.Yu. (2010). *The shadow economy in the system of entrepreneurial activity in the region*. Irkutsk: Izd-vo BGUEP. 243.

Syukiya L.R. (2014). *Islam and human rights in the dialogue of cultures and religions. Monograph*. Moskva: Izdatel'stvo «Izvestiya». 212.

Schneider F. (2016). The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *Discussion Paper No. 642*. URL: <http://ftp.iza.org/dp6423.pdf> (Accessed: 18.08.2017)

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Бабенкова, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения, Российская академия наук

107031, Российская Федерация, Москва, Рождественка ул., 12
sbabenkova@ivran.ru

About the author

Svetlana Yu. Babenkova, Cand. Sci. (Econ.), Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka ul., Moscow, Russian Federation, 107031
sbabenkova@ivran.ru

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация

Индия в мире регионализации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается политика Индии в процессах регионализации в Азии. После распада СССР, главного стратегического союзника страны, перед Индией встала задача ревизии своей геоэкономической и геополитической парадигмы. Официальный Дели начал поиски стратегических партнеров с целью сбалансировать растущее влияние внешнеполитической активности Китая. Первоначально был избран восточный «маршрут» (“Look East Policy”), поскольку в странах Юго-Восточной Азии уже был накоплен солидный опыт культурного и политического влияния Индии. Помимо этого страны АСЕАН с помощью активного участия Индии в делах региона стремились сбалансировать влияние «непознаваемого» Китая в регионе АТР. Развивая отношения со странами АСЕАН, Индия пытается в процессе региональной экономической интеграции ускорить экономическое развитие своих северо-восточных штатов, географически отъединенных от основной («материковой») части страны. На пути региональной интеграции Индией достигнуты определенные успехи. Однако пока индийской экономике не удастся действительно интегрироваться в производственные «цепочки» в странах АСЕАН. Экономической интеграции в «родном» регионе Южной Азии препятствуют страхи соседей перед явным экономическим и военно-политическим преобладанием Индии и желание этих стран использовать к своей выгоде противоречия двух стран-гигантов – Индии и Китая. В последние десятилетия во внешнеэкономической деятельности страны

все более важную роль начинает играть регион Западной Азии, откуда Индия получает значительную часть энергоносителей, а также «закрывает» дефицит платежного баланса страны за счет денежных переводов индийцев, работающих в государствах Персидского залива.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионализация, региональная экономическая интеграция, внешнеэкономическая деятельность, Индия, Китай, АСЕАН, страны Западной Азии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Володин А.Г. (2017). Индия в мире регионализации. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (4). 178-191. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «**Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира**».

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

Andrei G. VOLODIN

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

India in the World of Regionalization

ABSTRACT. *The article is dedicated to the policy of India in the processes of regionalization in Asia. After the collapse of the Soviet Union (a country, which used to be the main ally of India) there appeared a great need for India to make a deep revision of its geo-economic and geopolitical paradigms. Thus, Delhi started looking for the new strategic partners in order to restore the balance between India and extremely active China. The "Look East Policy" had become the first result of those searches, because of the long history of cultural and political influence of India on the South-East Asian countries. Apart from it, due to the active participation of India in the region, the member states of the ASEAN were aimed to set a balance in relationships with China in Asia-Pacific region. By developing the partnership with the members of ASEAN and participating in the processes of regional economic integration, India attempts to "push" the economic development of its northeastern states, situated separately from the main ("continental") part of the country. Although there are some achievements, regarding the participation of India in the processes of regional integration, the country's economy is still only partially integrated in the production "chains" in the ASEAN countries. Moreover, there are significant obstacles regarding the economic integration in the South Asia. They appear because of the fear, experienced by the countries of the region, regarding the Indian predominance in the region. Besides, strategically those countries consider contradictions between India and China as a situation from which they potential-*

ly may benefit. During the last decades, there has been a rising importance of the Western Asian region in strategic economic activities of India. From the Western Asia India gets energy carriers and due to the financial transfers made by the Indians, working in the Persian Gulf, it covers country's balance of payment deficit.

KEYWORDS: *regionalization, regional economic integration, foreign economic activity, India, China, ASEAN, countries of Western Asia*

FOR CITATION: Volodin A. G. (2017). India in the World of Globalization. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 178-191. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Division of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macroeconomies of the Modern World".*

В первые десятилетия после завоевания суверенитета (1947 г.) Индия стремилась стать движущей силой альтернативного «евроцентризму» и советско-американской биполярности мирового порядка. В основе подобной стратегии лежали принципы солидарности «третьего мира», «антиимпериализма» и нейтралитета в холодной войне¹.

1 Впрочем, существует и точка зрения, согласно которой политика неприсоединения стала реакцией на нежелание Запада признавать Индию равным партнером по международным отношениям.

Впоследствии материальными основаниями поведенческой стратегии страны стали растущий экономический потенциал и военно-политическая мощь. Новая, «прагматическая» концепция внешней политики прошла апробацию в ходе победоносного для Индии конфликта с Пакистаном, увенчавшегося образованием в Южной Азии нового государства – Народной Республики Бангладеш (1971 г.). Стоит напомнить: для Индии своеобразным геополитическим «ремнем безопасности» стал Договор о мире, дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, заключенный в августе 1971 г.

Определенную модификацию внешнеполитическое поведение Индии претерпело в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века. Причинами изменения стратегии действий Индии во внешнем мире были новые, не зависящие от Дели геополитические обстоятельства, как то: дезинтеграция Советского Союза, распад биполярного мира, рост влияния сил радикального политического ислама, форсированный экономический рост Китая и т.д. Новая (во многих аспектах неблагоприятная для страны) реальность побудила правящие круги в Дели к пересмотру «философских» основ внешнеполитической деятельности страны. Становилось очевидно: геополитический потенциал страны (включая его военно-технологическое измерение) напрямую зависит от системной (т.е. неизбежной) модернизации экономики – осовременивания ее структуры, диверсификации производства, осуществляемых всецело на основе инновационно-интенсивной модели роста.

Позиционирование Индии в мире на фоне укрепляющегося Китая

Историческая ретроспекция подтверждает: новое качество хозяйственного организма Индии мыслилось как одна из основополагающих целей экономи-

ческой реформы 1991 г., которая уже в середине 90-х гг. XX века вывела страну на траекторию устойчивого роста (Володин, 2010, с. 91–98).

После распада СССР тогдашняя постсоветская элита считала, что для «новой» России Индия утратила былое геополитическое, внешнеэкономическое и культурно-идеологическое значение. В начале 1990-х гг. в Индии активизировались силы, которые и прежде, во времена советско-индийского союзничества, сдержанно относились к развитию связей с нашей страной. Стереотип негативного отношения к России открыто не проявлялся, однако уровень двусторонних связей медленно, но неуклонно понижался.

Свою негативную, хотя и косвенную роль сыграла начавшаяся в 1991 г. экономическая реформа, которая развивалась по иной, нежели «либеральные преобразования» в России, траектории. Примерно к середине 1990-х гг. стало очевидно: российско-индийские внешнеэкономические связи сужают свой «горизонт» до военно-технического сотрудничества (ВТС) и кооперации в сфере «неклассической» (т.е. атомной) энергетики.

На динамику и интенсивность отношений между Дели и Москвой, несомненно, повлияло качественное улучшение связей между Россией и Китаем, получившее дополнительное ускорение после распада СССР. Можно сказать, что после 1991 г. в российско-индийских отношениях «китайский подтекст», присутствовавший в двустороннем взаимодействии как минимум с середины 1960-х гг., начал приобретать все более «мрачные» очертания.

Хорошо известно: беспокойство относительно геополитических намерений Китая (подлинных или мнимых, сути дела не меняет) с начала 1960-х гг. (т.е. с пограничного конфликта двух стран в 1962 г.) было и остается частью исторической памяти и политического сознания индийского общества. («Противостояние» в Гималаях летом 2017 г. вновь оживило антикитайские настроения в обществе «великого южного

соседа»). Будем исторически объективны: фактически лишенный поддержки России (а ведь СССР сделал немало для геополитического возвышения Индии), в 1990-е гг. официальный Дели начинает поиски противовеса растущему влиянию Китая на ход мировых событий. Одновременно Россия практически исчезает из информационного поля и общественно-политического дискурса Индии. По-видимому, в середине 1990-х гг. правящие круги Индии принимают стратегическое для последующего курса страны решение о сближении с Соединенными Штатами. Инициатива Индии о «стратегическом диалоге» (как впоследствии назвали процесс сближения Дели и Вашингтона) нашла положительный отклик у администрации Б. Клинтона.

В Дели уже тогда отдавали себе отчет в том, что центральной особенностью формирующихся структур и форматов «азиатского столетия» (т.е. перемещение на восток геоэкономической оси мира) станет поступательное возрастание экономического влияния, военной мощи и геополитических возможностей Китая. Индийская правящая элита сознавала: формирующийся геополитический сценарий в Азии будет в той или иной степени писаться под диктовку Поднебесной: ее интересов, внутри- и внешнеполитической стратегии и долгосрочной «повестки» отношений с ведущими силами региона АТР, включая государства, расположенные за пределами Азии.

Как же политическая элита Индии оценивает мотивы поведения Китая в мировом пространстве? Во-первых, для мировой политики лидеры Поднебесной предлагают концепцию многополярности, являющуюся антитезой «американской гегемонии». (И вправду, администрация Д. Трампа, движимая идеей «Америка превыше всего», по сути, не отклоняется от парадигмы *Pax Americana*.) Во-вторых, главной целью Пекина в АТР остается утверждение «унилатерализма» (т.е. моноцентричности) в Азии под «управлением» Китая. Политической основой *Pax Sinica*, как счи-

тает значительная часть индийского истеблишмента, становятся различные версии транспортных коридоров, объединяемых идеей Великого Шелкового пути. Таким образом, в складывающейся в АТР конфигурации геоэкономических и геополитических сил Индии, как полагают в Дели, отведено место во «втором эшелоне» государств этого региона. Такого рода настроения в индийском внешнеполитическом и военном истеблишменте приобретают в последнее время без преувеличения панический характер, особенно на фоне поступательного укрепления позиций КНР в регионе Южной Азии, а не только в Пакистане (Кузнецов, Малышева, 2017, с. 32).

В подобной оценке – невольно либо намеренно – недоучитывается в целом положительная динамика развития Индии в последние четверть века, а именно: успешный опыт экономических реформ в стране (несмотря на сохраняющийся «поляризованный» характер ее народного хозяйства), расширивших геоэкономические и геополитические возможности Индии, в т.ч. за пределами региона Южной Азии; действенные поиски правящим классом новой внешнеполитической парадигмы («восточная политика»); признание мировым сообществом де-факто ядерного статуса Индии; позитивные изменения в отношениях «крупнейшей демократии в мире» с такими «гравитационными полями» мировой политики, как США и Япония.

Очевидно, трезвый учет новых внешнеполитических возможностей Индии побудил правительство Манмохана Сингха (2004–2014) перенести логическое ударение на факторы сотрудничества между «Слоном» и «Драконом». Сам премьер неоднократно указывал: для двух крупнейших государств мира достаточно экономического и политического пространства, чтобы реализовать свои национальные стратегии развития на основе «здоровой конкуренции», а не истощающего силы соперничества. Разумеется, разделительные линии между «здоровой конку-

ренцией» и соперничеством гибки и подвижны, особенно для Индии, которая по сравнению с другими ведущими странами мира соседствует с государствами, создающими – по разным причинам – проблемы для безопасности страны. Помимо Пакистана это Бангладеш, правительство которой пока не может подчинить своему контролю всю территорию страны; индийская печать время от времени сообщает о «зонах рекреации» для международных террористов, воюющих на Ближнем Востоке, а также в Афганистане.

Особую озабоченность в Дели вызывает поведение «непознаваемого» Китая. Недавнее «противостояние в Гималаях» напомнило о давнишнем территориальном «диспуте» двух азиатских гигантов вокруг северо-восточного индийского штата Аруначал-Прадеш, который в Пекине по-прежнему именуют «Восточным Тибетом». (Строго говоря, для китайцев-южан «Восточный Тибет» расположен еще «восточнее», т.е. на западе провинции Сычуань.) Индийские военные эксперты обеспокоены форсированным экономическим развитием Тибета; некоторые из них называют политику центральных властей Китая «стратегией двойного назначения». «Учитывая сохраняющиеся между Индией и Китаем серьезные территориальные проблемы, – полагает, например, Ранджит Гупта из Института оборонных исследований в Дели, – развитие ультрасовременной железнодорожной, шоссейной и гражданско-авиационной инфраструктуры на исключительно сложной для строительства местности в малозаселенном Тибете, а равно и сознательная политика центральных властей [Китая] по ускоренному увеличению здесь доли ханьского населения, дополненная значительным наращиванием на территории провинции (т.е. Тибета. – А.В.) военных активов конвенционального и стратегического назначения, – все эти обстоятельства не могут не быть источником серьезного беспокойства. [Наша] тревога усиливается

еще и потому, что Китай уже соткал паутину прочных экономических, военных и политических отношений с соседями Индии, особенно с Бангладеш, Мьянмой и Пакистаном (Muni, 2008, p. 315).

Действительно, Бангладеш использует «инструменты» экономических (а также военно-технических) связей с Пекином для укрепления своих геополитических позиций в Южной Азии. К слову сказать, аналогичным образом действуют и другие государства региона. Возможен, однако, и иной взгляд на «экспансию» Поднебесной в регионе Южной Азии. К слову сказать, аналогичным образом действуют и другие государства региона. «Скептики» в Дели полагают: страхи относительно политики Китая в отношении «малых» стран Южной Азии проистекают от всевозрастающей зависимости внешнеполитического истеблишмента Индии от Америки, которая активно навязывает местной элите свое видение мировой ситуации, как и свои страхи и комплексы в отношении Поднебесной.

Фактор Мьянмы во внешних связях Индии

Мир регионализации для Индии пролегает через Юго-Восточную Азию, а начинается он с западного «форпоста» Юго-Восточной Азии Мьянмы/Бирмы. На наш взгляд, важность этой страны в системе геополитических приоритетов «крупнейшей демократии мира» предопределена несколькими обстоятельствами. Во-первых, Индия зависит от Мьянмы (как и от других соседних государств) в плане обеспечения «физической» безопасности, политической стабильности, экономического развития и повышения уровня жизни в «отъединенных» от «материковой» части штатах индийского северо-востока (связь осуществляется через узкий «коридор» Силигури шириной не более 30 км), стратегически важных, но глубоко проблемных как для внутренней, так и для

внешней политики страны. Во-вторых, отношения с Мьянмой исключительно значимы для Дели для поддержания устойчивого стратегического равновесия как в Бенгальском заливе, так и во всей восточной акватории Индийского океана. В-третьих, Мьянма является естественным географическим мостом между Индией и экономической группировкой АСЕАН, остающейся заглавной несущей платформой «восточной политики» Дели. Наконец, в-четвертых, в свете естественного стремления Индии максимально диверсифицировать источники энергетической безопасности страны Мьянма постепенно превращается в существенный (в т.ч. по причине географического соседства) для Индии источник жизненно необходимых (при сохранении «Слоном» высоких показателей экономического роста) углеводородов – газа и нефти.

Прописная истина: изменить географию невозможно. Говоря конкретно, восемь северо-восточных штатов Индии своеобразно отделены от «большой земли» Бутаном, Бангладеш, Тибетским автономным районом КНР и Мьянмой (о надежности «цыплячьей шеи», соединяющей две части единого политического «тела», уже говорилось). В этой весьма сложной территориальной конфигурации центральное место для внутренней и внешней политики Индии занимают Бангладеш и Мьянма, что зафиксировано в ее внешнеполитической стратегии.

Экономическое развитие восьми северо-восточных штатов, их внутриполитическая стабильность и «физическая» безопасность напрямую зависят от постоянной и плотной связи с «материковой» Индией, которая препятствует ощущению среди жителей Северо-Востока «оторванности» от остальной страны (Кузнецов, Малышева, 2017, с. 27–30). Поэтому не выглядит преувеличением прозвучавшее несколько лет назад из уст министра центрального правительства по вопросам развития Северо-Востока М.Ш. Айяра: «...для нас (т.е. индийцев – А.В.) Юго-

Восточная Азия начинается в северо-восточной Индии». Слова политика не лишены и серьезной исторической подоплеки: ведь Вторая мировая война и раздел Индии в 1947 г., по сути дела, разорвали традиционные культурные, этнические и экономические связи между Индией и Юго-Восточной Азией, которые Дели пытается реанимировать с помощью «восточной политики».

Одной из центральных задач «восточной политики» остается полное прекращение «повстанческой» деятельности в штатах Северо-Востока: «инсургенты», как отмечают военные эксперты, осуществляют свои операции с территории Бангладеш, положение на отдельных участках которой центральная власть фактически не контролирует. В этих сложных условиях значение отношений с Мьянмой для Индии определяется способностью властей этой страны полностью перекрыть каналы снабжения оружием «повстанцев», действующих с территории Бангладеш – как по суше, так и по морю. Помимо «антиповстанческой» проблематики отношения с Мьянмой стратегически важны для Индии при обеспечении безопасности и жизнедеятельности Андаманских и Никобарских островов, находящихся в восточной части акватории Бенгальского залива. Наконец, «восточная политика» Дели рассматривает Мьянму как «ворота» в Таиланд и Лаос и вообще как наиболее короткий путь в Юго-Восточную Азию.

Мьянма, как известно, это страна сохраняющейся внутриполитической «турбулентности», которая проистекает не только из группы факторов эндогенного происхождения (необходимость форсированного выхода страны из состояния длительной самоизоляции, наличие «неспокойных» этнических меньшинств, безальтернативность модернизации политических институтов и практик и т.д.), но и нередко подпитывается извне. В отношении к внутренней социально-экономической и политической проблематике Мьянмы у Индии имеется значительное совпадение

долгосрочных интересов с государствами – членами АСЕАН. Совпадение интересов воплощается в следующих стратегических установках. Первое: уменьшение зависимости Мьянмы от Китая, которая, как полагают в некоторых столицах стран – участниц АСЕАН, начинает приобретать «необратимый» характер. Второе: принцип невмешательства во внутренние дела других стран остается «священным и неприкосновенным» началом межгосударственных отношений в Юго-Восточной Азии. Третье: осторожная и взвешенная общая линия поведения стран АСЕАН в отношении Мьянмы не прямо, но ощутимо связана с пониманием чрезвычайно выгодного географического положения последней (своеобразный «мост» между Южной и Юго-Восточной Азией), а также наличием у этой страны значительных природных ресурсов, включая углеводородное сырье. Четвертое: Индию и страны Юго-Восточной Азии объединяет поддержка необходимых политических реформ в Мьянме, осуществляемых по эволюционной траектории (на данном направлении внутреннего развития индийский опыт политической модернизации оказывается востребованным вдвойне).

Демократизация общественной жизни в Мьянме теоретически создает благоприятные предпосылки для интенсификации двусторонних внешнеэкономических связей, включая совместную модернизацию транспортной инфраструктуры и увеличение инвестиционных потоков из Индии. (Состояние инфраструктуры видится некоторым экспертам препятствием для углубления двусторонних торгово-экономических связей (Malhotra, Singh Gill, 2015, p. 127).) Для полноценной интеграции индийского северо-восточного «аппендикса» в процессы азиатской интеграции потребуется политическая воля, поскольку водные пути в Бенгальском заливе с незапамятных времен были экономичнее и безопаснее сухопутных. Развитие автомобильных и железнодорожных ма-

гистралей – из северо-восточных штатов в Юго-Восточную Азию через Мьянму потребует значительных инвестиций, на выделение которых Индия пока не готова. «Экономический коридор» Индия – Мьянма потребует массивного привлечения прямых иностранных инвестиций. Задача по привлечению инвесторов из стран Юго-Восточной Азии, таким образом, становится центральным элементом «восточной политики» Индии.

Целесообразно отметить, что товарооборот между Индией и Мьянмой в последние годы устойчиво растет, причем последняя имеет довольно значительный положительный баланс (Malhotra, Singh Gill, 2015, p. 231). По признанию обеих сторон, потенциал внешнеэкономических связей Индии и Мьянмы значителен. Центральное правительство в Дели сознает, что в структуре внешнеэкономических отношений должна поступательно увеличиваться доля штатов индийского Северо-Востока. По сути дела, двусторонние отношения призваны решать двустороннюю стратегическую задачу: 1) «подтянуть» Северо-Восток до уровня развитых штатов Индии и 2) выступить эффективным «мостом» интеграции народного хозяйства Индии в систему разделения труда, складывающегося в Юго-Восточной Азии. Среди конкретных экспертных предложений по уплотнению внешнеэкономических связей Индии и Бирмы принято выделять: создание (на основе северо-восточных штатов) зоны свободной торговли двух стран; прокладку новых маршрутов движения грузов по территории штатов Аруначал-Прадеш и Нагаленд с целью снижения транспортных издержек; создание совместных предприятий с целью повышения «проницаемости» рынков двух стран; усиление институциональной поддержки двусторонних экономических отношений в виде развития банковской системы специально для обслуживания торгово-экономических связей двух стран.

Стратегия Индии в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке

Мьянма справедливо рассматривается как кратчайший путь в АСЕАН, как своеобразный каркас «восточной политики» Индии. Однако интеграция – это «магистраль» с двусторонним движением. Поэтому целесообразно коснуться такой проблемы, как реакция государств Юго-Восточной Азии и (отчасти) Дальнего Востока на новые, «ориентальные» мотивы внешнеполитической деятельности Индии, оценить ее эффективность и по возможности очертить контуры стратегии официального Дели на данном направлении.

Выступая на исходе 2014 г. на 12-м саммите Индия – АСЕАН, премьер-министр Нарендра Модии привлек внимание участников заявлением о начале «новой эры» экономического развития, индустриализации и внешних связей в его стране. Политика «смотри на восток» (“look East”) официально превращалась в стратегию «действуй на Востоке» (“act East”). Если первая фаза была сфокусирована на отношениях со странами АСЕАН, то для второго этапа действий была заготовлена новая, расширительная для Индии дефиниция «Востока», который теперь включал Японию, Южную Корею и даже Австралию.

Со своей стороны государства АТР рассматривали Индию как силу, способную стабилизировать политическую обстановку в регионе, как неявную «антитезу» Китаю и его растущему влиянию в Азии. Ожидания политических элит государств АТР становились все более многоплановыми по мере активации деятельности Поднебесной в бассейнах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Интерес к «балансирующей» роли Индии в регионе стимулировало и растущее соперничество Китая и США на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Говоря обобщенно, Индия рассматривалась как необходимый элемент усложне-

ния «уравнения» геополитических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Элиты государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии видели в Индии силу, способную действенно противостоять практике, «подрывающей нормативные и стратегические основы регионального миропорядка в Азии».

Лидеры государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, приветствуя стремление Индии к усложнению «уравнения» геополитических сил в регионе АТР, в то же время обращали внимание официального Дели на главное условие «активистской» деятельности на известном удалении от «родных» берегов. Внешнеполитическая активность, напоминали в столицах стран АСЕАН и Дальнего Востока, непосредственно вытекает из экономической мощи государства, опирающейся на энергичный рост и поступательную диверсификацию народнохозяйственного комплекса. При этом речь, очевидно, шла не столько о нетто-показателях экономического роста, сколько о подведении прочной социальной основы под «вестминстерскую» систему политических институтов.

Видимо, имелась в виду «стратегическая автономия» Индии в принятии как краткосрочных, так и средне- и долгосрочных решений, а именно: способность вступать в альянсы на основе общности интересов (пусть временных); умение защищать принципы свободного доступа к рынкам и обеспечивать условия для не ограниченной политическими императивами торговли между странами; способность сохранять доминирующие позиции в Индийском океане и защищать свои «жизненные» интересы в Южной Азии.

В 1993 и 1995 гг. состоялись визиты правительственных делегаций Индии во главе с премьер-министром П.В. Нарасимха Рао в Индонезию, Сингапур, Малайзию, Таиланд, Вьетнам и Южную Корею. С индийской стороны всячески подчеркивалась готовность Дели либерализовать режим доступа иностранных инвестиций в

индийскую экономику. В индийском правящем классе полагали: высокие показатели экономического роста и поступательное расширение «пространства» среднего класса (иными словами, увеличение емкости внутреннего рынка) станут стимулирующим фактором притока прямых иностранных инвестиций в экономику Индии. Инвестиции из стран АТР рассматривались как инструментальный способ решения извечной для Индии проблемы инфраструктуры, создающей помехи экономическому и социальному развитию. Официальный Дели, действуя таким образом, пытался противопоставить Индию Китаю как основному «гравитационному полю» мировой торговли. Подобные намерения молчаливо приветствовались в странах – участницах АСЕАН.

Экономические результаты «восточной политики» Индии оказались противоречивыми. С одной стороны, объем торговли Индии со странами АСЕАН возрос с почти 3 млрд долл. в 1993 г. до 70 млрд долл. в 2016 г. С другой стороны, товарооборот Китай – АСЕАН достиг почти 370 млрд долл. Индии в сложившихся условиях остается уповать на форсированное расширение объема товарами и услугами в рамках зоны свободной торговли Индия – АСЕАН. Однако «прорывам» на данном направлении внешнеэкономических связей пока препятствует состояние транспортной инфраструктуры, связывающей два крупных субъекта экономической деятельности. Речь идет, в частности, о таких перспективных проектах, как «экономический коридор «Меконг – Индия», шоссейная магистраль Индия – Мьянма – Таиланд и т.д.

Первоначально в Дели значительные надежды возлагали на внешнеэкономические связи с Японией и Южной Кореей. Обе эти страны стали основными иностранными инвесторами таких крупных

проектов, как, например, метрополитен в Дели. Подписано соглашение с Японией о строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали в штате Гуджарат («малая родина» премьера Н. Модии). Далее, Япония участвует в прокладке нескольких «экономических коридоров» в Индии. Однако объем индийско-японских внешнеэкономических связей, несмотря на подписанное в 2011 г. соглашение о свободной торговле, растет медленно, никак не пересекая заветную черту в 20 млрд долл. (экспорт из Японии составляет 2/3 общего товарооборота).

Вместе с тем японо-индийские внешнеэкономические связи имеют незримый геополитический компонент. Так, Дели удалось получить значительный «грант» под низкие проценты по официальной программе Японии Overseas Development Aid на развитие энергетики, телекоммуникаций и транспорта. С учетом содействия в создании «промышленных коридоров» Дели – Мумбаи и Ченнаи – Бенгалуру (Бангалор) Индия превращается в крупнейшего реципиента японской программы «Помощи развитию» (Varma, 2009, p. 244). К 2020 г. Япония планирует довести объем своих прямых инвестиций в экономику Индии до 35 млрд долларов. Линия на уплотнение инвестиционных контактов между двумя странами, как полагают эксперты-международники, связана со стремлением премьер-министра Японии Синдзо Абэ использовать Индию в качестве стабилизирующей силы в зоне «южных морей», а также расширить географию внешнеэкономических действий японских компаний за счет освоения потенциально емкого внутреннего рынка «страны-гиганта»². Курс на углубление многопрофильного японо-индийского сотрудничества опирается – не в последнюю очередь – на «синергетический эффект» личных взаимоотношений руково-

2 См. Thakur R. The enduring basis of strong India-Japan relations. *The Japan Times*. 18.10.2017; Maini T.S., Sachdeva S. Japan is building India's infrastructure. *The Diplomat*. 02.08.2017

дителей двух стран – С. Абэ и Н. Модии; последний, в свою очередь, всячески пропагандирует свою страну как источник сравнительно недорогой и хорошо подготовленной рабочей силы, и в подобной линии, несомненно, присутствует тема «третьей силы» – «непознаваемого» Китая.

В 2010-е гг. ведущие японские корпорации продолжали «победоносный марш» на индийский внутренний рынок: с января 2008-го по октябрь 2013 г. число японских компаний, оперирующих на индийском рынке, возросло с 438 до 1072 (Kojima, 2014, p. 9). Помимо таких известных фирм, как Suzuki, Nissan, Toyota и Honda, а также Sony и Panasonic (которые давно знакомы с запросами индийского среднего класса), в Индию активно внедряются фармацевтические компании, производители продовольственной продукции, косметики, медицинских товаров и т.д. Правда, сдерживающим началом для развития внешнеэкономических связей остается значительный дефицит Индии в двусторонней торговле.

По аналогичной траектории развиваются и связи Индии с Южной Кореей. Крупные корейские финансово-промышленные группы (ФПГ), т.е. чеболи, «вдохновляют» рост емкости внутреннего рынка Индии (как следствие расширения социально-экономического пространства бытования среднего класса) и относительная дешевизна квалифицированной рабочей силы. Так же как и в случае с Японией, велико положительное сальдо Южной Кореи в торговле с Индией (более 2,5 к 1), и тенденция к изменению столь тягостного положения пока не просматривается.

Несмотря на сохраняющиеся дисбалансы во внешнеэкономических связях Индии со странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, политика Индии на данном направлении достигла определенных положительных результатов. Индия активно осваивает относительно новые для себя внешние рынки. Иными словами, «восточная политика» подтолкнула процессы интеграции с участием Индии в

Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время значительный внешнеторговый дефицит косвенно указывает на то, что Индии пока не удалось эффективно интегрироваться в производственные «цепочки», существующие в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Вместе с тем стоит заметить: интеграционные тенденции находятся в неразрывной связи с геополитическими императивами, влияние которых резко возросло в свете событий и процессов недавнего прошлого, главными среди которых, несомненно, стали: 1) зримая активизация политики Поднебесной на обширном пространстве Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (а в последние несколько лет – и в акватории Индийского океана); 2) становящаяся все более явной для союзников неспособность Соединенных Штатов «регулировать» систему международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как в былые годы. Отражением последнего тренда стали публикации авторов с солидной академической репутацией о неизбежности смены парадигмы мирового развития с *Rax Americana* на *Rax Sinica* (Jacques, 2009). Можно предположить: в сложившихся в настоящее время условиях Индия (а равным образом и Россия) начинает рассматриваться как необходимый элемент «нового баланса сил» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С наибольшей отчетливостью осознание нового характера международных отношений в регионе АТР проявляется в установках и поведении правящих кругов Японии. Официальный Токио последовательно проводит линию, в основе которой единство трех главных геополитических элементов: 1) приоритет международного права в межгосударственных отношениях; 2) восприятие регионов Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Южной Азии как единого геополитического пространства, регулируемого двусторонними и межгосударственными договорами и соглашениями, которые имеют общеобязательный характер; 3) обеспечение режима

свободного мореходства в «коридоре» Индийский океан – Южно-Китайское море – Восточно-Китайское море – Тихий океан. В Токио, в частности, полагают: разрешение «территориальных диспутов» в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях возможно лишь с участием всех заинтересованных государств, что будет способствовать повышению геополитического статуса больших и малых стран, включая, возможно, и внерегиональных «игроков». В этой гибкой, пластичной, постоянно меняющейся конфигурации «свободной геометрии» международных отношений³ Индии отводится важная «балансирующая» роль, тогда как правящие круги в Дели рассчитывают на взаимность, прежде всего в сфере прямых иностранных инвестиций и внешнеэкономических связей. Сегодня в Дели Азиатско-Тихоокеанский регион сознательно «расширяется» в западном направлении, по меньшей мере до бассейна Индийского океана, а место традиционного для АТР определения Asia-Pacific заступила не совсем привычная дефиниция Indo-Pacific, акцентирующая важную роль Индии на данном пространстве.

Тем не менее Индии интегрироваться в экономическое пространство АТР будет непросто. Помимо уже отмеченных трудностей политэкономической адаптации существует группа факторов геополитического происхождения, которые на обозримую перспективу будут тормозить создание единого «индо-тихоокеанского» пространства. С одной стороны, элиты стран АСЕАН и Дальнего Востока опасаются всевозрастающей активности Поднебесной в АТР. С другой стороны, для большинства стран региона Китай является крупнейшим торговым партнером и зарубежным инвестором. (Возможно, Пекин искусно регулирует структуру внешнеторговых ба-

лансов со странами Юго-Восточной Азии, тем самым побуждая правящие круги последних чутко реагировать на внешнеполитические инициативы «великого северного соседа» в регионе.) Помимо этого в странах Юго-Восточной Азии проживают экономически преуспевающие китайские общины (хуацяо), которые оказывают сильное влияние и на характер эндогенных политэкономических процессов, и на динамику внешнеэкономических связей указанных государств. Отношения этих групп с материковым Китаем многообразны. Влияние Пекина на их политическое поведение трудно проследить, но оно несомненно. Можно предположить, что хуацяо (как важная «группа интересов» практически в каждой стране АСЕАН) являются эффективным инструментом политики Китая в отношении Индии в данном регионе. Хорошо известно, что китайское руководство выступает, в частности, за развитие модели сотрудничества по формуле «АСЕАН + 3» (т.е. Поднебесная, Япония, Южная Корея), стремясь всячески ограничить участие Индии (а также США) в форматах межгосударственного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В свою очередь Индия стремится усилить свое экономическое присутствие в зоне «южных морей» за счет «молчаливого» участия в двусторонних и многосторонних территориальных диспутах (берущих начало в далеком прошлом) с участием Китая, с одной стороны, и таких стран, как Вьетнам, Малайзия, Филиппины и т.д. – с другой. Военные эксперты полагают, что невидимой подосновой такого рода споров стало относительное ослабление Соединенных Штатов, и, в частности, их военно-морской мощи. Практическая сторона подобных противоречий – это стремление таких стран, как Япония и

3 «Свободная геометрия международных отношений» – концепт, предполагающий отказ от идеологической борьбы в мировой политике и ставящий ударение на общности интересов различных государств, которые в прошлом могли быть и идейными противниками. Ситуационное взаимодействие, таким образом, придает всей системе международных отношений подвижный, гибкий и «эластичный» характер. Понятно, что институционализация подобной модели будет означать «успокоение» и предсказуемость поведения всей мировой системы.

Южная Корея, обеспечить бесперебойное поступление углеводородов из зоны Персидского залива (более 80% объема импорта энергоносителей для Республики Корея). Заинтересованность Индии в свободном судоходстве по «южным морям», а также в Восточно-Китайском море предопределена тем обстоятельством, что более половины внешнеторгового оборота страны проходит через Малаккский пролив, в том числе растущие объемы поставок углеводородов с Сахалина и из других регионов России⁴. Не будет преувеличением утверждение, что активное военноморское строительство Индии встречает понимание в Токио, Сеуле, а также в столицах государств – членов АСЕАН.

Вместе с тем в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока с сожалением констатируют: для эффективного проникновения в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток необходима дееспособная политэкономическая подоснова, а именно потенциала совместной хозяйственной деятельности у Индии в АТР пока не хватает. Помимо этого среди элит стран АСЕАН растет опасение возможных успехов экспортноориентированной стратегии Индии на востоке, поскольку проникновение индийских товаров на рынки Юго-Восточной Азии может вызвать обострение конкуренции и нежелательные для «крупнейшей демократии мира» политические последствия. Важным долгосрочным ограничителем интеграционных трендов в регионе АТР может послужить внутривнутриполитическая парадигма самой Индии, сердцевиной которой должна стать реиндустриализация и развитие на новой научно-технологической основе промышленности и других базовых кластеров экономики страны. Тем более что «нынешний переходный период в эволюции мировой системы означает, среди прочего, безальтернативность пути вну-

тренных преобразований, выступающих фундаментом жизнеспособности наций. Общественные трансформации в различных социокультурных средах могут изменяться индивидуально, как то: «русская идея», «Америка превыше всего», «антиглобалистская повестка», «сохранение цивилизационной (национальной, этнокультурной) идентичности» и т.п. Но суть модернизации неизменна. В социально-экономическом плане это парадигма развития, т.е. кумулятивный процесс (курсив в цитируемом тексте мой. – А.В.), вбирающий в себя: 1) серьезный экономический рост...; 2) максимальную занятость трудоспособного населения – главную гарантию общественного спокойствия; 3) социально «справедливое»/политически «безопасное» распределение национального дохода» (Володин, Чудодеев, 2017, с. 19).

Индия и ближайшие соседи

Иными словами, применительно к Индии нынешняя мировая ситуация требует обратить пристальное внимание на проблемы и противоречия внутреннего развития страны, на ближайших соседей, на обеспечение для него максимально благоприятных внешнеполитических условий. Интеграционные процессы в Южной Азии протекают неравномерно, с боковыми и попятно-возвратными движениями (Кузнецов, Мальшева, 2017, с. 31–32). Соседние южноазиатские государства, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, не говоря уж о Пакистане, активно используют принципы «свободной геометрии международных отношений», и прежде всего индийско-китайские противоречия, для максимальной эффективной реализации собственных экономических и геополитических интересов.

В Дели признают: политика Индии в Южной Азии пока не привела к качествен-

4 По оценке бывшего посла Индии в России Аджая Мальхотры (октябрь 2015 г.), к 2020–2021 гг. его страна будет получать из России до 40% общего объема импорта нефти.

ным сдвигам в отношениях с государствами региона. Индийско-пакистанские отношения по-прежнему пронизаны недоверием и враждой, берущими свои истоки в 1947 г., т.е. со времени завоевания суверенитета. Двусторонние отношения осложняются принадлежностью обеих стран к «клубу» ядерных держав. Индийские правящие круги обеспокоены радикализацией политических сил в Пакистане. Попытки изолировать исламскую республику успеха не имели. Дипломаты и аналитики-эксперты в Дели вынуждены признать: быстрых «разгадок» индийско-пакистанской «головоломки» ожидать не приходится. От себя добавлю: географию еще никому не удавалось изменить. На помощь американцев в давлении на Пакистан рассчитывать сложно, поскольку правящие круги США осознают зависимость от Исламабада в урегулировании чрезвычайно сложной афганской проблемы. Китайско-пакистанское «всепогодное союзничество» также не позволяет Дели договариваться с Исламабадом на своих условиях.

Несколько лучше обстоят дела в отношениях Индии с другими странами Южной Азии. Так, подписанное в 1996 г. индийско-бенгальское соглашение о распределении водных ресурсов и договор 2016 г. о делимитации границы между двумя государствами определенно улучшили отношения между Дели и Даккой. Однако власти Бангладеш искусно «балансируют» отношения их страны с Индией развитием многопрофильного экономического и военно-технического сотрудничества с Китаем. В последнее время возникли проблемы и в индийско-непальских отношениях. И в этом случае Китай выступает как «третья сила», все более эффективная. Правящие круги Шри-Ланки, созная важное геостратегическое положение страны на морских путях, проходящих по акватории Индийского океана, довольно давно избрали внешнеполитический курс лавирования между двумя государствами-гигантами. Стоит также заметить, что внешняя политика Индии в

Южной Азии недостаточно подкреплена «инструментарием» политической экономики: товарооборот Индии с соседями составляет лишь 4,5% общего объема внешнеэкономических связей страны [12: 359].

Важное место в геоэкономической и геополитической стратегии Индии занимает регион Западной Азии, сердцевину которого составляют Саудовская Аравия и государства Персидского залива. Западноазиатское направление имеет как собственно экономическое, так и социальное/«человеческое» измерение. Так, примерно 60% импортируемой нефти Индия получает именно из этого региона. Далее, около 4,5 млн индийцев проживают и работают в странах Западно-Азиатского региона [12: 359]. Учитывая роль Западной Азии и Северной Африки в системе внешнеполитических приоритетов Индии, некоторые аналитики призывают правительство в Дели разработать долгосрочную линию поведения на данном пространстве – “Look West Policy”.

Индийская элита со времени «позднего» Советского Союза была озабочена проблемами тогдашних республик Средней Азии (ныне – независимые государства Центральной Азии). Основной интерес Дели к положению на этих территориях определялся стремлением сохранить секуляристский характер новообразованных государств и их политических институтов. В настоящее время неограниченный доступ в Центральную Азию, при существующих геополитических условиях, возможен только через международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг», основными участниками и эксплуатантами которого должны стать Россия, Индия и Иран. Видимо, ввод в действие МТК «Север – Юг» ускорит начало прокладки «пакистанского экономического коридора», который, как полагают в Дели, создает реальную угрозу геоэкономическим и геополитическим интересам Индии. Введение в действие МТК «Север – Юг», несомненно, увеличит интеграционный потенциал Индии на постсо-

ветском пространстве и углубит участие этой страны в процессах регионализации, центральным элементом которой станет транспортная революция в Евразии.

Список литературы

Володин А. (2010). «Рост плюс развитие», или Индийский опыт экономических реформ. *Мировая экономика и международные отношения*. (10).

Володин А.Г., Чудодеев А.Ю. (2017). Дональд Трамп: назад в будущее. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 2 (12).

Кузнецов А.В., Малышева Д.Б. (ред.). (2017). *Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами*. М.: ИМЭМО РАН.144.

Jacques M. (2009). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Allen Lane. 778.

Kojima M. (2014). *The Evolution of Japan-India Economic Relations in the Rebalance Within Asia*. Washington: Wilson Center.74

Muni S.D. (2008). *IDSA Asian Strategic Review 2008*. New Delhi: IDSA. 378.

Malhotra R., Singh Gill S. (eds.). (2015). *India's North-East and Asiatic South-East: Beyond Borders*. Chandigarh: CRRID.302.

Varma L. (2009). Japan's Official Development Assistance to India: A Critical Ap-

praisal. *India Quarterly*, 65(3). 237–250. DOI: 10.1177/097492840906500302

References

Jacques M. (2009). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Allen Lane. 778.

Kuznetsov A.V., Malysheva D.B. (eds.). (2017). *Internal imbalances of large developing states and specificity of their interaction with neighboring countries*. Moskva: IMEMO RAN.144.

Kojima M. (2014). *The Evolution of Japan-India Economic Relations in the Rebalance Within Asia*. Washington: Wilson Center. 74.

Muni S.D. (2008). *IDSA Asian Strategic Review 2008*. New Delhi: IDSA. 378.

Malhotra R., Singh Gill S. (eds.). (2015). *India's North-East and Asiatic South-East: Beyond Borders*. Chandigarh: CRRID.302.

Varma L. (2009). Japan's Official Development Assistance to India: A Critical Appraisal. *India Quarterly*, 65(3). 237–250. DOI: 10.1177/097492840906500302

Volodin A. (2010). "Growth plus Development", or Indian Experience of Economic Reforms. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (10). 91–98.

Volodin A.G., Chudodeev A.Yu. (2017). Donald Trump: Back to the Future. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 2 (12).

Информация об авторе

Андрей Геннадьевич Володин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

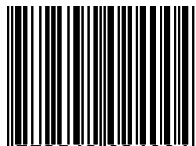
117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23

About the Author

Andrei G. Volodin, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

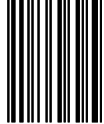
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

1 7 0 0 4

>